

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

1
2022

ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.А. Седакова (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, М.М. Валенцова, Г.К. Венедиктов, М. Гардзанити (Италия),
А.А. Гиппиус, Н.С. Гусев, М. Зеленка (Чехия), В.И. Косик, М.В. Лескинен, Л.В. Луховицкий,
Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко (Словакия), В.В. Мочалова, К.В. Никифоров, В. Павлович (Сербия),
В.Я. Петрухин, Р. Прешленова (Болгария), М.А. Робинсон, М.Н. Саенко, А.С. Стыкалин,
Б.Н. Флоря, О.В. Хаванова.

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Отделы: *И.Е. Адельгейм (зав. отделом литературоведения),*
Е.В. Байдалова, И.И. Баринов, О.В. Белова (зав. отделом культурологии),
М.М. Валенцова (зав. отделом лингвистики), Е.Б. Лопатина,
А.С. Стыкалин (зав. отделом истории).

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках. Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

© Российская академия наук, 2022
© Составление. Редколлегия журнала
«Славяноведение», 2022

Содержание

СТАТЬИ

<i>Дубовик О.А.</i> (Москва). Стефан Стамболов и македонский вопрос: выработка стратегии.....	5
<i>Лабаури Д.О., Градобоев И.А.</i> (Екатеринбург). Болгаро-турецкие отношения в конце 1913 – первой половине 1914 года по донесениям русской военной разведки на Балканах.....	21
<i>Терехова Н.Г.</i> (Москва). Болгарский «тесняк» Христо Кабакчиев и образование ИКП (конец 1920 – начало 1921 года).....	35
<i>Серационова Е.П.</i> (Москва). Нападение фашистской Германии на СССР и реакция чехословацкого эмигрантского правительства.....	53
<i>Улуян Ар.А.</i> (Москва). Болгария, Венгрия и Румыния в поисках внутрисистемной экономической альтернативы. Обще-особенные черты процесса (60-е годы XX века).....	62
<i>Борисенок Е.Ю.</i> (Москва). П.Е. Шелест в оценке современной украинской историографии ...	83
<i>Бодрова А.Г.</i> (Санкт-Петербург). «Poor little Serbia»: первый сербский травелог об Америке	95

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Баринев И.И.</i> (Москва). Библиотека Юлиана Яворского: книжное собрание и его владелец ...	103
--	-----

ОБЗОРЫ

<i>Канарская А.Н.</i> (Москва). «Герои» и «антигерои» в истории Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XX века). Обзор конференции в Институте славяноведения РАН	113
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Задорожник Э.Г.</i> Раевский Н.А. Русский гарнизон в Болгарии. Орхание – София – Прага	123
<i>Байдалова Е.В.</i> В.Ф. Солдатенко. Винниченко и Петлюра: соратники или соперники?	126
<i>Изотов А.И.</i> Lingvistika – korpus – empirie	129

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Амосова С.Н.</i> Четвертая международная конференция «Еврейское поле: опыт и концептуализация».....	132
--	-----

ЮБИЛЕИ

<i>Боровков Д.А.</i> К юбилею Сергея Михайловича Каштанова.....	135
К юбилею Наталии Витальевны Злыдневой.....	137

НЕКРОЛОГИ

<i>Трефилова О.В.</i> Памяти Григория Куприяновича Венедиктова (1929–2021).....	139
---	-----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

1
2022

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

JANUARY •

FEBRUARY •

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

I.A. Sedakova (editor-in-chief),
I.E. Adelgeim, M.M. Valentsova, **G.K. Venediktov**, M. Gardzaniti (Italy), A.A. Gippius, N.S. Gusev,
M. Zelenka (Czech Republic), V.I. Kosik, M.V. Leskinen, L.V. Lukhovitski, G.F. Matveev,
L. Matejko (Slovakia), V.V. Mochalova, K.V. Nikiforov, V. Pavlović (Serbia), V.J. Petrukhin,
R. Preshlenova (Bulgaria), M.A. Robinson, M.N. Saenko, A.S. Stykalin, B.N. Florya, O.V. Khavanova.

A.S. Stykalin (executive secretary)

Departments: *I.E. Adelgeim, E.V. Baidalova* (Literature);
O.V. Belova (Cultural studies); *M.M. Valentsova* (Linguistics);
I.I. Barinov, E.B. Lopatina, A.S. Stykalin (History).

Head of the Editorial office: *G.A. Mikheeva*

Copy Editors: *L.A. Avakova, E.V. Ponomareva, I.J. Veslova*

Address: 119991, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Contents

ARTICLES

<i>Dubovik O.A.</i> (Moscow). Stefan Stambolov and the Macedonian question: development of the strategy....	5
<i>Labauri D.O., Gradoboev I.A.</i> (Yekaterinburg). Bulgarian-Turkish relations in late 1913 – first half of 1914 according to reports of Russian military intelligence in the Balkans	21
<i>Terekhova N.G.</i> (Moscow). Bulgarian «tesnjak» Khristo Kabakchiev and the formation of the Italian Communist party (1920–1921)	35
<i>Serapionova E.P.</i> (Moscow). The Attack of the Fascist Germany on the USSR and the reaction of the Czechoslovak Émigré Government	53
<i>Ulunyan Ar.A.</i> (Moscow). Bulgaria, Hungary and Romania in search of an intra-system economic alternative. Generally special features of the process (60s of the XX century).....	62
<i>Borisenok E. Yu.</i> (Moscow). P.E. Shelest in assessment of contemporary Ukrainian historiography	83
<i>Bodrova A.G.</i> (Saint Petersburg). «Poor little Serbia»: the first Serbian travelogue about America.....	95

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Barinov I.I.</i> (Moscow). Yulian Yavorski's library: the book collection and its owner	103
--	-----

CONFERENCE REPORTS

<i>Kanarskaya A.N.</i> (Moscow). «Heroes» and «antiheroes» in the history of Central and Southeastern Europe (second half of the 20 th century). Overview of the conference at the Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences	113
--	-----

REVIEWS

<i>Zadorozhnyuk E.G.</i> Н.А. Раевский. Русский гарнизон в Болгарии. Орхание—София—Прага.....	123
<i>Baydalova E.V.</i> В.Ф. Солдатенко. Винниченко и Петлюра: соратники или соперники?	126
<i>Izotov A.I.</i> Lingvistika – korpus – empirie.....	129

SCHOLARLY LIFE

<i>Amosova S.N.</i> Fourth International Conference «Jewish Field: Experience and Conceptualization».....	132
---	-----

ANNIVERSARIES

<i>Borovkov D.A.</i> For the anniversary of Sergei Mikhailovich Kashtanov	135
For the anniversary of Natalia Vitalievna Zlydneva	137

OBITUAPIES

<i>Treflova O.V.</i> In memory of Grigory Kupriyanovich Venediktov (1929–2021)	139
--	-----

СТАТЬИ

Славяноведение, 2022, № 1, с. 5–20

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 1, pp. 5–20

DOI: 10.31857/S0869544X0018059-7

Оригинальная статья /
Original Article

Стефан Стамболов и македонский вопрос: выработка стратегии

© 2022 г. О.А. Дубовик

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

olgadubovik@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается становление стратегии болгарского правительства и Стефана Стамболова в 80–90-е годы XIX в. относительно османского наследства и судеб македонских славян. Особое внимание уделено вопросу о поисках возможных союзников, отношениям с представителями великих держав. Автор приходит к выводу о политическом реализме Стамболова и результативности выработанной стратегии.

Ключевые слова: Стефан Стамболов, македонский вопрос, Османская империя, великие державы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, № 20-59-18007.

Ссылка для цитирования: Дубовик О.А. Стефан Стамболов и македонский вопрос: выработка стратегии // *Славяноведение*. 2022. № 1. С. 5–20. DOI: 10.31857/S0869544X0018059-7.

Stefan Stambolov and the Macedonian question: development of the strategy

2022. O.A. Dubovik

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

olgadubovik@gmail.com

Abstract. The article examines the formation of the strategy of the Bulgarian government and Stefan Stambolov in the 80s-90s of the 19th century regarding the Ottoman heritage and the fate of the Macedonian Slavs. Particular attention is paid to the issue of searching for possible allies, relations with representatives of great powers. The author comes to the conclusion about the political realism of Stambolov and the effectiveness of the developed strategy.

Keywords: Stefan Stambolov, Macedonian question, Ottoman Empire, great powers.

The reported study was funded by RFBR and by National Science Fund of Bulgaria (NSFB), project No 20-59-18007

Reference for citation: *Dubovik O.A.* Stefan Stambolov and the Macedonian question: development of the strategy // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No 1. P. 5–20. DOI: 10.31857/S0869544X0018059-7.

В последней четверти XIX в. историческая область Македония, входившая в состав Салоникского, Битольского и Косовского вилайетов Османской империи, стала объектом политического, культурно-просветительского, религиозного, а порой даже экономического соперничества балканских государств за привлечение на свою сторону этнически не выраженного местного славянского населения главным образом путем создания параллельных систем образования и расширения сфер влияния национальных православных церквей.

Нельзя согласиться с традиционной позицией, что решения Берлинского конгресса 1878 г. прервали процесс складывания болгарской нации в Македонии, активизировавшийся с появлением в 1870 г. болгарского экзархата, а после 1878 г. глубоко разочарованное итогами Берлинского конгресса Княжество Болгария прекратило деятельность в македонских провинциях, сосредоточившись на идее объединения с Восточной Румелией. Эту мысль можно проиллюстрировать эволюцией взглядов Стефана Стамболова – одной из наиболее ярких, хотя и весьма неоднозначно оцениваемых фигур, – на македонскую проблему – проблему национального освобождения и объединения болгар.

Еще до подписания Берлинского трактата, находясь на службе в Канцелярии императорского комиссара, Стамболов эмоционально заявил, что не было необходимости освобождать Болгарию, если Россия не в состоянии защитить ее в границах по Сан-Стефанскому прелиминарному миру, и далее: «Под турками, но в едином и объединенном пространстве, у нас была надежда на светлое будущее»¹.

Сразу после конгресса Стамболов отправился в Македонию, чтобы вместе с митрополитом и общественным деятелем Натанаилом Охридским агитировать против положений Берлинского трактата, а оттуда в Тырново, где участвовал в создании первого комитета «Единство». Стамболова считают одним из разработчиков его программной прокламации под заголовком «Что делать?», в которой развивался тезис, что будущее Учредительное собрание должно разработать конституцию «целокупной» (единой) Болгарии². Эти комитеты стали организаторами Кресненско-Разложского восстания 1878 г., показавшего неготовность населения провинций к активным действиям и отсутствие какой-либо поддержки стремлений со стороны великих держав. Не помогли и многократно испытанные ранее методы обращений митрополита Натанаила к представителям российского общества, в частности к И.С. Аксакову [9. С. 305]. И после явных неудач Стамболов в феврале 1879 г. не отказался от идеи создать в Тырнове «общий для Фракии, Македонии и Болгарии комитет “Болгарское единство”», избрать «делегацию, которая посетит великие европейские державы», продолжать вооружаться и вести организационную подготовку

¹ Цит. по: *Маринов Д.* Стефан Стамболов и новейшата ни история: Летописни спомени и очерки. София: Български писател, 1992. Ч. 1. С. 43–44.

² Македония: Сборник от документи и материали / отг. ред. Д. Косев, Х. Христов, Н. Тодоров, В. Станков. София: Издателство на БАН, 1978. С. 380–381.

новых акций, в ходе которых стремился привлечь внимание болгар в княжестве к «братьям, плоть от плоти и кровь от крови нашей, которые с кровавыми слезами на глазах молят о помощи» (цит. по [10. С. 231]). После окончательного подавления движения и роспуска чет Стамболов прислушался к мнению бывшего соратника по освободительному движению Филипа Симидова. Тот написал ему, что борьба в Македонии носит частный характер, а это редко приводит к успеху, и выразил сомнение в необходимости «дразнить зверя, которому не можешь нанести смертельный удар». В подобных условиях, указывал он, македонскую интеллигенцию может увлечь «сербизм», и тогда она будет навсегда потеряна³. Данное письмо может рассматриваться как поворотное в изменении Стамболовым стратегии решения македонского вопроса. Первый биограф, друг Стамболова, порой буквально транслировавший позицию соратника, Димитр Маринов также считал, что именно пребывание в Македонии «легло в основу будущей политики, которой Стамболов остался верен до самой смерти. Македония будет эмансипирована посредством эволюции и просвещения [...]. С Турцией нужно поддерживать самые интимные дружеские отношения. Любая революционная деятельность не только не принесет пользы, а навредит»⁴.

На Учредительное собрание 1879 г. в Тырново Стамболов был делегирован македонскими общинами Штип, Прилеп и Велес. Он нашел возможность взять слово и обратился к представителям великих держав, напомним исторические факты (фирман об учреждении экзархии, Константинопольская конференция послов великих держав, Сан-Стефанский договор), и возложил на них вину за разделение «нашего милого, дорогого, единого Отечества», со словами: «Лучше остаться рабами, но быть единой нацией [...], способными и жизненными, бороться за прогресс. [...] Где наши милые города Ниш, Пирот, Враня и Лесковац? – отданы сербам. Где Тулча и Добруджа? – отданы Румынии. Где Охрид, Салоники, Дебар, Битоля, Скопье, Прилеп, Велес, Штип? [...] Мучительно и больно. [...] Давайте воскликнем громко, чтобы услышали нас в Европе, ее дипломаты и правители. [...] Дайте нам наше общее Отечество, как оно было определено вами на вашей конференции в Константинополе и Сан-Стефанским договором»⁵.

После отречения князя Александра Баттенберга в 1886 г. регент Стамболов, размышляя о необходимости скорейшего решения вопроса о претенденте на княжеский престол, предпринял конкретные шаги в направлении создания дуалистического турецко-болгарского государства. Реализация идеи личной унии султана в 1886 г. с точки зрения ее инициатора позволила бы сблизиться с Османской империей, что открывало серьезные экономические перспективы, условия для укрепления военной мощи, противостояния российскому влиянию. Главным же аргументом была возможность мирного решения вопроса объединения болгар в едином государстве. Сближение с сюзереном, которому Болгария после воссоединения 1885 г. обязана выплачивать ежегодную денежную компенсацию и от которого зависело решение национального вопроса, связанного с обеспечением религиозных и политических прав македонских болгар, было, с точки зрения Стамболова, весьма полезно (подробнее о проекте см. [5; 6]).

³ Стамболов С. Личен архив (писма, телеграми, записки и дневници) / съст. М. Куманов, Д. Иванов. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2001. Т. 10. С. 33.

⁴ Маринов Д. Стефан Стамболов и новейшата ни история. 1992. Ч. 1. С. 44.

⁵ Цит. по: Маринов Д. Стефан Стамболов и новейшата ни история. 1992. Ч. 1. С. 51–52.

Заняв пост премьер-министра и фактически, при определенной нерешительности князя Фердинанда I, сосредоточив в своих руках власть, Стамболов поставил решение вопроса о населении македонских провинций в приоритет государственной политики. Следует отметить, что программа его правительства не была обнародована, и это давало премьер-министру возможность маневрировать с учетом ситуации и обстоятельств. Во главе внешнеполитического ведомства Стамболов поставил абсолютно подконтрольного и малоизвестного в международных кругах доктора Георгия Странского. Свою позицию по македонскому вопросу Стамболов однозначно и крайне эмоционально определил в статье «К кругу газеты “Македония”» – «если мы ругаем македонцев, то ругаем самих себя, ибо они являются болгарам как дети одной матери»⁶.

В то же время Стамболов видел, что процесс консолидации болгарского этноса на культурно-образовательной, экономической и тем более политической основе был далек от завершения, прекрасно понимал необходимость реально оценивать ситуацию в этнически пестром регионе, определить противников и союзников в решении македонского вопроса.

В этом смысле основными конкурентами воспринимались балканские соседи, в первую очередь Сербия и Греция, создававшие, с точки зрения Стамболова, серьезные проблемы для реализации болгарских национальных проектов. Успехи воссоединения с Восточной Румелией и победа в сербо-болгарской войне, признание воссоединения великими державами в Топхане вызвали определенную тревогу соседей, заставив активизировать деятельность в проблемном регионе. Стоян Новакович, возглавлявший сербскую дипломатическую миссию в Константинополе, должен был учитывать, что сербы не обладали широкой национальной базой на спорных территориях, что «болгарская идея [...] пустила в Македонии глубокие корни, поэтому ее невозможно поколебать». Именно поэтому, с его точки зрения, «сербская идея нуждается в союзнике, которого можно противопоставить болгаризму, который содержал бы элементы, способные привлечь к себе народ и народные чувства, изолировав их от болгаризма» (цит. по [7. С. 63]). Так выработалась идеология македонизма или македонского национального сепаратизма, предусматривавшая проведение комплекса специальных мероприятий по утверждению и поддержке македонской национальной самостоятельности и распространению македонского национального самосознания [12. С. 23].

Стамболов поставил контроль ситуации в вилайетах в приоритет своей деятельности, получая сообщения от многочисленных агентов. Так, в донесениях директора прилепской школы Ивана Дейкова сообщалось о действиях «сербомана» Димитра Боди, развившего бурную деятельность в Битоле. По мнению Дейкова, он обманным путем привлекал и даже переманивал из болгарских школ молодых людей, обещая большие стипендии в Великой школе в Белграде. В сообщении агент упрекал османскую администрацию в оказываемой сербам поддержке, возмущался намерениями перевести программу болгарских школ на турецкий язык⁷. Обвинения звучали и в адрес австрийского консульства, оказывавшего, как считал автор письма, содействие сербам, и в адрес российского дипломата И.С. Ястребова, который призывал местное

⁶ *Стамболов С.* Публицистика / съст. М. Куманов, Д. Иванов. София: Отечество, 1996. С. 353.

⁷ *Стамболов С.* Личен архив (писма, телеграми, записки и дневници) / съст. М. Куманов, Д. Иванов. София: Отечество, 1997. Т. 2. С. 195.

население выступить за присоединение к Сербии, если они не хотят, «чтобы их оставила Россия, как она уже поступила с Болгарией!»⁸.

Несмотря на поступающую информацию о наступательных действиях оппонентов, Стамболов настаивал на деликатном ответе. Серьезным игроком по-прежнему считалась экзархия, не прекращающая культурно-просветительскую и церковную деятельность. Болгарский экзарх Йосиф I в письмах Стамболову многократно замечал, что необходимо развивать в Македонии деятельность духовную против «национальных и религиозных пропаганд», так как болгарин, «лишенный православия, лишен народности»⁹. В письмах экзарха звучал тезис о долгой кропотливой работе в провинциях. В частности указывалось на необходимость издать книгу болгарского общественного деятеля, в 1884–1897 гг. секретаря Болгарского экзархата в Константинополе, Атанаса Шопова о Македонии с этнографическими материалами, песнями и т.д., которая «даст возможность филологам и историкам научно доказать, каким же славянским народом населена Македония, так как сербы и защитники сербской идеи уже издали и издают фальшивые филологические материалы, вводящие в заблуждение ученых мир»¹⁰. Экзархия по разрешению Порты с целью надзора за образовательными учреждениями сначала назначала в вилайетах инспекторов, а с 1889 г. стала создавать специальные комиссии [17]. Стамболов регулярно напоминал Йосифу I о необходимости действовать в интересах равноправия православного населения Османской империи исключительно в духовном ключе.

Васил Кынчев, будущий болгарский географ, педагог и политический деятель, с 1888 г. преподававший химию в Первой болгарской гимназии в Салониках, также информировал Стамболова о положении в активно развивающемся «болгарском городе» Битоле, где греки предприняли «энергичные меры», вложили средства и смогли добиться успехов, а болгарские школы оказались слабее. Автор письма заметил, что грехом будет невнимание и непринятие мер по укреплению «болгарщины» в городе, «где и турки говорят по-болгарски». Второй проблемой, по мнению Кынчева, являлось отсутствие адвокатов, в идеале получивших образование в Константинополе и знающих специфику «Ориента». Это письмо Кынчев передал Стамболову через молодого студента-филолога Софийского университета Йордана Иванова (в будущем известного болгарского историка литературы, археолога, фольклориста), которого охарактеризовал как юношу, хорошо знакомого с македонскими делами¹¹.

Важной задачей Стамболов считал постоянный контроль за действиями и инициативами болгарских дипломатов, общественных и политических деятелей.

Болгарскую дипломатическую миссию в Константинополе в 1888–1892 гг. в статусе титулярного дипломатического агента возглавлял Георгий Вылкович, выдающиеся дипломатические качества которого и пресловутая дружба с великим визирем Кямиль-пашой создали условия для надежного информирования болгарского правительства и благоприятного развития двусторонних отношений [16. С. 208]. В августе 1888 г. Вылкович, рассчитывая на поддержку итальянского посла в Константинополе А. Бланка, вручил представителю Порты

⁸ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 2. С. 197.

⁹ Стамболов С. Личен архив (письма, телеграммы, записки и дневники) / съст. М. Куманов. София: Отечество, 1997. Т. 1. С. 496–497.

¹⁰ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 2. С. 13–14.

¹¹ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 2. С. 280–281.

записку от имени болгар с просьбой обеспечить в соответствии со ст. 23 Берлинского трактата проживающих в Македонии болгар равными с другими народами правами [19. С. 132–133]. Впоследствии ожидания Вылковичем поддержки от Бланка расценивались как ошибочные и даже возникшие под влиянием определенного российского «внушения» [19. С. 138]. На одном из писем Вылковича с призывами начать движение за присоединение македонских провинций к Болгарии «под скипетром султана», организовать по всей Болгарии митинги, привлечь внимание иностранной прессы, а в случае претензий сербов и греков на территории организовать плебисцит, чтобы население выразило свое мнение, Стамболов наложил весьма определенную и резкую отрицательную резолюцию, обвинив Вылковича в том, что он «слишком распалился»¹². Правительство на специально созванном заседании приняло решение о несвоевременности инициирования вопроса о болгарском населении в македонских провинциях [19. С. 132]. Вылковичу было также предписано приостановить любые совместные инициативы с экзархом Иосифом, организовавшим в то же время прошение константинопольских болгар султану [19. С. 139]. Стамболов считал, что необходимо решать насущные вопросы болгаро-турецких отношений — паспортные, почтовые, таможенные, железнодорожные, сосредоточить усилия на международном признании князя. Вопрос же о политических или даже только о культурно-религиозных правах болгар в Македонии требовал долгой подготовки.

Попытки недавних друзей и соратников Стамболова Димитра Петкова, Димитра Ризова и Косты Паницы осуществлять непосредственные радикальные действия против османской власти при поддержке или с помощью России воспринимались как враждебные по отношению к болгарским интересам. В середине 1888 г. в Скопье вспыхнули внутренние беспорядки, к организации которых оказались причастны революционно настроенные представители балканских стран. По информации правительственной газеты «Свобода», австрийская пресса обвинила в организации восстания, а значит, и в нарушении Берлинского трактата болгарское правительство. «Свобода» ответила передовицей, в которой, сообщив о бедственном положении болгарского населения в Македонии, в достаточно мягкой форме заявила, что болгарские требования в отношении Македонии всегда сопровождались уважением к Турции и не выходили за рамки легальности, а Болгария имеет право на территории, «ибо даже детям известно», кому они принадлежали до завоевания. В статье прозвучал «дружеский совет» либо провести согласно Берлинскому договору «столь необходимые реформы для болгарского населения в Македонии», либо, «что будет весьма полезно», предоставить эти территории под управление Болгарии. После чего автор статьи деликатно напомнил о нарушении положений Берлинского договора Австро-Венгрией в отношении Боснии и Герцеговины, Россией, «уничтожившей нейтралитет Батума», и заявил, что отказ турецкого правительства предоставить автономию Македонии, признать религиозные права болгарских общин *давно мог* (выделено мною. — *О.Д.*) послужить поводом сбросить «турецкое сюзеренство» и объявить о независимости¹³. Стамболов отреагировал моментально, настоял на полном прекращении публикации о «злодеяниях» османской администрации в македонских вилайетах. Принимая данное решение, он учитывал в том числе и информацию из донесения

¹² Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 2. С. 168.

¹³ Дневния въпрос // Вестник «Свобода». 1888 г. 22 септември. Брой 201. Година III. С. 1.

директора прилепской школы Ивана Дейкова, отметившего, что после публикаций статей с антиосманской риторикой в «Свободе» болгарам стало небезопасно находиться в этом регионе (проверки полиции, вскрытие и контроль корреспонденции, запрет на ввоз болгарских книг, цензурные комиссии в Салониках и Адрианополе, контролирующие «невиннейшие учебники»), а представители османской администрации выступают перед болгарскими учителями с угрозами ужесточить меры, если активизируются комитеты и «мечтатели о Сан-Стефанской Болгарии»; Дейков призвал во имя спокойствия учителей приостановить действия чет и пропаганды¹⁴. Весьма показательно, что, докладывая Фердинанду о возникших волнениях и принимаемых правительством мерах по сохранению спокойствия в Македонии, в том числе о своих распоряжениях «оставить македонский вопрос», Стамболов сообщил о «незаметном» информировании премьер-министра Великобритании Роберта Солсбери через секретаря английского дипломатического агентства в Софии Чарльза Хардинга о нежелании Болгарии создавать смуту в Македонии и намерении «сохранять мир и тишину»¹⁵.

Постоянный мониторинг мнения и позиций великих держав — еще одно направление деятельности болгарского правительства и Стамболова в период выработки стратегии для решения македонского вопроса. Необходимость учета международной ситуации при определении возможных соратников в решении вопроса национального объединения — главный тезис реалистической внешнеполитической деятельности болгарского премьера.

Стамболов прекрасно понимал, что Россия заинтересована лишь в решительном отстранении Османской империи от зоны проливов, т.е. не в сохранении ее целостности. Именно России было необходимо появление сильных славянских государств на Балканах, в чем состояло серьезное противоречие с Австро-Венгрией. Однако после разрыва в 1886 г. дипломатических отношений с Россией, разочарования в освободительнице, не желавшей признавать князя Фердинанда I, при постоянном декларировании болгарским правительством намерения вести независимую политику, переориентации внимания России на Сербию, вероятности российской поддержки сербских амбиций в Македонии с целью ослабления австро-венгерского влияния под лозунгами сохранения балканского равновесия и общеславянских интересов, рассчитывать на поддержку России не приходилось. В то же время необходимо отметить, что в годы премьерства Стамболова велись периодические переговоры с представителями России об улучшении отношений (подробнее об отношениях с Россией см. [11]).

В августе 1888 г. было решено направить в Европу министра правосудия Константина Стоилова и министра финансов Григора Начовича для понимания возможной реакции великих держав на постановку Болгарией вопроса о предоставлении особых прав болгарам в македонских вилайетах. Перед встречей с итальянским премьером Франческо Криспи Стоилов написал Стамболову, что нужно «категорически заверить всех, в том числе через западную прессу, что у нас нет никаких намерений в Македонии»¹⁶. После встречи у Стоилова сформировалось определенное мнение, которое он через министра иностранных дел и исповеданий Болгарии Странского поспешил донести до

¹⁴ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 2. С. 196.

¹⁵ Стамболов С. Личен архив. 2001. Т. 10. С. 441.

¹⁶ Стамболов С. Личен архив (письма, телеграммы, записки 1888) / съст. М. Куманов, Д. Иванов. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2003. Т. 12. С. 363.

Стамболова: «Время для инициирования каких-либо шагов по решению македонского вопроса крайне неудачно, [...] если мы его поднимем, то решится он не в нашу пользу. Болгары больше всех выигрывают при сохранении статус-кво [...]. Если движение все-таки возникнет помимо нас, то нужно держаться от него нейтрально [...], так как даже подозрение в нашем подстрекательстве будет нам во вред. [...] От нападения Турции никто не может гарантировать. Если вмешается другая сила, это станет вопросом общеевропейским»¹⁷. Сообщая позицию Австро-Венгрии, Стоилов отметил, что постановка вопроса о македонских провинциях всех удивила, так как очевидна лишь польза для России [19. С. 138].

Австро-Венгрия рассматривалась как приоритетный союзник в решении македонского вопроса, ее «заступничество» представлялось наиболее важным¹⁸, поэтому информация о ее отношении к ситуации наиболее часто встречается в письмах и донесениях дипломатических представителей. При этом Стоилов убеждал Стамболова, что достижение договоренностей и поддержки Австро-Венгрии возможно лишь после урегулирования отношений с Сербией¹⁹.

Действительно, обострение политического кризиса в Сербии в 1888–1889 гг. привлекло к Белграду внимание наиболее заинтересованных великих держав – России и Австро-Венгрии – и усилило борьбу на внешнеполитической арене. Расценив отречение от престола короля Милана Обреновича как явный успех балканской политики России, Австро-Венгрия и Великобритания отозвали своих посланников из сербской столицы. В Болгарии же надежды на поддержку Вены и Лондона возобновились, Стамболов воспользовался моментом, открыв 1 марта 1889 г. дипломатическое агентство в Вене и вручив верительные грамоты. Вена согласилась принять первого болгарского дипломатического агента Г. Начовича. Постепенное восстановление российского влияния в Сербии усилило интерес Австро-Венгрии и Великобритании к Болгарии, на правительство которой возлагали надежды в смысле нейтрализации российской политики на Балканах.

Позиция Австро-Венгрии представляется двойственной. С одной стороны, у нее присутствовал серьезный экономический интерес, выразившийся в подписании в октябре 1889 г. договора о предоставлении Болгарии кредита на железнодорожное строительство. Когда болгарские железные дороги связались с австрийской системой, значение этих территорий как торгового коридора существенно возросло. В то же время есть мнение, что Вена сама была заинтересована в укреплении влияния в македонских провинциях, а особенно в Салониках [3. С. 51], поэтому не торопилась поддерживать болгарские претензии.

После встречи с лордом Солсбери в Дьеппе и министром иностранных дел Австро-Венгрии графом Кальноки в Вене Стоилов срочно телеграфировал, что между великими державами нет единого мнения по македонскому вопросу, а его постановка на повестку дня вызвала лишь недоумение [8. С. 272]. При этом, следуя общей линии внешней политики и рассчитывая воспользоваться возможным ухудшением отношений между Болгарией и Россией, Солсбери во время встречи со Стоиловым в отеле «Роял» в Дьеппе заявил, что английский флот войдет в Черное море, если Россия попытается оккупировать Болгарию [14. С. 185].

¹⁷ *Стамболов С.* Личен архив. 1997. Т. 2. С. 161.

¹⁸ *Стамболов С.* Личен архив. 2003. Т. 14. С. 150.

¹⁹ *Стамболов С.* Личен архив. 2003. Т. 12. С. 368.

Великобритания, стремившаяся уменьшить российское влияние в болгарских землях, поддержала политику Стамболова. Она была также заинтересована в экономическом проникновении в регион (в этом смысле Австро-Венгрия воспринималась серьезным конкурентом). После того как болгарское правительство установило особые привилегии для импорта английских товаров, в августе 1888 г. между двумя сторонами начались переговоры о подписании двустороннего торгового соглашения. 14 ноября 1889 г. министры Николас О'Коннор и Странский договорились заключить временное торгово-таможенное соглашение сроком на один год с вступлением в силу 1 января 1890 г. и ежегодной пролонгацией до 1894 г. [18. С. 5]. Заключение (Подписание?) болгаро-английской торговой конвенции представляет собой значительный внешнеполитический успех, достигнутый правительством Стамболова, так как Болгария вступила в прямые и формально равные отношения с великой державой. Болгаро-английское торговое соглашение явилось первым серьезным прорывом болгарского правительства в режиме капитуляции, установленном по Берлинскому трактату 1878 г., и важным прецедентом [1. С. 12]. Даже моментально последовавшие возражения России, напомнившей устами министра иностранных дел Н.К. Гирса об ограничениях, наложенных на права княжества самостоятельно заключать договоры, не смогли ничего изменить. При содействии английского дипломата Вильяма Уайта Болгария обратилась за согласованием к Порте, и османские власти официально заявили, что не возражают против подписанных договоренностей [14. С. 194–195]. Уже в следующем году подобные конвенции были подписаны с Германией, Францией, Италией и Австро-Венгрией. Великобритания, являвшаяся крупнейшим поставщиком рельс, поощряла стремление Болгарии установить финансовый и административный контроль над железными дорогами, расположенными на болгарской территории, проявляла интерес к строительству портов Варны и Бургаса, куда прибывало большинство английских товаров. Открытие линии Ямбол – Бургас летом 1889 г. стало демонстрацией англо-болгарской дружбы. Английский гимн был исполнен на торжественной церемонии, Странский произнес тост в честь королевы Англии. Описывая эти события, английский журналист Джеймс Баучер подчеркнул тот факт, что впервые не прозвучал тост во славу царя-освободителя [14. С. 200–201].

Относительно македонских стремлений Болгарии позиция Великобритании была более сдержанной. Английский консул в Битоле Х. Шипли сообщил: «Правда заключается в том, что турецкие власти в основном боятся болгар, потому что они составляют большинство населения в Македонии и потому, что их деятельность на таком уровне развития, что турки не могут ее остановить» (цит. по [14. С. 241]). Такая слабость империи при твердом стремлении сохранить ее интегритет была выгодна Великобритании, поэтому в определенные моменты некоторые мирные действия Стамболова, связанные с духовными правами болгар, получали определенную поддержку, что создавало благоприятные условия для консолидации болгарского элемента в Македонии.

Одновременно с неофициальными встречами, проводимыми Стоиловым, Начович встретился в Константинополе с итальянским, английским и австро-венгерским послами, которые также определенно заявили, что их правительства не поддержат Болгарию в ее македонских амбициях, даже исключительно в церковной части [8. С. 272]. А английский посол Уайт связывал возможность решения вопроса исключительно с достижением в будущем болгаро-сербской договоренности относительно раздела Македонии [15. С. 240].

Таким образом, экономические интересы европейских держав являлись для них причиной стратегии сохранения балканского *status quo* [2. С. 168]. В то же время и Великобритания, и Австро-Венгрия были заинтересованы в усилении антироссийских настроений на Балканах, в углублении русско-болгарского конфликта. Именно при учете стечения обстоятельств, факта соперничества великих держав за Балканы, при успешном маневрировании Стамболов получал возможность претворения в жизнь важных для него проектов. В этом смысле дерзость, порой граничившая с хамством, по отношению к российской официальной политике работала в его пользу, позволяя получить благорасположение Великобритании, Австро-Венгрии и Османской империи.

Предпринятый европейский зондаж убедил Стамболова в необходимости крайне осторожных действий и возможной помощи исключительно со стороны сюзерена. Стамболов укрепился в мысли, что осуществлять определенную стратегию может только непосредственно болгарское государство, имеющее права, обязанности и ответственность решать вопрос средствами государственной политики. На предложение протестных македонских деятелей в 1888 г. создать в Софии македонский комитет Стамболов весьма категорично и амбициозно ответил: «Македонский комитет – это болгарское государство. Македонский комитет – я сам»²⁰. В этой фразе декларировалось его нежелание поощрять какие-либо действия, которые могут выйти из-под контроля. Взвесив все вышеизложенные обстоятельства, поняв, что македонский вопрос не только болгарский, а сложный международный, а значит, решить его какими-то ни было радикальными действиями не удастся, данные попытки будут обречены не только на провал, но и на разгром, Стамболов с его политическим реализмом выработал совершенно особую внешнеполитическую стратегию. Революционные методы, по его убеждению, вредны, пока в провинциях не укрепится болгарское национальное самосознание, а у Болгарии не будет сильной армии и поддержки великих держав. Мирный дипломатический реформаторский эволюционный путь решения вопроса представлялся абсолютно оправданным – отказаться от максималистских требований и сосредоточиться на культурно-просветительских задачах и получении бератов о назначении болгарских владык в вилайеты с преобладающим православным населением. Стамболов был убежден, что только укрепление болгарского национального самосознания среди македонских славян позволит двигаться вперед в дальнейшем. И неудивительно, что единственным реальным союзником он по-прежнему считал Османскую империю.

Первым серьезным опытом и успехом стратегии стала нота болгарского правительства султану от 4 июня 1890 г. с требованиями признать князя и права болгарской церкви. Маринов был убежден, что идея ноты – личный план и проект Стамболова. В ней, по мнению Маринова, главной была просьба «модифицировать поведение в отношении болгар из других провинций империи, предоставить им права и привилегии, гарантированные законами империи и международными договорами». В изложении ноты Маринову слышалась и угроза в случае игнорирования Высокой Портой болгарских требований признания князя и прав болгарской церкви: «Это станет доказательством отказа сюзерена оказывать протекцию вассальному Княжеству, брошенному на произвол судьбы. В этом случае Княжество, к большому своему сожалению,

²⁰ Радев С. Схема на мемоарите ми. Глава първа. Българският национален въпрос до Балканската война // URL: https://www.sitebulgarizaedno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=944:im&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61 (дата обращения: 10.07.2021).

будет вынуждено искать собственные силы и средства для выхода из положения, полного неизвестности и опасности²¹. Сам факт предъявления ноты сюзерену, ее тон были восприняты как дерзость со стороны вассала²². Стамболов прекрасно понимал, что Порта не признает князя без согласия великих держав, но довольно часто он руководствовался принципом «требуй многого, получишь хоть что-нибудь». В одном из донесений Вылковича транслировалась позиция великого визиря: вопрос о признании князя для Порты — большая проблема, так как приведет к негативным последствиям и неизбежно вызовет конфликт с Россией, поэтому не стоит его инициировать; по вопросу же о правах понимание достигнуто и получены уверения в том, что будет предпринято все возможное, несмотря на противодействия патриархии, Греции, Сербии и России. Стамболов в ответ счел необходимым заявить, что по вопросу о князе готов уступить, а вопрос о правах болгар является чисто внутренним и никаких препятствий возникать не должно²³.

Отношение к ноте балканских соседей было вполне предсказуемым. Греческий посол подал Порте ноту с протестом против решения вопроса о владыках в пользу болгар²⁴. Реакция Сербии также была крайне негативной. Дипломатический агент в Белграде Петр Димитров в донесениях отметил радость сербов, когда вопрос на некоторое время отложился из-за протестов русского посла в Константинополе, увидел разочарование, что Порта, приняв требования ноты, признает преобладающим элементом в Македонии болгарский, и негодование по поводу закрытия выхода к морю, который мыслился сербами через Македонию²⁵.

Для Стамболова едва ли не самым главным было понять реакцию великих держав. В его архиве хранятся зашифрованные конфиденциальные телеграммы от Вылковича, в которых ежедневно анализировалась ситуация в Константинополе с момента подачи ноты великому визирю Кямилю-паше, разговор с которым «не стал приятен, но велся мягко и учтиво», а болгарскому представителю однозначно заявлено, что тон ноты неприемлем и даже великие державы используют более почтительные формы по отношению к Порте²⁶. Уже на следующий день копии ноты вручили дипломатическим представителям Австро-Венгрии, Италии и Великобритании, а также французскому послу, от которого, по мнению Вылковича, «информация, вероятно, дойдет до российского посольства»²⁷.

Во время встречи с австрийским послом бароном Каличе Вылковичу пришлось развеять подозрения о получении экзархом от России средств на развитие школьного дела в македонских провинциях. Он докладывал в Софию, что вопрос о возможном российском влиянии весьма болезненно воспринимается в Австро-Венгрии. Итогом беседы стало понимание австрийским послом, что долгая работа экзарха по вопросу о владыках постепенно находит понимание в османском правительстве²⁸, и его уверение в готовности поддержать перед Портой болгарские просьбы о назначении архиереев, о чем уже получены рекомендации из Вены²⁹.

²¹ Маринов Д. Стефан Стамболов и новейшата ни история. 1992. Ч. 2. С. 318–319.

²² Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 3. С. 282.

²³ Маринов Д. Стефан Стамболов и новейшата ни история. 1992. Ч. 2. С. 321.

²⁴ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 3. С. 276.

²⁵ Стамболов С. Личен архив. 2003. Т. 14. С. 153.

²⁶ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 3. С. 279.

²⁷ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 3. С. 280.

²⁸ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 3. С. 280.

²⁹ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 3. С. 271.

27 июля 1890 г. Совет министров Османской империи принял решение о болгарских митрополитах в Охридской, Велесской и Скопской епархиях, о свободном посещении митрополитом Синесиём Адрианопольского вилайета. Порта отменила военное положение в европейских вилайетах, введенное еще после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Болгарский эхзархат получил право издавать свой печатный орган на болгарском языке «Новини».

Однако данное решение держалось в тайне³⁰, и бераты изданы не были. В этой связи весьма актуальным стал вопрос о выплате Порте восточнорумелийского долга за июнь. Вылковича всерьез обеспокоила возможность задержки выплат, он докладывал, что не следует прибегать к давлению на османское правительство, когда вопрос о назначении владык почти решен³¹. Аналогичная мысль прозвучала в телеграмме министра народного просвещения Георгия Живкова, в которой он отметил, что из-за того, что болгарское правительство «не прибегало к угрозам», Порта скорее всего даст согласие на направление трех владык³². Несмотря на эти мнения, Стамболов, желая ускорить официальное издание и вручение бератов болгарским митрополитам, все-таки распорядился приостановить выплаты долга и ежегодные платежи по выкупу железнодорожной ветки Русе – Варна.

Решение вопроса связывалось и с реакцией российского правительства. Вылкович доложил, что послы великих держав достаточно благосклонно восприняли миролюбивые стремления по защите болгарских интересов, готовы дать совет Порте его поддержать, но при условии, что не будет задета Россия, а требования о назначении владык в ноте ни в коем случае не должны раздражать и провоцировать российского посла³³.

30 июня 1890 г. поступило распоряжение лорда Солсбери поддержать болгарское требование об издании бератов, с чем сразу солидаризировались австрийский, итальянский и немецкий послы в Константинополе. На следующий день Совет министров подтвердил решение от 20 июня и очень оперативно выпустил фирман, разрешающий строительство болгарского храма в квартале Фернер. 5 июля вышел султанский ираде о выдаче бератов в Скопской и Охридской епархиях. В ответ от Константинопольского патриарха поступили протесты Порте, которые, по мнению Вылковича, носили «не догматический, а чисто административный характер» и были отвергнуты³⁴.

Стамболов обратился к «августейшему сюзерену и его правительству» со словами благодарности, через правительство поблагодарил лично Солсбери, а через Вылковича засвидетельствовал признательность послам европейских стран в Константинополе [19. С. 152].

Данное событие можно рассматривать как успех болгарского правительства и его премьера. Маринов отметил, что в Европе его оценили как личный триумф Стамболова «над русской политикой [...], над Гирсом и Нелидовым». Важным для него было зафиксировать достижение данной победы в отсутствие князя Фердинанда I³⁵. Он сообщил, что даже в греческих газетах появились

³⁰ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 3. С. 294.

³¹ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 3. С. 293, 311.

³² Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 3. С. 292.

³³ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 3. С. 311.

³⁴ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 3. С. 335, 448.

³⁵ Маринов Д. Стефан Стамболов и новейшата ни история. 1992. Ч. 2. С. 321.

публикации, в которых признавалась победа Стамболова и эмоционально оценивался триумф, ставший «нравственной и политической пощечиной греческому народу»³⁶. Маринов подробнейшим образом описал реакцию на ираде в Константинопольской патриархии, греческой, российской и сербской православных церквях, которые, по его информации, приняли «странное решение» закрыть все храмы, пока Порты не отменит выдачу бератов³⁷. Также он отметил высокую оценку действий Стамболова в российском обществе, процитировав князя В.П. Мещерского, высказавшего в «Гражданине» мнение, что Стамболов был бы хорошим князем, так как понимает интересы своего народа³⁸.

Именно болгарское правительство, а не экзархия получили бераты. Эта, казалось бы, техническая ошибка с их изданием возникла не случайно. Вылкович характеризовал бераты как знак моральной поддержки болгарского правительства, свидетельствующий о его признании Портой как выразителя интересов болгарского народа, живущего в Османской империи. Он обратился к Стамболову с просьбой и в дальнейшем не допускать обидных антитурецких выпадов «ни в обществе, ни в прессе»³⁹. Это был первый серьезный успех концепции Стамболова, согласно которой именно государство является единственной организацией, определяющей болгарскую национальную политику. Была доказана перспективность такой стратегической линии. Вылкович, поздравляя Стамболова, отметил также, что новые бераты являются блестящим доказательством, что «четыре благоволящие нам великие державы — Австрия, Англия, Италия и Германия», дававшие визирю советы быть «уступчивым в пользу общего мира», готовы и в дальнейшем поддерживать болгарские желания в их «неоспоримых правах», и рассматривают Болгарию, как представителя Тройственного союза и Англии на Балканском полуострове⁴⁰.

Таким образом удача, казалось бы, в первую очередь в религиозном вопросе, воспринималась как успех политический. А политика доброжелательных отношений в сочетании с натиском привели к достижению серьезных результатов в мирном решении македонского вопроса. Стамболов умело использовал дипломатические, экономические рычаги, а порой шантаж, угрозы и манипулирование. Такая тактика ни в коей мере не являлась обслуживанием османских интересов. Основным было поддержание стабильности в области путем развития церковных институций, школ и общин. В этом эволюционизме виделась возможность сохранения, укрепления и развития национальных структур, их подготовки к дальнейшим действиям.

Сразу после получения бератов последовали действия по расширению прав в области школьного дела. В середине 1891 г. главам Солунского и Битольского вилайетов султаном было предписано не препятствовать болгарам, вышедшим из-под юрисдикции Константинопольской патриархии, самостоятельно решать свои церковно-просветительские задачи, результатом чего стал переход более 150 сел в подчинение экзархата. Активные контакты Стамболова с османской администрацией способствовали решению важных для Болгарии экономических вопросов. Так вскоре начал обсуждаться вопрос о строительстве новых железнодорожных линий в направлении этих епархий, об объединении болгарской

³⁶ Маринов Д. Стефан Стамболов и новейшата ни история. 1992. Ч. 2. С. 321.

³⁷ Маринов Д. Стефан Стамболов и новейшата ни история. 1992. Ч. 2. С. 322.

³⁸ Маринов Д. Стефан Стамболов и новейшата ни история. 1992. Ч. 2. С. 322.

³⁹ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 3. С. 349, 352.

⁴⁰ Стамболов С. Личен архив. 1997. Т. 3. С. 351.

и турецкой линий. Османская империя представляла собой самый крупный рынок для болгарского экспорта. Одновременно при констатации, что железные дороги и военная помощь неразрывно связаны, началось обсуждение вопроса о подписании двусторонней военной конвенции, предусматривавшей свободное передвижение турецких войск по болгарским участкам железных дорог, предоставление в случае военных действий на европейской территории Османской империи пятидесяти тысяч болгарских военных [4. С. 67, 69].

Успехи болгарского правительства были высоко оценены за пределами страны. Так В.Н. Ламздорф писал о Стамболове как о властолюбивом правителе, но первоклассном администраторе и патриоте, сосредоточившим в своих руках реальную власть, лавирующим между великими державами, стремясь к максимальной выгоде для своего народа⁴¹, а бывший канцлер Германии Отто фон Бисмарк заметил, что болгары стремятся к медленному и благоразумному прогрессу [13. С. 31].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Дневния въпрос // Вестник «Свобода». 1888 г. 22 септември. Брой 201. Година III. С. 1.
Ламздорф В.Н. Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890) / под ред. и с предисл. Ф.А. Ротштейна. М.; Л.: Госиздат, 1926. 395 с.
Македония: Сборник от документи и материали / отг. ред. Д. Косев, Х. Христов, Н. Тодоров, В. Станков. София: Издателство на БАН, 1978. 821 с.
Маринов Д. Стефан Стамболов и новейшата ни история: Летописни спомени и очерки. София: Български писател, 1992. Ч. 1. 358 с.; Ч. 2. 475 с.
Радев С. Схема на мемоарите ми. Глава първа. Българският национален въпрос до Балканската война // URL: https://www.sitebulgarizaedno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=944:im&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61 (дата обращения: 10.07.2021).
Стамболов С. Личен архив (писма, телеграми, записки и дневници) / съст. М. Куманов. София: Отечество, 1997. Т. 1. 623 с.
Стамболов С. Личен архив (писма, телеграми, записки и дневници) / съст. М. Куманов, Д. Иванов. София: Отечество, 1997. Т. 2. 430 с.; Т. 3. 687 с.
Стамболов С. Личен архив (писма, телеграми, записки и дневници) / съст.: М. Куманов, Д. Иванов. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2001. Т. 10. 819 с.
Стамболов С. Личен архив (писма, телеграми, записки 1888) / съст. М. Куманов, Д. Иванов. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2003. Т. 12. 707 с.; Т. 14. 573 с.
Стамболов С. Публицистика / съст. М. Куманов, Д. Иванов. София: Отечество, 1996. 584 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братанова Хр. Чуждестранните военни доставки за българската армия през управлението на Ст. Стамболов (1887–1894 г.) // Военноисторически сборник. 1999. № 1. С. 7–27.
2. Врежаков Е. Английската дипломатия в България при управлението на Стефан Стамболов (1887–1894) // Известия на Регионален исторически музей – Велико Търново. 2015. Т. XXX. С. 159–183.
3. Горанов П. Стефан Стамболов и проблемът за националното обединение // Епохи. 1994. Т. 2. Брой 1. С. 47–62.
4. Джонев А. Македония в железопътната политика на България (1878–1918). Кюстендил: Регионален исторически музей «Акад. Йордан Иванов», 2008. 453 с.
5. Дубовик О.А. Отношение Стефана Стамболова к турецко-болгарскому сближению // Дриновский збірник. 2015. Т. 8. С. 212–224.
6. Дубовик О. Проект турецко-болгарского дуализма Стефана Стамболова: фикция, реальность, политическая стратегия // Империи, границы, политики (XIX – начало 20 в.)

⁴¹Ламздорф В.Н. Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890) / под ред. и с предисл. Ф.А. Ротштейна. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 358.

- XX век). Сборник с материали от меѓународна научна конференција Софийски универзитет «Св. Климент Охридски», 27 и 28 февруари 2015 г. Софија, Универзитетско издателство «Св. Климент Охридски», 2016. С. 267–285.
7. *Йончев Д.* Апостолът ни завеща... Софија: Дирум-Д.А.Ї., 2011. 400 с.
  8. *История на българите. Т. 4: Българската дипломатия от древността до наши дни / под ред. на Е. Александров.* Софија: Знание, 2003. 695 с.
  9. *Кирил патриарх Български.* Българската екзархия в Одринско и Македонија след Освободителната војна 1877–1878. Софија: Св. Синод на Българската црква, 1970. Том први. Книга втора. 758 с.
  10. *Кирил патриарх Български.* Съпротивата срещу Берлинскиот договор. Кресненското встание. Софија: Издателство на БАН, 1955. 345 с.
  11. *Куцаров П.* Позицијата на Стамболов към българо-руските одношенија // *Меѓународни одношенија.* 2012. Бр.3. С. 117–128.
  12. *Лабаури Д.О.* Идеологија македонизма в 1886–1903 година // *Славяноведение.* 2005. № 3. С. 22–36.
  13. *Мадол Х.Р.* Фердинанд – цар на българите. Мечтата за Византија. Софија: Карина. М, 1992. 141 с.
  14. *Пантев А.* Англија срещу Русија на Балканите (1879–1894). Софија: Наука и изкуство, 1972. 306 с.
  15. *Попов Р.* Една малко позната иницијатива по Македонскиот вџпрос през 1888 г. // *България, Балканите и Европа. Доклади од конференција, посветена на 65-годишнината од рождението на проф. д-р Симеон Дамянов / под ред. на проф. Р. Попов.* Велико Търново, 1992. С. 232–245.
  16. *Пеева К.* Българо-турските дипломатически одношенија 1879–1928 г. // *Дриновскиот збирник.* 2017. Т. X. С. 202–217.
  17. *Петров П., Темелски Х.* Црква и црковен живот в Македонија // URL: http://macedonia.krogaina.com/pp_ht/pp_ht_4.html#62 (дата обращения: 10.07.2021).
  18. *Райчевски С.* Начало на дипломатическите одношенија меѓу Блгария и Великобританија // *Български дипломатически преглед.* 2004. № 5. С. 2–13.
  19. *Стателова Е., Попов Р., Танкова В.* История на българската дипломатия: 1879–1913 г. Софија: Отворено общество, 1994. 503 с.

REFERENCES

- Bratanova Hr. Chuzhdestrannite voenni dostavki za bŭlgarskata armiiа през управлението на St. Stambolov (1887–1894 g.). *Voenoistoricheski sbornik*, 1999, no. 1, pp. 7–27. (In Bulg.)
- Dubovik O. Projekt turetsko-bolgarskogo dualizma Stefana Stambolova: fiktsiia, real'nost', politicheskaia strategiiа. *Imperii, granitsi, politiki (XIX – nachaloto na XX vek)*. *Sbornik s materialii ot mezhdunarodna nauchna konferentsiia Sofijski universitet «Sv. Kliment Okhridski»*, 27 i 28 fevruari 2015 g. Sofia, Sv. Kliment Okhridski Publ., 2016, pp. 267–285. (In Russ.)
- Dubovik O.A. Otnosheniije Stefana Stambolova k turetsko-bolgarskomu sblizheniiu. *Drinovskii zbirnik*, 2015, vol. 8, pp. 212–224. (In Russ.)
- Dzhonev A. *Makedoniia v zhelezopŭtnata politika na Bŭlgariia (1878–1918)*. Kiustendil, Akad. Őordan Ivanov Publ., 2008, 453 p. (In Bulg.)
- Goranov P. Stefan Stambolov i problemŭt za natsionalnoto obedinenie. *Epohi*, 1994, vol. 2, no. 1, pp. 47–62. (In Bulg.)
- Őonchev D. *Apostolŭt ni zaveshhta...* Sofia, Dirum-D.A.Ő. Publ., 2011. 400 s. (In Bulg.)
- Istoriia na bŭlgariete. Tom 4: Bŭlgarskata diplomatsiia ot drevnostta do nashi dni*, ed. E. Aleksandrov. Sofia, Znanie Publ., 2003, 695 p. (In Bulg.)
- Kiril patriarh Bŭlgarski. *Bŭlgarskata ekzarhiia v Odrinsko i Makedoniia sled Osvoboditelnata voŭna 1877–1878*. Sofia, Sv. Sinode na Bŭlgarskata tsŭrkva Publ., 1970, vol. 1, book 2. 758 p. (In Bulg.)
- Kiril patriarh Bŭlgarski. *Sŭprotivata sreshu Berlinskiia dogovor. Kresnenskoto vŭstanie*. Sofia, Izdatelstvo na BAN Publ., 1955, 345 p. (In Bulg.)
- Kutsarov P. Pozitsiata na Stambolov kŭm bŭlgaro-ruskite otnosheniia. *Mezhdunarodni otnosheniia*, 2012, no. 3, pp. 117–128. (In Bulg.)
- Labauri D.O. Ideologiiа makedonizma v 1886–1903 godakh. *Slavianovedeniije*, 2005, no. 3, pp. 22–36. (In Russ.)
- Madol H.R. *Ferdinand – tsar na bŭlgariete. Mechtata za Vizantiia*. Sofia, Karina M Publ., 1992, 141 p. (In Bulg.)
- Pantev A. *Angliia sreshu Rusiia na Balkanite (1879–1894)*. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 1972, 306 p. (In Bulg.)

- Peeva K. Bŭlgaro-turskite diplomatiĉeski otnosheniia 1879–1928 g. *Drinovs'kiŭ zbirnik*, 2017, vol. X, pp. 202–217. (In Bulg.)
- Petrov P., Temelski H. *Tsŭrkva i tsŭrkoven zhivot v Makedoniia*. Available at: http://macedonia.kroraina.com/pp_ht/pp_ht_4.html#62 (accessed 12.07.2021). (In Bulg.)
- Popov R. Edna malko poznata initsiativa po Makedonskiiia vŭpros prez 1888 g. *Bŭlgariia, Balkanite i Evropa. Dokladi ot konferentsiia, posvetena na 65-godishninata ot rozhdenieto na prof. d-r Simeon Damianov*, ed. R. Popov. Veliko Tŭrnovo, 1992, pp. 232–245. (In Bulg.)
- Raĭchevski S. Nachalo na diplomatiĉeskite otnosheniia mezhdū Bŭlgariia i Velikobritaniia. *Bŭlgarski diplomatiĉeski pregled*, 2004, no. 5, pp. 2–13. (In Bulg.)
- Statelova E., Popov R., Tankova V. *Istoriia na bŭlgarskata diplomatsiia:1879–1913 g.* Sofia, Otvoreno obshtestvo Publ., 1994, 503 p. (In Bulg.)
- Vrezhakov E. Angliĭskata diplomatsiia v Bŭlgariia pri upravlenieto na Stefan Stambolov (1887–1894). *Izvestiia na Regionalen istoricheski muzeŭ – Veliko Tŭrnovo*, 2015, vol. XXX, pp. 159–183. (In Bulg.)

Информация об авторе

Дубовик Ольга Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории южных и западных
славян исторического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8962-3938
E-mail: olgadubovik@gmail.com

Information about the author

Olga A. Dubovik,
Ph D. (History), assistant professor,
Lomonosov Moscow State University,
History Faculty, Department of History
of Southern and Western Slavs, Moscow,
Russian Federation;
ORCID: 0000-0002-8962-3938
E-mail: olgadubovik@gmail.com

Славяноведение, 2022, № 1, с. 21–34

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 1, pp. 21–34

DOI: 10.31857/S0869544X0018061-0

Оригинальная статья /
Original Article

Болгаро-турецкие отношения в конце 1913 – первой половине 1914 года по донесениям русской военной разведки на Балканах

© 2022 г. Д.О. Лабаури, И.А. Градобоев

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Российская Федерация)

labauris@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе неопубликованных донесений русских военных агентов на Балканах рассматривается проблема болгаро-турецкого сотрудничества в период между Балканскими войнами и Первой мировой. Приводимый материал демонстрирует в целом высокую эффективность русской разведки, сумевшей уловить вектор болгаро-турецкого взаимодействия и снабдить внешнеполитическое ведомство ценной информацией, добытой агентурным путем. Российские власти были информированы как об основных этапах болгаро-турецкого переговорного процесса, так и об эвентуальных планах Болгарии и Турции относительно ревизии Бухарестского договора. В статье делается вывод о том, что, несмотря на наличие у Софии и Константинополя ощутимых противоречий, переговоры между ними в 1913–1914 гг. проторили тот путь, который привел к подписанию в августе 1914 г. болгаро-турецкого союзного договора, ускорившего вступление Турции в войну и надежно пристегнувшего Болгарию к лагерю держав Тройственного союза.

Ключевые слова: Болгария, Турция, Македония, Западная Фракия, ВМОРО, В. Радославов, Н. Геннадиев, А. Протогеров, И. Энвер-бей, М. Талаат-бей, С. Аскери-бей.

Ссылка для цитирования: *Лабаури Д.О., Градобоев И.А.* Болгаро-турецкие отношения в конце 1913 – первой половине 1914 гг. по донесениям русской военной разведки на Балканах // *Славяноведение*. 2022. № 1. С. 21–34. DOI: 10.31857/S0869544X0018061-0.

Bulgarian-Turkish relations in late 1913 – first half of 1914 according to reports of Russian military intelligence in the Balkans

© 2022. D.O. Labauri, I.A. Gradoboev

Ural Federal University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

labauris@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of Bulgarian-Turkish cooperation between the Balkan Wars and the First World War based on unpublished reports of Russian military agents in the Balkans. This material demonstrates a generally high efficiency of Russian intelligence. They succeeded in grasping the vector of the Bulgarian-Turkish interaction and provided the foreign policy department with valuable information. The Russian authorities were informed about the main stages of the Bulgarian-Turkish negotiation process, as well as about the eventual plans of Bulgaria and Turkey regarding the revision of the Bucharest Treaty. The article concludes that, despite the presence of tangible contradictions between Sofia and Constantinople, the negotiations between them in 1913–1914 paved the way for the signing of the Bulgarian-Turkish union treaty in August 1914, which accelerated Turkey's entry into the war and firmly hooked Bulgaria to the Triple Alliance force camp.

Keywords: Bulgaria, Turkey, Macedonia, Western Thrace, IMORO, V. Radoslavov, N. Genadiev, A. Protogerov, I. Enver Bey, M. Talaat Bey, S. Askeri Bey

Reference for citation: *Labauri D.O., Gradoboev I.A.* Bulgarian-Turkish relations in late 1913 – first half of 1914 according to reports of Russian military intelligence in the Balkans // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No 1. P. 21–34. DOI: 10.31857/S0869544X0018061-0.

Завершение Балканских войн 1912–1913 гг. не принесло успокоение на Балканский полуостров. Краткий период между подписанием Бухарестского мирного договора и началом Первой мировой войны характеризовался крайней нестабильностью, угрожавшей интересам России в регионе. Крушение Балканского союза, переориентация Болгарии на державы Тройственного союза, неурегулированность албанской и македонской проблемы, ослаблявшей Сербию, опасность греко-турецкого столкновения и болгаро-турецкого сближения – таков был круг вопросов, волновавших русскую дипломатию на Балканах в преддверии мировой войны.

Военное ведомство России, располагавшее своими официальными представителями в столицах Балканских государств, внимательно наблюдало за развитием комплекса указанных выше вопросов, часто снабжая Министерство иностранных дел ценной информацией, добытой агентурным путем. В этот период тема болгаро-турецких отношений была одной из доминирующих в донесениях русских как дипломатических, так и военных представителей. Военные агенты России особенно ревностно следили за наметившимся с августа 1913 г. сближением между Болгарией и Турцией, резонно усматривая в нем новый источник нестабильности на Балканах и угрозу для Сербии – ключевого союзника Петербурга в регионе.

При этом внимание представителей русской военной разведки не ограничилось лишь официальными каналами межгосударственных переговоров Болгарии и Турции, сводившихся главным образом к вопросу о заключении секретной военной конвенции, направленной против Греции и Сербии. Другой немаловажной проблемой, попавшей в поле зрения русских военных представителей на Балканах в конце 1913 – начале 1914 г., стало неформальное болгаро-турецкое сотрудничество, проявившееся в совместных шагах ВМОРО (Внутренней македоно-одринской революционной организации) и младотурецкого руководства в деле организации диверсионно-четнических вылазок на греческую и сербскую территорию Македонии.

Как первый, так и второй вопросы до недавнего времени были недостаточно освещены в литературе. Сам факт переговоров между Болгарией и Турцией

о заключении военной конвенции в конце 1913 – начале 1914 г. не был секретом для исследователей. В частности, болгарский историк Т. Влахов в работах 1950-х годов неоднократно упоминал их в контексте политики сближения Болгарии с державами Тройственного союза. Он же, опираясь на документы внешнеполитических ведомств Германии и Австро-Венгрии, предложил и свое объяснение тому, почему уже согласованный в самом начале 1914 г. проект союзного договора между Болгарией и Турцией так и остался неподписанным¹. Однако лишь сравнительно недавно болгарские исследователи ввели в научный оборот новые документальные и мемуарные свидетельства болгарского происхождения, которые позволили раскрыть ранее неизвестные детали переговорного процесса, значительно сократив тем самым белые пятна в истории болгаро-турецких отношений в период между Балканскими войнами и Первой мировой войной. В частности, в 2019 г. Г. Георгиев реконструировал ход переговоров, введя в научный оборот исходный текст турецких предложений, представленных болгарской стороне в конце сентября 1913 г. [2. С. 218–222]. Тремя годами ранее К. Алексиев опубликовал составленный в самом начале 1914 г. ответный итоговый текст болгарского проекта военной конвенции, свидетельствующий о принципиальном согласии Болгарии уступить Турции территорию в Западной Фракии в обмен на возможное территориальное расширение в Македонии². В том же 2016 г. были изданы ранее не публиковавшиеся мемуары болгарского дипломата Симеона Радева, которые пролили дополнительный свет на некоторые детали болгаро-турецкого переговорного процесса. В частности, именно свидетельства С. Радева позволяют подтвердить особую роль болгарского полномочного представителя в Константинополе Андрея Ташева на завершающем этапе переговоров³.

Хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) донесения русской военной разведки позволяют внести дополнительный вклад в копилку имеющихся на сей день сведений относительно того, насколько близко Болгария и Турция в преддверии мировой войны смогли подойти к официальному союзу друг с другом⁴. Кроме того, они позволяют оценить и степень эффективности русской разведки на Балканах, снабжавшей внешнеполитическое ведомство ценной информацией, часто недоступной дипломатическим представителям России в данном регионе. Более того, как нам представляется, данный пример взаимодействия между структурой Военного ведомства и МИД может послужить и удачной иллюстрацией высказанного отечественным специалистом по истории военной разведки России на Балканах В.Б. Кашириным суждения о том, что «в последний период существования Российской империи институт военных агентов [...] добился

¹ Т. Влахов полагал, что болгарское правительство не решилось на подписание договора без патронажа Тройственного союза. Германский император Вильгельм II, имевший в то время планы привлечения на свою сторону Греции, не давал согласия на болгаро-турецкий союз, имевший бы антигреческую направленность. Кроме того, Влахов отметил и взаимное недоверие болгарской и турецкой стороны. В Болгарии, в частности, опасались утратить Западную Фракию, не получив взамен какую-либо компенсацию [1. С. 131].

² Алексиев К. Ценен документ за българо-турските отношения в началото на 1914 г. // Македонски преглед. 2016. № 3. С. 133–146.

³ Симеон Радев. Лица и събития от моето време. / съст. К. Каракачанов, Ц. Билярски. София, 2016. Т. 6. С. 135–154.

⁴ Аспекты болгаро-турецких отношений в 1913–1914 гг. затрагивал в 2006 г. в диссертационном исследовании, посвященном деятельности русской разведки на Балканах, В.Б. Каширин [6]. Однако в опубликованных им работах они не были представлены в полной мере [3. С. 91–127; 4].

значительного влияния на процесс выработки внешней политики и большой стратегии государства» [4. С. 113].

Среди интересующих нас документов по естественным причинам доминируют донесения военных агентов в Софии и Константинополе – полковника Ю.Д. Романовского и генерал-майора М.Н. Леонтьева соответственно. В передаваемых ими в отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба сведениях, добытых зачастую агентурным путем и от высокопоставленных информаторов, нашли отражение почти все основные этапы болгаро-турецкого переговорного процесса.

Так, Леонтьев уже в начале сентября 1913 г., наблюдая за поведением болгарских переговорщиков в Константинополе, пришел к выводу о формировании контуров «будущего болгаро-турецко-албанского союза, направленного против Сербии и, главным образом, против Греции»⁵. От его внимания, в частности, не ускользнула поспешность, с которой Болгария стремилась заключить мирный договор с Турцией, дабы развязать себе тем самым руки для более активной политики на македонском направлении⁶.

16/29 сентября 1913 г. Константинопольский мирный договор между Болгарией и Турцией был подписан, однако это не привело к снижению активности болгарских переговорщиков в столице Османской империи. Леонтьев в октябре 1913 г. обратил особое внимание своего руководства на «неожиданную задержку генерала Савова в Константинополе на неопределенный срок»⁷. Романовский в ноябре 1913 г. прямо указывал на то, что «Савов получил миссию начать переговоры о заключении военной конвенции с Турцией, направленной [...] против Греции»⁸.

Далее догадок относительно задач генерала Савова дело, однако, не шло. Детали его миссии в Константинополе так и остались секретом для русских военных агентов, как и тот факт, что уже в сентябре 1913 г. основная тяжесть переговоров о заключении болгаро-турецкого союза и военной конвенции была перенесена из Константинополя в Софию. По словам болгарского исследователя Г. Георгиева, 29 сентября/12 октября 1913 г. царю Фердинанду был представлен первоначальный вариант военной конвенции, составленный турецкой стороной. Проект имел явную антигреческую направленность, хотя и предполагал два различных сценария, которым соответствовали программа-минимум и программа-максимум. Первый сценарий предполагал совместные военные действия Болгарии и Турции исключительно против Греции, разгром которой позволил бы туркам вернуть оспариваемые ими острова в Эгейском море, а болгарам – южную Македонию с Кавалой и Салониками. Такой исход войны обязывал бы Болгарию уступить Турции в качестве компенсации большую часть Западной Фракии с городами Дедеагач и Гюмюрджина. Второй сценарий конвенции рисовал проект более масштабного военного конфликта, к которому на стороне Греции присоединилась бы Сербия. В таком случае, после разгрома обоих противников, Турция получила бы всю Западную Фракию с Кавалой и Мустафа-Пашой, а Болгария – Салоники и всю сербскую Македонию кроме Дебра и населенных албанцами районов Старой Сербии,

⁵ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3260. Л. 55.

⁶ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3260. Л. 49об.

⁷ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3260. Л. 88–88об.

⁸ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 52

которые, в свою очередь, должны были отойти к Албании, управляемой турецким принцем [2. С. 219]. Возможная роль Румынии в конфликте была обойдена молчанием.

Проект лег в основу дальнейших переговоров, хотя и заметно остудил пыл болгарской управляющей элиты, напуганной демонстрацией турецких аппетитов. Комментируя Фердинанду турецкий проект, премьер-министр В. Радославов и министр иностранных дел Н. Геннадиев в один голос заявили о неготовности Болгарии к новой войне в ближайшем будущем и необходимости использовать сближение с Турцией прежде всего для того, чтобы выиграть время и удержать Западную Фракию [2. С. 219–220]. На случай же спонтанного начала греко-турецкой войны действовала достигнутая в сентябре на мирных переговорах в Константинополе «устная договоренность» о негласном пропуске Болгарией турецких войск через Западную Фракию⁹.

Важным рубежом в болгаро-турецком переговорном процессе стала встреча болгарского министра иностранных дел Николы Геннадиева и министра внутренних дел Турции Мехмеда Талаат-бея в пограничном Любимце в середине ноября 1913 г. Данное событие, завершившееся согласованием предварительного совместного проекта болгаро-турецкой военной конвенции и запустившее новый этап в переговорном процессе, попало в поле зрения русских военных агентов. Романовский известил о встрече в Любимце срочной телеграммой 21 ноября/4 декабря 1913 г. Одновременно и Романовский, и Леонтьев пристально наблюдали за начавшейся в конце ноября и протекавшей весь декабрь 1913 г. переговорной миссией полковника Н. Жекова в Константинополе. От внимания Романовского не ускользнул и секретный визит бывшего турецкого посланника в Болгарии Неджиба Паши Мельхаме, который в течение недели с 16/29 декабря 1913 г. провел несколько «продолжительных бесед» с Н. Геннадиевым и премьер-министром В. Радославовым¹⁰.

Миссия полковника Н. Жекова в столице Османской империи оказалась более удачной, чем предыдущая миссия генерала М. Савова. В конце декабря 1913 г. она завершилась утверждением турецким военным министром Исмаилом Энвер-беем поправок к составленному Н. Геннадиевым и М. Талаат-беем в ноябре предварительному тексту военной конвенции. И. Энвер-бей при этом пошел на уступки болгарской стороне и, по настоянию Н. Жекова, согласился включить в текст договора упоминание о конкретном механизме размена территорий между Болгарией и Турцией. Так, теперь передача Болгарией Дедеагача Турции должна была состояться только после фактического получения Болгарией Салоник, Битоли и Охрида, т.е. не только греческой Эгейской Македонии, но и южной части сербской Вардарской Македонии [2. С. 236]. Отредактированный И. Энвер-беем текст конвенции в самом конце 1913 г. был отправлен в Софию, где 1/14 января 1914 г. премьер-министр В. Радославов известил австрийского посланника А. Тарновского о согласии в целом болгарской стороны с внесенными изменениями и готовности в ближайшие дни подписать военную конвенцию с Турцией¹¹. А 4/17 января уже Радославов отправил болгарскому полномочному представителю в Константинополе А. Тошеву утвержденный с небольшими поправками болгарским правительством текст

⁹ България в Първата световна война. Германски дипломатически документи / ред. Ц. Тодорова. София, 2002. Т. I (1913–1915). С. 102.

¹⁰ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 21.

¹¹ Симеон Радев. С. 145–150.

конвенции. Поправки касались крайних точек болгарского территориального расширения «в случае успешной войны против Греции и Сербии». Так, в границах Болгарии должны были остаться Тетово, Костур и Кайляр, тогда как турки могли бы вернуть себе всю Западную Фракию до реки Места¹². Болгарскому дипломату, таким образом, было поручено поставить точку в переговорах, подписав от имени болгарских властей полученный договор даже в том случае, если турки отвергнут болгарские поправки или же потребуют новых незначительных изменений в свою пользу¹³.

Данный эпизод болгаро-турецких переговоров нашел отражение в донесениях русских военных агентов в Софии и Константинополе. Так, Романовский уже 3/16 января 1914 г., т.е. еще до того как А. Тошев получил текст конвенции и инструкции от В. Радославова, опираясь на агентурные данные, срочной шифрованной телеграммой уведомил о факте заключения «соглашения, по которому Болгария в случае войны Греции с Турцией немедленно очищает Дедеагач, Гюмюльджину и предоставляет Турции железную дорогу Дедеагач – Салоники». Соглашение, по словам Романовского, предполагало возможность и совместных военных действий Болгарии и Турции против Сербии в том случае, если они будут поддержаны «выступлением албанцев»¹⁴.

По всей видимости, именно согласование в Софии итогового проекта болгаро-турецкой конвенции было принято Романовским за факт ее подписания обеими сторонами. Ему при этом не удалось получить доступ к ее полному тексту, однако благодаря своему секретному осведомителю из числа бывших болгарских министров¹⁵ он смог верно понять суть почти достигнутого соглашения: Болгария давала принципиальное согласие на военный союз с Турцией, в основе которого лежал бы пропуск турецких войск через Западную Фракию и последующий размен этой территории на Эгейскую Македонию, отнятую у Греции.

В рапорте от 8/21 января 1914 г. Романовский уточнял: «В случае если обстановка (в ходе планируемой греко-турецкой войны. – Д.Л.) будет этому благоприятствовать, Болгария не ограничится благожелательным нейтралитетом, мобилизует армию и выступает против Сербии и Греции. Главная турецкая квартира будет находиться в Деде-Агаче. В случае успеха военных действий, болгары обязуются уступить Деде-Агач и Гюмюрджину и получают взамен Кавалу. Что касается Румынии, то теперешний кабинет рассчитывает при помощи Австрии купить ее нейтралитет, хотя бы ценой новых территориальных уступок». Сам Романовский скептически смотрел на успех подобной комбинации, полагая, что турки, достигнув Салоник и Кавалы, вряд ли в итоге уступят их болгарам¹⁶. Тем не менее он фиксировал оживленную подготовку албанских, болгарских и турецких деятелей к организации диверсионных действий против Греции и Сербии. Так, например, Романовский сообщал о поездках одного из предводителей ВМОРО Яне Санданского в Албанию на рубеже 1913–1914 гг., как и об ответном визите албанской делегации из четырех человек в Софию. Отправленные в болгарскую столицу «Временным комитетом», указанные албанцы имели совещания с видными лидерами ВМОРО Хр. Таттарчевым и А. Протогеровым, а также с Н. Генадиевым. 5/18 января 1914 г.

¹² Алексиев К.С. 137, 141–142.

¹³ Алексиев К.С. 134, 137–138.

¹⁴ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 17.

¹⁵ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 1.

¹⁶ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 1–2.

албанская делегация отбыла для переговоров в Константинополь, а 12/25 января 1914 г. должна была вернуться в Дедеагач для обсуждения с делегатами ВМОРО и младотурецкого комитета конкретных планов диверсионных вылазок на территорию Сербии¹⁷.

Сведения, предоставленные российским военным агентом в Софии, практически сразу же были переданы в Министерство иностранных дел, где вызвали обоснованную тревогу. В течение января 1914 г. министру иностранных дел России С.Д. Сазонову пришлось проделать немалую работу для прояснения вопроса о якобы состоявшемся болгаро-турецком соглашении. Однако запрошенные им дипломатические представители России в Белграде, Бухаресте, Афинах, Софии и Константинополе практически в один голос отрицали наличие достоверных свидетельств подобного письменного соглашения между Болгарией и Турцией¹⁸, уточняя, правда, что «совместное выступление» этих государств против Греции может произойти «даже помимо предварительного заключения конвенции», в силу «общности интересов»¹⁹ или в силу устных договоренностей²⁰.

Давление со стороны России, как известно, вынудило болгарского премьера В. Радославова 16/29 января 1914 г. отправить посланнику в Петербурге Радко Димитриеву срочную телеграмму с призывом «явиться к г. Сазонову и заявить от имени болгарского правительства в самой категоричной форме, что мы не заключали и никогда не имели намерения заключать какого бы то ни было политического соглашения вообще и в частности о пропуске турецких войск через нашу Эгейскую область»²¹.

Однако донесения, которые в то же самое время в российском МИД и Генеральном штабе получали от военных агентов в Софии и Константинополе, не оставляли сомнения в откровенном лукавстве В. Радославова. Так, в частности, 13/26 января 1914 г. Романовским была отправлена срочная телеграмма, доведенная вскоре до сведения Сазонова, которая бросает свет на кульминационный этап болгаро-турецких переговоров, завершившийся выработкой очередного болгарского проекта военной конвенции. Из телеграммы Романовского следует, что после 4/17 января 1914 г., когда, как известно, болгарский посланник в Константинополе А. Тошев получил от В. Радославова предписание подписать союзный договор с Турцией²², последовали «оживленные переговоры», сопровождавшиеся взаимным отъездом на родину для консультаций сперва турецкого посланника в Софии Фетхи-бея, а затем и самого А. Тошева. Новый виток переговоров, по сведениям Романовского, увенчало «продолжительное совещание» в Софии 12/25 января 1914 г. с участием А. Тошева, В. Радославова и австрийского посланника А. Тарновского²³.

Итог совещания остался неизвестен Романовскому. Лишь спустя год французские дипломаты ознакомили российских коллег с добытым агентурным путем текстом якобы секретной болгаро-турецкой военной конвенции, дата

¹⁷ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 1–2.

¹⁸ Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов Царского и Временного правительств 1878–1917 гг. М.; Л., 1931. Сер. III. Т. 1. С. 48, 76–77, 191–192, 205, 229, 281; Т. 2. С. 25–26; Т. 3. С. 169–170, 368–369.

¹⁹ Международные отношения в эпоху империализма. С. III. Т. 1. С. 229–230.

²⁰ Международные отношения в эпоху империализма. С. III. Т. 2. С. 25.

²¹ Международные отношения в эпоху империализма. С. III. Т. 1. С. 154.

²² Алексиев К.С. 138.

²³ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 12.

появления которой совпадает с датой упомянутого Романовским «продолжительного совещания» в Софии. На сегодняшний день достоверно известно, что согласованный в болгарской столице 12/25 января 1914 г. текст конвенции в действительности остался всего лишь очередным проектом. Однако его сравнение с предыдущим вариантом союзного договора от 4/17 января 1914 г. позволяет понять логику болгарской стороны в переговорном процессе.

Позже именитый болгарский дипломат А. Тошев приписывал именно себе заслугу в затягивании переговоров с Османской империей, что, по его мнению, позволило Болгарии избежать турецкого капкана и сохранить за собой Западную Фракию вплоть до вступления страны в Первую мировую войну. Симеон Радев, посвященный в детали болгаро-турецкого переговорного процесса в 1913–1914 г., так же свидетельствует о том, что А. Тошев, ознакомившись с проектом конвенции от 4/17 января 1914 г., не решился поставить под ним свою подпись и потребовал дополнительных разъяснений от болгарского правительства. В итоге в ходе совещаний в Софии с В. Радославовым, Д. Тончевым и Н. Генадиевым, а также в результате личной аудиенции царя Фердинанда А. Тошеву удалось повлиять на позицию болгарских властей. В беседе с австрийским посланником А. Тарновским, выступавшим за скорейшее болгаро-турецкое сближение, А. Тошеву пришлось отдельно излагать свои доводы²⁴. Вследствие этого в совещании 12/25 января 1914 г. при посредничестве А. Тарновского проект конвенции, носивший изначально преимущественно антигреческий характер, был направлен своим острием одновременно и против Сербии. Согласно новому варианту союзного договора, *casus belli* для обоих союзников теперь наступал только в том случае, если один из них «оказался вовлечен в войну, по крайней мере, с двумя государствами Балканского полуострова». Тем самым Турция и *de facto*, и *de jure* теряла прямую поддержку Болгарии в случае конфликта только с Грецией, без участия Сербии. Кроме того, хотя и сохранен был пункт о праве прохода турецкой армии через Западную Фракию, вопрос о территориальных компенсациях Болгарии в пользу Турции не был конкретизирован – упоминалось лишь о возможной коррекции границы в соответствии с «этническим принципом». Что же касается указаний на конкретные территории, то из прежнего варианта конвенции сохранились положения лишь о передаче Турции островов Эгейского моря, а Албании – области к западу от линии Охрид – Дебр – Призрен – Приштина²⁵.

В январе 1914 г. генерал-майор Леонтьев, со своей стороны, пытался выяснить у болгарских представителей в турецкой столице степень достоверности слухов о болгаро-турецком союзе и в итоге получил от них весьма интересные и прозрачные комментарии. Военный атташе Болгарии полковник Марков прямо заявил ему, что «сейчас нет болгарина, который не согласился бы на какие угодно жертвы для отвоевания Македонии; для этой цели можно пойти на союз с самим чертом, а не только с Турцией». Андрей Тошев дал Леонтьеву более развернутое объяснение: «Ценой бесчисленных жертв мы достигли совершенно отрицательных результатов, получив в свое владение западную Фракию, где болгар нет, а есть только турки и греки. Выходит так, что если раньше у турок была болгарская Македония, причинявшая им столько забот и беспокойств, то теперь в награду за все наши усилия мы получили право овладеть турецкой Македонией, которая нам совершенно не нужна

²⁴ Симеон Радев. С. 150–154.

²⁵ Международные отношения в эпоху империализма. С. III. Т. 1. С. 597–598.

и в будущем грозит такими же разочарованиями и заботами». Сам Леонтьев, хотя и допускал вероятность заключения болгаро-турецкой сделки по размену Западной Фракии на Эгейскую Македонию, все же слабо верил в ее осуществимость. Даже в случае успеха турок в войне против Греции, полагал он, болгары вряд ли могли рассчитывать на добросовестное исполнение турками своих обязательств. Кроме того, по мнению Леонтьева, следовало учитывать и позицию самого населения Салоник, относительное большинство которого было представлено еврейской общиной, «мало заинтересованной в переходе своего гнезда в несентиментальные болгарские руки». «Из всех господств евреи несомненно предпочли бы турецкое как обеспечивающее им наибольшую свободу действий, но если бы это оказалось невозможным, то надо ожидать самой деятельной кампании в пользу интернационализации Салоник, мысль о чем уже зародилась среди местных евреев», — добавил Леонтьев²⁶.

За деталями болгаро-турецких переговоров пристально следили в столицах других балканских государств, причем с начала весны 1914 г. и греческие, и сербские власти исходили из факта заключения болгаро-турецкой военной конвенции, активно готовясь при этом противостоять планам Константинополя и Софии. Но если греческое руководство относилось к российским представителям крайне настороженно²⁷, то военный агент России в Белграде полковник В.А. Артамонов регулярно получал от сербских властей сведения секретного характера, касающиеся военных приготовлений Болгарии [5. С. 14–15; 4. С. 306–307]. В рапорте от 22 апреля/5 мая 1914 г. он передавал в Петербург полученные от сербов детали болгаро-турецких договоренностей, которые в основных чертах коррелируют с известным на сей день проектом конвенции от 4/17 января 1914 г. Согласно этим данным, Албания, Болгария и Турция договаривались поэтапно усилить четническую активность в Эгейской и Вардарской Македонии с целью достичь автономии региона, не прибегая к полномасштабным военным действиям на суше. В случае успеха этого плана Турция могла бы потребовать от Греции Эгейские острова, а Болгария закрепляла бы за собой «территорию до Орфанского залива и далее до Джумайи», тогда как «все остальное образует автономную область, где турки и болгары пользуются одинаковыми правами». В случае же присоединения Македонии к Болгарии в ходе войны обоих союзников против Греции и Сербии, Турция получила бы право присоединить Эгейские острова и территорию Западной Фракии до р. Места. Струга и Дебр на Западе Македонии, равно как и Призрен и Дьяковица в Косове, должны были отойти к Албании. Договоренности, которые попали в поле зрения Артамонова, включали оперативные планы сторон в ходе планируемой войны. Так, например, в случае начала военных действий между Турцией и Грецией Болгария, даже при уклонении от участия в конфликте, обязана была «предоставить Турции для операции свою территорию вплоть до г. Джумайи». «Если Сербия вмешается в качестве союзницы Греции, — пояснялось в соглашении, — то Турция будет вести войну на два фронта: против Сербии и Греции, в то время как Албания атакует их с запада. В этом случае Болгария предоставляет Турции 150 000 своих солдат для оккупации Македонии, а остальные силы Болгарии занимают оборонительное положение против

²⁶ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3255. Л. 33–36.

²⁷ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3230. Л. 6–8об.

Сербии и Румынии. Однако в случае надобности Турция должна послать Болгарии в помощь против Румынии 80 000 чел.»²⁸.

Параллельно переговорам по поводу военного союза российские военные агенты фиксировали возросшее сотрудничество ВМОРО и младотурок в деле восстановления этнической активности в Македонии. От внимания российской разведки не ускользнули частые визиты болгаро-македонских революционных активистов в Турцию и Албанию, как и поездки младотурок в Западную Фракию, где ими была развернута кипучая совместная с болгарскими «деятельность по организации банд»²⁹. Российские представители были уверены, что подготовка к ведению диверсионной войны на территории Греции и Сербии осуществляется с ведома и с санкции официальных болгарских властей, а также Австро-Венгрии и Германии, стремившихся сблизить и подчинить своему влиянию Болгарию и Турцию³⁰.

Как известно, после поражения Болгарии во Второй балканской войне ослабленная ВМОРО вынуждена была коренным образом менять стратегию деятельности, обратившись к поиску союзников [7. С. 93–116]. В соответствии с подписанным в Константинополе 17/30 октября 1913 г. и одобренным впоследствии болгарским правительством Протоколом о совместных действиях ВМОРО и Турецкого македонского комитета, происходил раздел зон ответственности двух этнических структур. Впервые в своей истории Внутренняя революционная организация отказалась от монополии на руководство повстанческим движением в Македонии, сузив свою оперативную зону до границ бывшего Скопского вилайета. Большая часть бывшего Битольского вилайета отныне попадала в сферу албанской активности, тогда как Западная Фракия в границах бывшей Гюмюрджинской республики должна была стать тыловой базой для Турецкой этнической организации («Тешкилят-и Махсуса»), возглавляемой Сулейманом Аскери-беом. Оперативная зона этой организации, являвшейся в действительности специальным подразделением османской армии, согласно Протоколу 17/30 октября 1913 г., распространялась на всю Эгейскую Македонию или бывший Салоникский вилайет³¹.

Российские военные агенты не были в курсе подписанного в октябре 1913 г. Протокола, однако уже к весне 1914 г. по нарастающей активности болгарских и турецких этнических структур вполне распознали суть болгаро-турецкой этнической сделки. Начиная с февраля 1914 г. Романовский и Леонтьев сообщали о концентрации турецких четников в болгарской Западной Фракии³². В рапорте от 20 марта/2 апреля 1914 г. Романовский следующим образом обобщал собранную агентурным путем информацию «о сношениях болгар с младотурецким комитетом»: «В Константинополе существует организация для подготовки [...] турецких чет, предназначенных для действий в греческой и сербской Македонии, совместно с болгарскими четниками. Комитет этот подчинен Военному Министерству. Во главе организации стоит майор Решид-бей, находящийся

²⁸ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3152. Л. 43–45.

²⁹ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3255. Л. 33; Ед. хр. 3084. Л. 5–5об.; Ед. хр. 752. Л. 675; Ед. хр. 3084. Л. 25–26.

³⁰ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 2870. Л. 50–51; Ед. хр. 3084. Л. 27–28об; Ед. хр. 2870. Л. 187–188об.; Ед. хр. 3083. Л. 44.

³¹ Официальная и тайная болгаро-турецкая дипломатия (1903–1925 г.). Документальный сборник / ред. Ц. Билярски, В. Китанов. София, 2009. С. 137–141, 176.

³² РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 5–5об.; Ед. хр. 752. Л. 675.

в Константинополе. Главным начальником банд, предназначенных действовать против Греции, решено назначить майора Сулейман-бея, находящегося сейчас в Адрианополе. По районам начальствующими лицами будут: поручик Ариф-бей в Гюмюрджине, Реуф-бей — в Деде Агаче, жандармский капитан Халим Джавид-бей — в Ксанти / Скече/, Смаил / Измаил / бей — в Струмице и, наконец, Мехмед Хуссейн-эффенди будет назначен представителем всей организации в Софии»³³. Романовский при этом уточнял, что главными переговорщиками при взаимодействии двух этнических организаций выступают Сулейман Аскери-бей и А. Протогеров как лица наиболее приближенные к политическому и военному руководству своих стран. От внимания Романовского не ускользнул и тот факт, что в коллективных совещаниях двух организаций с обеих сторон наряду с революционными активистами и этническими воеводами принимали участие и государственные служащие. Так, например, в проведенном 10/23 марта 1914 г. в османской столице в клубе Нури Османие совещании принял участие Панчо Дорев — советник в посольстве Болгарии в Константинополе. С турецкой стороны помимо Сулеймана Аскери-бея и еще двух активистов в совещании принимал участие лидер турецкой фракции в болгарском Народном собрании и одновременно член младотурецкого комитета Эдхем Рухи³⁴.

Подготовка турецких четников шла опережающими темпами. По сведениям Романовского, к концу марта 1914 г. они располагали следующими силами: в Кырджали были складированы 2000 винтовок при 625 четниках, в Пашмаклы — 1000 винтовок при 200 четниках, в Чилиби — 1500 винтовок при 300 четниках, в Ксанти — 19000 винтовок при 6700 четниках, в Гюмюрджине — 15000 винтовок при 5600 четниках³⁵. Артамонов, со своей стороны, доносил в конце апреля 1914 г. из Белграда о почти двукратном численном превосходстве турецких диверсантов, концентрировавшихся в Западной Фракии, над болгарскими четниками, собиравшимися в Струмицком районе: «Турецких четников в Гюмюльджине, Ксанти и Неврокопе находится свыше 6—7000 чел; македонцев — у Мельника, Петрича, Струмицы и Джумайи свыше 3—4000 чел.»³⁶.

При таком положении вещей контроль над Западной Фракией постепенно перетекал в турецкие руки, что создавало первые очаги напряженности в болгаро-турецких отношениях. Романовский еще в марте 1914 г. обратил внимание на тот факт, что победа в парламентских выборах партий либеральной коалиции В. Радославова, одержанная во многом благодаря мусульманскому населению новоприсоединенных земель и турецким агитаторам, будет способствовать достижению «если не явной, то фактической автономии для турецкого населения Гюмюрджинского округа, и последнее будет находиться под сильным влиянием Константинополя»³⁷. 30 марта/12 апреля 1914 г. в продолжение этой темы Романовский сообщил следующее: «Среди болгарского населения Фракии начинается глухое брожение против привилегированного положения турок, которые сейчас являются там чуть ли не хозяевами положения. Начальник 2-й инспекционной области, генерал Тошев, инспектировавший недавно части 10-й дивизии, расположенной во Фракии, заявил одному из своих приятелей, что положение болгар во Фракии ухудшается с каждым днем, турки

³³ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 27.

³⁴ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 25.

³⁵ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 25—26.

³⁶ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3152. Л. 45.

³⁷ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3083. Л. 38об.

держат себя с ними вызывающе и открыто говорят, что болгары во Фракии – лишь временные гости»³⁸.

Росло недоверие и в отношениях между этническими структурами болгар и турок, и в отношениях на межгосударственном уровне. До начала мировой войны разладилось взаимодействие двух государств на албанском направлении, выросла напряженность в отношениях между мусульманским населением и болгарской администрацией в Западной Фракии, были свернуты первоначальные темпы сотрудничества между ВМОРО и турецкой «Тешкилят-и Махсуса», окончательно забуксовала работа по подписанию военной конвенции. Вплоть до того, что 7/20 июня 1914 г., в период очередного обострения греко-турецких отношений, болгарский военный атташе в Константинополе полковник Марков в разговоре с русским коллегой предположил, что Болгария должна будет потребовать от Турции исправления границы по Марице в качестве компенсации за свой нейтралитет в греко-турецкой войне. Марков при этом поделился одним суждением, которое ярко свидетельствовало о временном и вынужденном характере болгаро-турецкого сотрудничества: «Я хорошо знаю турок и в возможность искренней дружбы к нам с их стороны не верю. [...] Они всегда уважали и впредь будут уважать только одну реальную силу»³⁹.

Лишь Июльский кризис 1914 г. и последовавший за ним мировой пожар повернули вспять тенденцию к разладу отношений между двумя вынужденными союзниками, вновь подстегнув их усилия по сближению своих позиций ради решения национальных задач. В итоге в начале августа 1914 г. был оперативно востребован опыт недавних переговоров, и 6/19 августа 1914 г. Болгария и Турция под решительным давлением Австро-Венгрии и Германии [1. С. 152–153] подписали секретный договор о союзе и дружбе, в котором, хотя и в размытом и скорректированном виде, были отражены ключевые пункты предыдущих проектов: подтверждалась, при условии гарантированного нейтралитета Румынии, возможность совместной войны Болгарии и Турции против Сербии и Греции, а также фактически допускался проход турецкой армии через Западную Фракию⁴⁰.

Договор, ставший логичным финалом болгаро-турецких отношений в период между Балканскими войнами и Первой мировой, имел важное значение. Подписанный всего несколько дней спустя после союзного германо-турецкого договора (20 июля/2 августа 1914 г.), он значительно ускорил вступление Османской империи в войну, а также надежно пристегнул Болгарию к лагерю держав Тройственного союза, гарантировав им, как минимум, ее доброжелательный нейтралитет. Масштабы нарастающей как снежный ком геополитической катастрофы, особенно ввиду многократно возросшей роли Болгарии в расстановке сил на Балканах с началом мировой войны, были очевидны русским дипломатическим и военным представителям в данном регионе. Именно с этим связано их безоговорочное принятие почти с первых дней войны идеи о необходимости немедленных и значительных по масштабу территориальных компенсаций со стороны Сербии и Греции в пользу Болгарии [8. С. 134–152]. Стремительный бег времени, однако, не позволил России в сжатые сроки переломить опасную тенденцию и исправить совершенную в том числе и по ее вине ошибку 1913 г.

³⁸ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3083. Л. 43–44.

³⁹ Международные отношения в эпоху империализма. С. III. Т. 3. С. 368–369.

⁴⁰ Официалната и тайната българо-турска дипломатия. С. 198.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВМОРО – Внутренняя македоно-одринская революционная организация
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, Москва

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Алексиев К. Ценен документ за българо-турските отношения в началото на 1914 г. // Македонски преглед. 2016. № 3. С. 133–146.
България в Първата световна война. Германски дипломатически документи. / ред. Ц. Тодорова. София, 2002. Т. I (1913–1915)
Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов Царского и Временного правительств 1878–1917 гг. М.; Л., 1931. Сер. III. Т. 1–3.
Официалната и тайната българо-турска дипломатия (1903–1925 г.). Документален сборник / ред. Ц. Билярски, В. Китанов. София, 2009.
Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба. Оп. 1. Ед. хр. 752, 2870, 3048, 3083, 3084, 3152, 3230, 3255, 3260.
Симеон Радев. Лица и събития от моето време / съст. К. Каракачанов, Ц. Билярски. София, 2016. Т. 6

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влахов Т. Отношенията между България и Централните сили по време на войните 1912–1918 г. София: Издателство на Българската комунистическа партия, 1957. 292 с.
2. Георгиев Г. Българо-албански политически отношения (1908–1915). София: Издателство на Македонски научен институт, 2019. 468 с.
3. Каширин В.Б. България и стратегическата обстановка на Балканах накануне Первой мировой войны (по донесениям русской военной разведки) // Россия и реформы. Сб. статей / ред.-сост. О.Р. Айрапетов. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. Вып. 5. С. 91–127;
4. Каширин В.Б. Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М.: ВИКМО-М, 2014. 632 с.
5. Каширин В. На вулкане: русская разведка о необъявленной войне в Македонии и Косове // Родина. 2004. № 9. С. 12–16.
6. Каширин В.Б. Русская военная разведка на Балканах накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1915 гг.): Автореф. ... на канд. ист. наук. М., 2006. 27 с.
7. Лабаури Д.О. Внутренняя македоно-одринская революционная организация на распутье: поиски путей решения македонского вопроса накануне Первой мировой войны // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 93–116.
8. Лабаури Д.О. Примирить непримиримых: непосильная задача русской дипломатии на Балканах в 1914–1915 гг. // Bulgarian Historical Review. 2012. № 3–4. С. 134–152.

REFERENCES

- Georgiev G. *Bulgaro-Albanski politicheski otnosheniya (1908–1915)*. Sofia, Publishing House of the Macedonian Scientific Institute, 2019, 468 p. (In Bulgarian)
- Kashirin V.B. *Bolgariya i strategicheskaya obstanovka na Balkanah nakanune Pervoy mirovoy voyni (po doneseniym ruskoj voennoj razvedki)*. *Rosiya i reformi*. Vol. 5, ed. O.R. Ayrapetov. Moscow, Modest Kohlerov and the «Three Squares» Publ., 2002, pp. 91–127. (In Russ.)
- Kashirin V.B. *Dozornie na Balkanah: Ruskaya voennaya razvedka v stranah Balkanskogo poluostrova nakanune i v godi pervoy mirovoy voyni*. Moscow, VIKMO-M Publ., 2014, 632 p. (In Russ.)
- Kashirin V.B. *Na vulkane: Ruskaya razvedka o neob'yavlennoy voyne v Makedonii i Kosove*. *Rodina*, 2004, no 9, pp. 12–16. (In Russ.)
- Kashirin V.B. *Ruskaya voennaya razvedka na Balkanah nakanune i v godi Pervoy mirovoy voyni (1913–1915)*. Diss. cand. ist. nauk. Moscow, 2006, 27 p. (In Russ.)
- Labauri D.O. *Primirimih: neposilnaya zadacha ruskoj diplomatii na Balkanah v 1914–1915*. *Bulgarian Historical Review*, 2012, no 3–4, pp. 134–152. (In Russ.)
- Labauri D.O. *Vnutrennaya makedono-odrinskaya revoliutsionnaya organizatsiya na rasputye: poiski putey resheniya makedonskogo voprosa nakanune Pervoy mirovoy voyni*. *Balkani v evropeyskih politicheskikh*

proektah XIX–XXI vekov. Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Publ., 2014, pp. 93–116. (In Russ.)

Vlakhov T. *Otnosheniyata mejdu Bulgaria i Tsentralnite sili po vreme na voynite 1912–1918.* Sofia, Publishing House of the Bulgarian Communist Party, 1957, 292 p. (In Bulgarian).

Информация об авторах

Лабаури Дмитрий Олегович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой и новейшей
истории УрФУ,
Екатеринбург, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7790-134X>
Email: labauris@yandex.ru

Градобоев Илья Александрович,
магистрант кафедры новой и новейшей
истории УрФУ,
Екатеринбург, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9062-3257>
Email: groveti@mail.ru

Information about the author

Dmitry O. Labauri,
PhD, Associate Professor of the Modern
and Contemporary History Department, Ural
Federal University,
Yekaterinburg, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7790-134X>
Email: labauris@yandex.ru

Ilya A. Gradoboyev,
Graduate student of the Modern and
Contemporary History Department,
Ural Federal University, Yekaterinburg,
Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9062-3257>
Email: groveti@mail.ru

Славяноведение, 2022, № 1, с. 35–52

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 1, pp. 35–52

DOI: 10.31857/S0869544X0018085-6

Оригинальная статья /
Original Article

Болгарский «тесняк» Христо Кабакчиев и образование ИКП¹ (конец 1920 – начало 1921 года)

© 2022 г. Н.Г. Терехова

Общество изучения наследия А. Грамши
(Москва, Российская Федерация)

natgenter@gmail.com

Аннотация. Публикуемые документы показывают участие болгарского «тесняка» Христо Кабакчиева в сложном процессе образования коммунистической партии Италии. Этот посланец Коминтерна стал одним из основных действующих лиц событий, вызвавших столетие назад полемику, которая не утихает до сих пор.

Ключевые слова: Христо Кабакчиев, эмиссары Коминтерна, БКП, образование ИКП.

Ссылка для цитирования: *Терехова Н.Г.* Болгарский «тесняк» Христо Кабакчиев и образование ИКП (конец 1920 – начало 1921 года) // *Славяноведение*. 2022. № 1. С. 35–52. DOI: 10.31857/S0869544X0018085-6.

Bulgarian «tesnjak» Khristo Kabakchiev and the formation of the Italian Communist party (1920–1921)

© 2022. N.G. Terekhova

Antonio Gramsci Studies Society
Moscow, Russian Federation

natgenter@gmail.com

Abstract. The new documents show the role of the Bulgarian «tesnjak» Khristo Kabakchiev in the difficult process of the formation of the Italian Communist Party. This envoy of the Comintern became one of the main actors in the events that sparked a controversy a century ago, which has not subsided to this day.

Keywords: Khristo Kabakchiev, representatives of Comintern, Bulgarian Communist Party, founding of Italian Communist Party.

Reference for citation: *Terekhova N.G.* Bulgarian «tesnjak» Khristo Kabakchiev and the formation of the Italian Communist party (1920–1921) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No 1. Pp. 35–52. DOI: 10.31857/S0869544X0018085-6.

Начавшийся 15 января 1921 г. в Ливорно XVII национальный съезд Итальянской социалистической партии (ИСП) [14] стал первым в истории страны общественно-политическим мероприятием, запечатленным на киноленту. На бережно отреставрированных кадрах кинохроники можно видеть делегатов перед входом в театр Гольдони, где проходит съезд. Заметив, что на них направлена камера, многие останавливаются и улыбаются, как, например, виднейший социалист, главный редактор влиятельного теоретического журнала реформистов «*Critica sociale*» Филиппо Турати² (его фамилию сообщает зрителю рамка с виньетками в нижней части кадра). Энергично жестикулируя, жадно глядя деляются в аудиторию признанные ораторы, харизматичные лидеры крайне левого фланга ИСП Амадео Бордига и Никола Бомбаччи³. Есть и такие, кто излагает свои тезисы сосредоточенно, фиксируя взгляд перед собой, как молодой адвокат марксист Умберто Террачини⁴. Из толпы камера выхватывает высокую фигуру господина в очках, точнее, товарища, отличающегося от остальных делегатов сдержанностью движений и чеховской бородкой, он явно похож на иностранца, что и подтверждает надпись в стиле эпохи немого кино: «*Kabakcev*».

Именно этот участник съезда в Ливорно, болгарский «тесняк» Христо Кабакчиев⁵, является центральной фигурой настоящей публикации, автором неизвестного ранее письма, отправленного из Милана за два месяца до исторического съезда ИСП и адресованного Исполкому Коминтерна (док. 1)⁶. Его дополняет репортаж одной из ведущих итальянских газет, опубликованный 17 января 1921 г. В нем речь идет о продолжавшемся в течение трех часов выступлении Х. Кабакчиева на съезде итальянских социалистов и о той неоднозначной реакции, которую оно вызвало среди делегатов. Результатом работы форума стал раскол мощной, многочисленной и в целом весьма успешной партии [14. С. 253; 13. С. 355]⁷. Большинство — реформисты и центристы — сохранили единство, а откололось и образовало компартию меньшинство. Раскол произошел несмотря на оптимистичные прогнозы, о которых Х. Кабакчиев с подачи местных «непримиримых» писал в Москву (док. 1). При подготовке этого решающего съезда и в ходе него болгарину Кабакчиеву довелось сыграть значительную роль.

¹ Итальянская коммунистическая партия (ИКП) до 1943 г. называлась Коммунистическая партия Италии (КПИ).

² Турати Филиппо (1857–1932) — один из основателей ИСП, лидер ее реформистской фракции. См. подробнее [25].

³ Бордига Амадео (1889–1970), Бомбаччи Никола (1879–1945) — лидеры коммунистической фракции «непримиренцев» в ИСП, безусловно поддерживавшие директивы II конгресса КИ по изгнанию реформистов. После учреждения компартии вошли в ЦК. См. подробнее [20. С. 113; 19. С. 119].

⁴ Террачини Умберто (1895–1983) — член туринской социалистической секции «непримиримых коммунистов», один из основателей ИКП. [19. С. 120, 121].

⁵ Кабакчиев Христо (1878–1940) — член Болгарской рабочей социал-демократической партии с 1897 г., закончил Софийский университет, учился во Франции и Швейцарии. Один из идеологов «теснячества», депутат Народного собрания с 1919 по 1924 г., секретарь Коммунистической партии Болгарии в 1922–1929 гг. Сторонник создания федерации балканских демократических республик, разрабатывал концепцию объединения славянских государств на Балканах. Принимал участие в работе II, IV, V, VI конгрессов КИ. Совместно с Л.Д. Троцким опубликовал в 1923 г. брошюру «Очерки политической Болгарии». С 1924 г. член Контрольной комиссии КИ, в том же году был арестован болгарскими властями. В 1926 г. освобожден по амнистии, по другим сведениям — в результате протестов, организованных МОПР, эмигрировал в СССР. Работал в Коминтерне, с 1935 г. — в Институте истории АН [21; 8; 9].

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 15–16.

⁷ По мнению В.П. Любина, ИСП была одной из самых сильных рабочих партий того времени в Европе, раскол ослабил ее ряды [14. С. 253]. Этому же мнения придерживался советский историк П.А. Лисовский [13. С. 355].

Касающиеся этой фигуры документы привлекают внимание к проблеме соотношения национального и интернационального в истории левых европейских движений первых десятилетий XX в. Вопреки представлению о давлении Москвы и навязывании советской модели, раскол итальянских социалистов на съезде в Ливорно в январе 1921 г. показывает вариативность при реализации директив Коммунистического Интернационала (КИ) в начальный период его истории, когда значительными и определяющими были такие факторы, как уровень доктринальной подготовки зарубежных представителей Коминтерна, традиции национальных партий, членами которых они являлись, их личные качества, дружеские или неприязненные отношения с местными коллегами.

Как и многие другие соцпартии, ИСП стояла на пороге неминуемых перемен, объявленных летом 1920 г. в соответствии с решениями, принятыми по итогам работы Второго конгресса КИ, изменившего ход истории мирового социалистического и рабочего движения [5]. Среди наиболее категоричных и значительных по последствиям было требование конгресса о реорганизации в течение четырех месяцев соцпартий в коммунистические, смене названия и исключении реформистов из их рядов [5. С. 160–165]. Сохранение большинства членской массы подразумевалось при этом как сам собой разумеющийся непреложный факт, поскольку перспективы деятельности «всемирной партии пролетариата» летом 1920 г. представлялись большевикам блестящими. Их лидер, В.И. Ленин, был полон энтузиазма и говорил о необходимости «поощрить революцию в Италии»⁸. Возможно его вдохновило общение с итальянскими делегатами Всемирного конгресса. Однако не все члены весьма пестрой по составу итальянской делегации [5. С. 49], посетившей Советскую Россию тем летом, составили себе о ее реалиях радужное впечатление, к тому же главный редактор органа социалистов Дж. М. Сerratи вступил в открытую полемику с большевиками⁹. Он был обеспокоен перспективой разрушения богатых и славных традиций итальянской социалистической партии, история которой брала свое начало в 1892 г. [14]. По его мнению, расхождения с Коминтерном были обусловлены прежде всего тем, что в Москве слишком мало знали об итальянских делах.

Этот тезис в течение десятилетий повторяли многие итальянские историки и публицисты, близкие к ИСП. Регулярное информирование Исполкома КИ его зарубежными эмиссарами, в частности находившимися в Италии, не учитывалось по причине секретности той обширной и содержательной переписки, которую они вели. Однако после того как архивные фонды Коминтерна стали доступны, тезис о неосведомленности председателя Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьева не может более считаться обоснованным. Из направленных ему сообщений становится ясно, что представители Коминтерна в Италии поддерживали постоянные контакты с местными крайне левыми деятелями («непримиримыми»), которые были

⁸ Так, 23 июля в перерыве между заседаниями конгресса Ленин писал Сталину, находившемуся в те дни в Харькове: «Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть также Чехию и Румынию. Надо обдумать внимательно. Сообщите ваше подробное заключение». Цит. по: История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки // отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2002. С. 35.

⁹ Сerratи Джачинто Менотти (1872–1926) – главный редактор органа ИСП «Avanti!», сменил на этом посту Б. Муссолини. Приверженец принципа пролетарского интернационализма, активный участник Циммервальского движения. Познакомился с В.И. Лениным и Г.Е. Зиновьевым в Швейцарии в 1915 г. Горячий сторонник Октябрьской революции и вступления ИСП в Коминтерн. Подробнее о полемике, возникшей на II конгрессе КИ см. [5. С. 104, 139, 141, 142, 150, 153; 16. С. 186–199].

настроены весьма оптимистично относительно перспектив предстоящего съезда социалистов и транслировали эту позицию представителям КИ (док. 1).

Обстановка в рядах итальянских левых накануне национального форума была напряженной, а результаты его представлялись настолько важными, что первоначально на нем планировал выступить лично сам Председатель Коминтерна Г.Е. Зиновьев¹⁰. Вместе с Н.И. Бухариным они готовились выехать в Ливорно, оба искусные, яркие ораторы, судя по телеграммам, посланным с последними распоряжениями накануне съезда, они не ставили под сомнение его благополучный исход. Однако власти страны отказали видным большевикам в визе, поэтому их полномочия были срочно переданы болгарскому коммунисту Христо Кабакчиеву, который уже побывал в Италии в ноябре 1920 г. (док. 1). Зиновьев в связи с этим писал: «Сообщите самым спешным образом Кабакчиеву, что его мандат не отменен и что мы просим его обязательно выступить на съезде, [...] вся поддержка только фракции Бомбаччи и Бордига»¹¹.

Помимо этого, выбор данной кандидатуры обуславливался, по-видимому, еще и тем, что болгарские «тесняки» были наиболее близки русским большевикам «по своим политическим установкам и типу организации, они имели жесткую классовую концепцию политической борьбы и отличались доктринальной непримиримостью» [26]¹². Образовалась партия «тесняков» в 1903 г., отколовшись от болгарских социал-демократов и повторив в какой-то мере модель разрыва между большевиками и меньшевиками. Можно предположить, что были приняты во внимание и некоторые черты, сближавшие болгарских «тесняков» с итальянскими социалистами. Во время Первого мирового конфликта и те и другие выступили против империалистической войны и милитаристских устремлений своих правительств. Подобно отдельным немецким депутатам¹³ болгарские «тесные социалисты» в национальном парламенте также голосовали против военных кредитов, отмежевываясь от II Интернационала. Лидер болгарских «тесняков» Димитр Благоев¹⁴ тогда уже

¹⁰ Внимание к итальянской проблематике со стороны Исполкома Коминтерна к осени 1920 г. особенно возросло. Так, ИККИ на заседании 11 ноября 1920 г. принял «Воззвание к итальянским рабочим», реагирующее, как выразился Г.Е. Зиновьев, «на новое положение в Италии». Речь в нем шла прежде всего о «неудачном» по мнению В.И. Ленина и Исполкома Коминтерна, захвате фабрик в сентябре того же года, в котором обвинялись реформисты и серратянцы. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 19. Л. 13, 14; 16.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 513. Оп. 1. Д. 26. Л. 44.

¹² В процессе «большевизации» национальных секций КИ от «теснячества» пришлось отказаться. В 1933 г. Кабакчиев был обвинен в «идеализации теснячества, представлявшего собой правый уклон в партии». В 1935 г. он признал свои ошибки: «Коминтерн осудил меня за неправильную оценку теснячества и за нерешительный переход к большевизму». Несмотря на то, что он поддержал «разоблачение ошибок болгарской компартии», в марте 1938 г. его арестовали. Г. Димитровым были предприняты срочные меры по его освобождению, в частности, руководитель ИККИ писал в компетентные органы: «Кабакчиев никогда не был двурушником и врагом, это преданнейший друг и защитник Советской власти, убежденный сторонник политики Ленина и Сталина, никогда троцкистом не был». РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 195. Д. 2319. Л. 18–20, 62.

¹³ Речь идет о широко известном Карле Либкнехте и о менее известном депутате Отто Рюле, приехавшем в Советскую Россию и после изучения обстановки на месте разочаровавшемся в результатах Октябрьской революции, за что Г.Е. Зиновьев не преминул заклеить его, заявив с трибуны: «Рюле удрал». Цит. по: *Зиновьев Г.Е.* Второй конгресс КИ и его значение. Доклад на заседании Петроградского совета. Пг., 1920. С. 22. См. также [5. С. 37].

¹⁴ Благоев Димитр (1856–1924) – основатель Болгарской рабочей социал-демократической партии и Коммунистической партии Болгарии. Его дочь Стелла на протяжении многих лет возглавляла Персональную комиссию КИ, была весьма влиятельна при рассмотрении личных дел коминтерновцев во время Гражданской войны в Испании и сталинских репрессий. Другой известный представитель болгарских «тесняков» Георги Димитров (1882–1949) возглавлял Коминтерн с 1935 по 1943 г. [22].

выступал за учреждение нового Интернационала, составленного из организаций, которые были верны революционному социализму [30].

Итак, Кабакчиев был представителем одной из компартий «первого призыва», таких как германская, финская, австрийская, польская, украинская, белорусская, латвийская, литовская [14; 4; 6. С. 368–369; 2; 7; 23]. На правах более опытных товарищей коминтерновцы – выходцы из этих организаций – занимались подготовкой и проведением национальных учредительных съездов компартий в других странах в русле концепции распространения «мировой революции»¹⁵. Если пребывание Кабакчиева в Италии было ограничено рамками подготовки и проведения съезда, то во Франции в те годы на постоянной основе работал другой болгарский «тесняк», – Стоян Минев¹⁶. Местные коммунисты жаловались на него: «Боязлив, даже трусоват, малодушен, живет замкнуто в своей комнате и страдает манией преследования, видя во всех шпионов»¹⁷. Будучи эмиссаром Коминтерна, Минев сменил несколько псевдонимов, в Москве работал в аппарате Коминтерна как «Степанов», сделав карьеру от заместителя заведующего до руководителя Романским лендсекретариатом ИККИ, в его ведении находились Италия, Франция и другие страны¹⁸.

Одной из самых первых и боевитых стала венгерская компартия, которой удалось установить у себя в стране советское правительство. В Коминтерне подобный опыт считался весьма ценным, и такие коммунисты пользовались репутацией бывалых и решительных революционеров. Среди авторитетных коминтерновцев-венгров нужно назвать Бела Куна¹⁹, разработавшего «тактику провоцирования врага как средство раздувания революционного пожара» [17. С. 152]. Таким образом, наступательная тактика, которую обосновывал и Н.И. Бухарин в статье в декабрьском номере журнала «Коммунистический Интернационал» за 1921 г., была частью установок Коминтерна, разделявшихся представителями болгарского и венгерского коммунистического движения, работавшими в аппарате Коминтерна в Москве и выезжавшими в качестве эмиссаров в другие страны. Влиятельными фигурами были венгры Евген Варга²⁰ и Матьяш Ракоши²¹, тоже занимавшиеся Италией. Первый готовил для Исполкома Коминтерна аналитические записки и обзоры по итальянской экономике,

¹⁵ Коминтерн и идея мировой революции. Документы / отв. ред. Я.С. Драбкин. М., 1998.

¹⁶ Минев Стоян (1893–1959) – член левого крыла Болгарской социал-демократической партии («тесняков»), жил в эмиграции в Швейцарии, участник Циммервальского движения. Участвовал в работе II конгресса КИ в составе французской делегации под псевдонимом Лоренцо Ваннини. См. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. С. 242.

¹⁷ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. С. 237.

¹⁸ Когда руководителем Коминтерна стал Георги Димитров, Минев занял должность помощника по политическим вопросам в секретариате Д.З. Мануильского. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. С. 242.

¹⁹ Кун Бела (1886–1938) – в ноябре 1918 г. основал и возглавил ЦК компартии Венгрии. Министр иностранных дел в советском правительстве Венгерской республики в 1919 г. В 1920 г. назначен председателем революционного комитета Крыма, принимал участие в массовых казнях. В 1921 г. введен в Исполком КИ. В 1937 г. арестован, затем расстрелян [15. С. 71–90].

²⁰ Варга Евген (1879–1964) – народный комиссар финансов венгерского советского правительства, эмигрировал, работал в Коминтерне, руководил его Статистико-информационным институтом, находившимся в Берлине. Основатель научного института в Москве, ныне называющегося ИМЭМО РАН.

²¹ Ракоши Матьяш (1882–1971) – во время Первой мировой войны попал в русский плен и вступил в компартию. В марте 1919 г. вошел в советское правительство Б. Куна. После падения республики, вернувшись в Россию, выступил с докладом на II конгрессе КИ, работал в аппарате Коминтерна, в 1921 г. стал его секретарем. В 1945 г. вернулся в Венгрию и возглавил там компартию, позднее занимал должность премьер-министра страны [5. С. 36].

а второй принимал непосредственное участие в событиях, предшествовавших съезду в Ливорно, действуя, в отличие от Х. Кабакчиева, тайно (док. 1). Об участии М. Ракоши в «интригах» накануне съезда итальянских социалистов беспокойно сообщил один из них в письме из Вены, адресованном Дж. М. Сераати. Он отметил, прежде всего, неоднозначную репутацию венгерского деятеля²². Забегая вперед, скажу, что вскоре Ракоши вернулся в Италию в качестве представителя Коминтерна, однако при работе с итальянскими товарищами у него возникли немалые трудности²³.

Несмотря на то, что и болгарский политик был достаточно авторитетен²⁴, а Исполком Коминтерна наделил его всеми полномочиями, необходимо отдать ему должное, Х. Кабакчиев действовал по приезду в Италию осмотрительно, предвзвешенно проведя консультации с местными коллегами. Свидетельство об этом оставила сотрудница редакции туринского издания «*Ordine Nuovo*»²⁵ Пия Карена. Запись беседы с ней была сделана на магнитофонную пленку в 1967 г., болгарскую фамилию ей выговорить полностью не удалось, однако очевидно, что речь в ее воспоминаниях идет именно о Христо Кабакчиеве. П. Карена вспоминала: «Да, я была в редакции, когда к нам приходил Кабачев (так в тексте. — *Н.Т.*). Это было самое начало 1921 года. По приказу Интернационала он приехал в Турин и, конечно, сразу встретился с Грамши. Оба были очень умными людьми, поэтому между ними мгновенно возникло понимание и симпатия. Кабачев должен был произнести на съезде социалистов в Ливорно речь. Готовил он ее вместе с Грамши, можно сказать, они вместе ее писали, обсудив все в полном согласии. Кабачев говорил только по-французски, поэтому я была им полезна, помогала общаться»²⁶. Столь важное свидетельство, которое могло бы прояснить вопрос о том, насколько речь представителя Коминтерна на съезде в Ливорно соответствовала устремлениям местной фракции коммунистов и в какой мере была созвучна их концепции предсъездовской подготовки, было опубликовано в Италии лишь в 1987 г.

Примечательно, что объяснение случившегося на съезде в Ливорно воздействием некомпетентного внешнего вмешательства сохранилось до сих пор. Так, в конце 2020 г., накануне столетия ИКП в Италии вышло несколько привлекших

²² Один из гостей съезда в Ливорно, немецкий коммунист Пауль Леви возражал против широких полномочий, которые КИ предоставлял бывшим членам венгерского советского правительства, обвиняя их в склонности к путчизму: «Западная Европа [...] становится полигоном для всякого рода неудавшихся государственных деятелей». Цит. по [32. Р. 153].

²³ Между собой итальянские коммунисты называли М. Ракоши «Пингином» и давали нелицеприятные оценки ему как личности и как политику (*La formazione del gruppo dirigente del partito comunista italiano nel 1923–1924 / A cura di Togliatti P. Roma, 1962. P. 228–229*). Однако бывший венгерский нарком считался весьма опытным в том, что касалось итальянской проблематики, поэтому именно он стал автором небольшой книжки «Итальянский фашизм», вышедшей в Ленинграде в 1925 г.

²⁴ Коминтернът и България. Документи // Съст. Л. Ревякина, Л. Стоянов, В. Милачков, Р. П. Гришина, Н. С. Лебедева. София, 2005. Т. 1, 2.

²⁵ В мае 1919 г. группа молодых социалистов основала в Турине журнал «*Ordine Nuovo*». В состав редакции входил эмигрант, уроженец г. Лодзь А. Визнер, переведивший с русского языка большое количество материалов об Октябрьской революции и большевиках. По его совету издание было выбрано близким Ленину большевиком В. Деготем в качестве опорного для КИ во время поездки последнего в Италию осенью 1919 г. В ходе II конгресса Коминтерна В. И. Ленин «горячо поддерживал программу группы “*Ordine Nuovo*”, включив в проект тезисов, представленных им конгрессу, особый 17-й пункт, в котором говорилось, что “II конгресс III Интернационала находит в своей основе правильной ту критику этой партии (ИСП. — *Н.Т.*) и те практические предложения, которые изложены от имени Туринской секции в журнале “*Новый Порядок*” [...] от 8 мая 1920 г. и которые вполне соответствуют принципам III Интернационала». Цит. по [11. С. 94; 17. С. 126].

²⁶ Gramsci raccontato / A cura di Bermani C. Roma, 1987. P. 82.

внимание работ, посвященных «трагедии Ливорно», «разгрому в Ливорно», «проклятию Ливорно». Пресса откликнулась статьями и рецензиями, в них ответственность за случившееся прямо или косвенно возлагалась на «bulgago Kabakchiev», речь которого была слишком долгой и по тону обвинительной, спровоцировала стычки и конфликты среди участников исторического съезда (док. 2)²⁷.

В русскоязычной литературе в связи проблематикой, касающейся обстоятельств возникновения ИКП, имя Христо Кабакчиева было упомянуто в юбилейном сборнике, посвященном пятидесятилетию ее основания. Издание увидело свет в 1971 г., в него вошли доклады кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, руководящих деятелей ИКП, крупных советских специалистов по истории Италии, видных философов-марксистов из профильного института Академии наук СССР. Среди поздравительных пассажей, типичных для такого рода текстов советского периода по юбилейным случаям, одним из авторов было особо отмечено, что Коминтерн накануне раскола в Ливорно «имел полную информацию о положении в ИСП», поскольку в Италию «систематически посылались представители». Уточнялось также, что «записки и сообщения представителей ИККИ – Деготя²⁸, Кабакчиева, брошюру К. Никколини (Любарского)²⁹ о расколе Итальянской социалистической партии Ленин изучил самым внимательным образом» [3. С. 98; 24. С. 152–166]. Столь необычная точность при перечислении эмиссаров КИ, деятельность которых не афишировалась, а секретность подчеркивалась в постсоветский период нелицеприятным термином «агенты Коминтерна» [27], была вызвана тем, что в Италии из-под пера историка партии Паоло Сприано в 1967 г. вышел первый том фундаментального, многотомного труда «История ИКП». В нем впервые в издании, близком к партии, правильность линии Коминтерна в Ливорно подверглась сомнению [32. Р. 109]. Таким образом, к старому тезису социалистов, сформулированному еще осенью 1920 г., теперь присоединялась и ИКП, что, конечно, требовало не только парирования со стороны советского руководства, но и использования детальной аргументации.

Известно, что ИКП была создана позднее, чем французская компартия. На съезде в Туре от Исполкома Коминтерна выступала видная деятельница международного рабочего движения Клара Цеткин. Речь ее была весьма удачной, и раскол французских социалистов произошел большинством в пользу коммунистов, за что Исполком объявил ей благодарность. Ситуация у итальянских левых сложилась иначе, и Цеткин по этому поводу направила Ленину отчаянное письмо³⁰ [14. С. 222, 223; 5. С. 145], назвав итоги Ливорно «поражением» вслед за своим коллегой, бывшим на тот момент ее единомышленником, немецким коммунистом Паулем Леви,

²⁷ В январе 2021 г. в Италии была переиздана полная стенограмма XVII съезда ИСП. Предисловие к этому изданию написал Никола Дзингаретти, бывший на тот момент председателем Демократической партии Италии (PD), считающейся наследницей ИКП и ИСП. 1921. Resoconto di una scissione / A cura di Regoli P. Roma, 2021.

²⁸ Деготь Владимир Александрович (1889–1944) – подростком работал на фабрике, затем стал переплетчиком, примкнул к большевикам. В эмиграции – ученик В.И. Ленина, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева в парижской школе большевиков. Подробно о нем см. [17. С. 113–134; 12. С. 76–77].

²⁹ Любарский Николай (Ной) Маркович (1887–1938) – член РСДРП с 1905 г., директор русской библиотеки на Капри, затем эмиссар КИ в Италии (партийная кличка Карло Никколини), позднее советский посол в Монголии. В 1937 г. арестован, затем расстрелян. Подробнее о нем и об упомянутой брошюре см. исследование Я.В. Леонтьева [12. С. 63–67].

³⁰ Коминтерн и идея... С. 236–243.

присутствовавшим на съезде ИСП в Ливорно³¹. Вернувшись в Берлин, он опубликовал по этому поводу несколько критических статей в газете «Rote Fahne».

В РГАСПИ сохранился подробный ответ Христо Кабакчиева на эту критику, подготовленный им для публикации в газете «Правда» и озаглавленный «Раскол в Итальянской социалистической партии. Ответ тов. Паулю Леви по поводу его статей в “Роте Фане” от 23 января и 5–6 февраля»³². Болгарский коммунист начал текст с решительного возражения на критику немецкого участника съезда: «Тов. Пауль Леви недоволен расколом Итальянской соц. партии, произошедшим в Ливорно. Он обвиняет наших итальянских товарищей коммунистов и представителей Коммунистического Интернационала в Ливорно в том, что они своей “непримиримостью” к Серрати и его группе совершили большую тактическую ошибку, что нужно было употребить “ловкость” и “такт” с тем, чтобы привлечь если не всю группу Серрати, то хотя бы разделить ее и выиграть левую часть» (здесь и далее цитируется указанный выше документ. — *Н.Т.*).

Кабакчиев, конечно, был не согласен с Леви и отметил положительные итоги съезда в Ливорно, где «впервые за всю историю итальянской соцпартии развернулась большая принципиальная дискуссия, настолько полная, что привела к двум противоположным концепциям, коммунистической и оппортунистической, которые давно боролись между собой в партии». По его мнению, такая дискуссия была полезной, поскольку «дебаты подтвердили позицию, занятую итальянскими коммунистами и представителями Исполкома Комм. Интернационала, что доказывало неизбежность раскола».

Однако П. Леви считал, что исключение реформистов «неприемлемо в виде очевидного отсечения». На это Кабакчиев возразил: «Но именно за такое исключение в Ливорно была сама коммунистическая фракция и представители ИККИ, — Серрати и его группе противостоять непримиримо, вплоть до исключения». Он недоумевал, как можно было «исключить группу Турати, но при этом сделать уступки группе Серрати». Болгарский коммунист возмущался тем, что итальянскую комфракцию и представителей ИККИ обвинили в «недостаточной дипломатичности», что якобы нужно было «обхитрить группу Серрати и примирить таким образом противоположные позиции». Он атаковал своего критика: «Сам тов. П.Л. был в Ливорно, там у него состоялась двухчасовая встреча с Серрати. Что же он не договорился с ним? Во время съезда П.Л. прямо и полностью солидаризировался с нашей декларацией, с позицией Исполкома ИККИ, не предложив никакой новой конкретной формулы. У П.Л. не хватило смелости довести до логического конца свою мысль. [...] Не решается он сделать это и сегодня, собственную нерешительность прикрывая обвинениями в недостатке такта и умении разговаривать». Кабакчиев восклицал: «Где же она, эта волшебная спасительная формула, по которой можно было и реформистов исключить, и с серратистами не порвать?».

Болгарский коммунист обратил внимание на ответ Серрати В.И. Ленину, напечатанный в газете «Avanti!» 16 декабря 1920 г. накануне съезда. Главный редактор органа социалистов подчеркнул тогда свое несогласие с Лениным и с итальянскими «непримиримыми» в оценке исторического момента: «В Италии,

³¹ Леви Пауль (1983–1930) — социал-демократ, соратник Р. Люксембург, возглавлял компартию Германии с марта 1919 по февраль 1921 г. Подробнее о нем см. Ленинский сборник. XXXVI / под ред. Зевина В.Я., Обичкина Г.Д. М., 1959. С. 223; [5. С. 25–26]. Отчет, составленный П. Леви для ИККИ, был впервые опубликован на немецком языке в 2020 г. [27. S. 295–307].

³² РГАСПИ. Ф. 513. Оп. 1. Д. 34. Л. 153–157 (машинопись, болг.яз.).

за исключением эпизода в Анконе³³, нет и не было признаков восстания, захват фабрик не был общим революционным движением, а только широким и глубоким профсоюзным движением мирного характера, за исключением нескольких спорадических инцидентов». Борьба крестьян за захват земель, по мнению Серрати, тоже носила мирный характер, — «ни о каком истинно революционном восстании речи быть не может». И самое главное, Серрати тогда, в декабре, заявил, что не верит обещаниям о том, что «итальянская революция получит помощь от революций в Центральной Европе, в Англии, Франции и США».

Кабакчиев пришел к выводу о том, что речь шла об отказе «признавать приближающуюся революцию, работать на ее ускорение, подготавливать условия ее победы, фактически поддерживая реформистов, которые своей агитацией парализовали революционную акцию пролетариата и крестьян».

Болгарский коммунист напомнил, что когда Ф. Турати, выступая на съезде в Ливорно, заявил, что «реформизм есть единственно истинный и последовательный марксизм, что русская пролетарская революция и советская власть являются анархистскими экспериментами, которым западноевропейскому пролетариату следовать не нужно», то «не только правые, но и центр весьма горячо аплодировали Турати», — отметил болгарский политик. «В целом в течение всего съезда они проявляли полное единодушие, но это, однако, не произвело впечатления на Пауля Леви. В итоге вместо того, чтобы отсечь 14 тыс. реформистов, от партии откололось 58 тыс. коммунистов»³⁴.

В заключение своего ответа для газеты «Правда»³⁵ Кабакчиев подчеркнул: «Выход коммунистов из ИСП и образование компартии было при том положении не только единственным и неизбежным выходом для итальянских товарищей, но и актом большого исторического значения, т.к. была создана партия единая, сплоченная, централизованная, дисциплинированная, с ясным сознанием своих революционных задач и полная решимости вести работу по подготовке пролетарской революции и установлению пролетарской диктатуры в Италии».

Сто лет назад, выйдя под проливным дождем из театра Гольдони, итальянские коммунисты направились в театр Сан Марко, где провели свой учредительный съезд. Стенограммы его не существует, из прессы никто кроме журналистов «Ordine Nuovo» допущен не был. Известно, однако, что Христо Кабакчиева избрали в президиум съезда под шквал оваций, и он принял участие в разработке устава новой партии, пункт 3 которого гласил: «Пролетариат не может сокрушить капиталистическую систему, эксплуатирующую его, без насильственного свержения буржуазной власти» [28].

Проявив себя в Италии принципиальным и последовательным проводником решений КИ, Кабакчиев, однако, спустя два года столкнулся на родине с политическим кризисом, и в результате занятой им как руководителем БКП

³³ Анкона — итальянский порт на Адриатическом море, сыгравший значительную роль во время Первой мировой войны. Имел репутацию бунтарского города, в котором были сильны позиции анархистов, социалистов и республиканцев. В июне 1920 г. по причине вспыхнувшей в Албании эпидемии малярии расквартированный в Анконе полк берсальеров отказался выполнять приказ и следовать морем в Валону для поддержки итальянского экспедиционного корпуса. Население города поддержало берсальеров. На подавление восстания и разбор баррикад были брошены войска, в порт направлено военное судно, в результате 26 человек были убиты, около сотни ранены.

³⁴ Примечательно, что Х. Кабакчиев не пригласили на состоявшийся вскоре после учреждения ИКП III конгресс КИ, где «итальянскому вопросу» было уделено большое внимание [11. С. 96, 97].

³⁵ Найти его среди опубликованных материалов пока не удалось.

позиции сам стал оппонентом по отношению к ИККИ. 9 июня 1923 г. в Болгарии произошел государственный переворот. В связи с этим сначала И.В. Сталин отметил «неправильную» политическую линию ЦК БКП, затем в письме Г.Е. Зиновьева от 2 июля 1923 г. было указано на грубейшую ошибку болгарских коммунистов. Однако Х. Кабакчиев продолжал отстаивать свою позицию³⁶, в связи с этим 28 июля один из зарубежных представителей КИ писал в Москву: «Товарищи, с болгарской коммунистической партией дела у нас, по-видимому, очень плохи. ЦК упорствует на своей оппортунистической позиции [...], это послужит вредным примером для других партий. [...] Теперь ясно, что руководство ЦК, главным образом т. Кабакчиев [...], а за ним и остальные держат курс на создание лишь парламентской оппозиции [...], фактически отказываясь от захвата власти. Вопрос о захвате власти игнорируется под разными предлогами. Больше того, теперь они выступили с открытой оппозицией Коминтерну. 10 июля в “Рабочем вестнике”³⁷ открыто говорится, что позиция Коминтерна в отношении поведения партии неверна и основана на неправильной информации»³⁸. Эмиссар Коминтерна предлагал: «В Болгарии ЦК надо переменить. Но это будет сделать очень трудно. [...] Кабакчиева надо вызвать в Москву – пусть работает в комиссии по выработке программы. В Болгарии сейчас он пользу не принесёт. Даже наоборот»³⁹. Однако отозвать руководителя болгарских коммунистов не успели, так как он был в те дни арестован местными властями. Можно предположить, что наученный итальянским опытом, в болгарских делах Кабакчиев старался проявлять большую гибкость. Примечательно, что, подобно Серрати, с которым он полемизировал двумя годами ранее, Кабакчиев в качестве объяснения разногласий БКП с Коминтерном также прибегал к доводу о недостаточно корректной информации, якобы поступающей в «штаб мировой революции».

Находясь в эмиграции в СССР, Кабакчиев опубликовал несколько своих работ. Доклад «Международное положение и военная опасность» был издан Вятским горсоветом в 1927 г. На первой странице над его портретом помещено приветствие «Наш подшефник на свободе!». Ниже, под портретом сообщается: «Т. Христо Кабакчиев, руководитель революционных рабочих и крестьян Болгарии, подшефник вятской организации Мопр, почетный красноармеец вятского гарнизона и почетный член вятского горсовета, освобожденный из капиталистической тюрьмы по требованию революционных масс, и посетивший Вятку 1–5 июля 1927 г.»⁴⁰. На следующий год в серии «За решеткой» вышли его воспоминания «Пережитое». Доступно и доходчиво написана брошюра «Как возник и развивался

³⁶ Коминтернът и България. С. 88, 89, 91.

³⁷ Х. Кабакчиев с 1910 по 1923 гг. был главным редактором центрального органа партии «Рабочески вестник».

³⁸ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х годов) / Под ред. Гришиной Р.П. М. 2000. Ч. 1. С. 81–83.

³⁹ Коминтернът и България... С. 95; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 47. Л. 119.

⁴⁰ В РГАСПИ хранится письмо, которое бойцы этого караульного гарнизона написали Х. Кабакчиеву, приглашая его на четырехлетие формирования их подразделения: «В день праздника мы отмечаем ряд достижений в нашей работе и учебе. Мы и в дальнейшем будем зорко охранять вверенный нам преступный элемент, из наших рук за четыре года ни один преступник не вырвался. [...] Но на этом мы не останавливаемся, ибо знаем, что буржуазия ростом и достижениями нашего Союза не довольна. Мы еще больше и лучше станем вникать в изучение военного и политического дела. Наши красноармейцы и комполитсостав дадут отпор всем паразитам, стремящимся напасть на наш СССР». РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 195. Д. 2319. Л. 284.

Коммунистический Интернационал» (1929 г.)⁴¹. Интерес представляет также его «Коммунистические партии балканских стран» (1930 г.) в соавторстве. Однако ни в одной из них он не упоминает о своем участии в съезде в Ливорно в январе 1921 г. Лишь несколько строк в личном деле сообщают о его деятельности в те годы: «На рыбацкой лодке пересек тов. Кабакчиев в 1920 г. Черное море, чтобы присутствовать на II конгрессе КИ в качестве делегата от КПБ. На этом конгрессе он выступал с докладом об уставе КИ. В январе 1921 г. тов. Кабакчиев как представитель КИ выступил на съезде итальянской социалистической партии в Ливорно, где произошел раскол, и участвовал при основании компартии Италии»⁴².

Приложение

Док. 1.

Письмо Х. Кабакчиева из Милана в ИККИ, 3 ноября 1920 г.

Дорогой Ваня,

Посетил страну цветов, песен и любви, прекрасную Италию, которая должна стать и скоро станет страной победоносной пролетарской революции. Кроме Милана, откуда пишу, был несколько дней в Турине, в сердце нашего движения в Италии. Виделся со всеми видными деятелями, как левицы, так и центра. Пишу свои впечатления, чтобы ты сообщил их, где нужно. Карло⁴³ изрично⁴⁴ просил меня сделать это.

С Серрати, как видно, никакое споразумение⁴⁵ невозможно. Он сильно эгоцентрирован и теперь проявляет свою подлинную физиономию, — ограниченного мелкобуржуазного политика. Он себе делает иллюзию, что опубликовав письма Исполкома и последние два письма Зиновьева⁴⁶, — он обещал опубликовать эти документы — итальянский пролетариат возмутится против поведения Исполкома и русских товарищей. В сущности, все товарищи убеждают меня в противоположном, и я убежден, что опубликование писем будет началом конца влияния Серрати. Впрочем, он и публикует не потому, что желает, а потому что он принужден сделать это. Он старается затуманить свое отступничество конфузией, являющейся еще опаснее, чем агитация центристов. Но коммунистическая левица во главе с туринским «Аванти!» решила безвозвратно, самым беспощадным образом атаковать и полностью демаскировать политику Серрати. Мои впечатления таковы, что левице это удастся полностью, насколько бы влияния Серрати до сего времени не было бы большое, и, несмотря на значительные трудности, которые нужно преодолеть. Кампания против усилий Серрати образовать центр уже начата с успехом. В сущности, отметая фразеологию, с которой Серрати туманит политику центристов, последняя полностью плывет в водах правицы. И правда, мне пришлось

⁴¹ Х. Кабакчиев имел возможность проявить себя на педагогическом поприще. В его личном деле сохранились ведомости с проставленными им оценками слушателям Марксистско-ленинской школы при КИ (МЛШ), где он преподавал в 1928 г. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 195. Д. 2319. Л. 303.

⁴² Стилистические особенности документа сохранены. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 195. Д. 2319. Л. 7.

⁴³ Карло — одна из партийных кличек Н.М. Любарского. О нем см. в сноске 28.

⁴⁴ Изрично (болг.) — категорически, специально, особенно.

⁴⁵ Споразумение (болг.) — соглашение.

⁴⁶ Письма Г.Е. Зиновьева и ИККИ в адрес членов ИСП были опубликованы в газете «Аванти!».

непосредственно констатировать, что Серрати является пленником Д'Арагоны⁴⁷ и других оппортунистов, которые схватили его за обе руки. Буржуазия также делает открытые комплименты Серрати.

Настроение и все положение итальянского пролетариата благоприятно для политики коммунистической левицы, успехи партии достигнуты лозунгами Русской революции. Имена вождей последней на устах у всех, возгласы «Да здравствует Ленин!» можно слышать и читать на каждом шагу, на всех предвыборных афишах (в коммунальные советы) красуется герб Советской республики. Вообще все движение находится под знаком Русской революции и ее лозунгов. Теперь коммунистической левице предстоит разъяснить массам, что коммунистический интернационал является международным выражением⁴⁸ принципов и тактики русской революции и кауза⁴⁹ коммунистич.[-еского] интернационала окончательно выиграет. Надеюсь, что им удастся сделать это легко. Серрати и центровки вообще должны быть демаскированы как враги РУССКО-ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ [здесь и далее выделено в тексте. — *Н.Т.*], тогда с ними будет покончено. Для этой цели коммунистическая левица ждет одно обширное и энергичное письмо от Тов. Ленина. Если бы могли прислать его поскорее, оно сыграет колоссальную роль.

С другой стороны, для декабрьского⁵⁰ съезда партии нужно обязательно послать двух представителей. Один официальный, с разрешением, другой неведомыми, но верными путями, которых знаем. Если первому будет отказано, второй непременно должен прибыть, и здесь пролетариат сумеет уберечь его, и он сможет принять участие (в съезде. — *Н.Т.*) открыто, а потом исчезнуть.

Коммунистическое большинство дирекции партии ненадежно, так как Дженнари⁵¹ человек действительно с хорошими намерениями, но без воли. Это большинство может быть сохранено и подталкиваемо вперед только давлением масс. Если коммунистическая левица успеет быстро приобрести их на свою сторону и через них оказывать решительное давление на дирекцию партии. Так понимают положение лучшие из товарищей левицы.

Туринское движение великолепно. Я выступал на одном большом собрании металлистов в городском театре. Здесь Коминтерн и Балканская коммунистическая партия были горячо акламированы⁵². В Турине имеется 120.000 организованных

⁴⁷ Д'Арагона Лудовико (1876–1961) — влиятельный итальянский социалист, депутат парламента, возглавлял Всеобщую конфедерацию труда. Был приглашен на II конгресс КИ. Вернулся в Италию в разгар кризиса, связанного с захватом фабрик, принимал активное участие в его разрешении в ходе консультаций с правительством и совместных заседаний с руководством ИСП. См. подробнее [31].

⁴⁸ Так в тексте. Вероятно, автор соединил болг. «израз» и русск. «выражение».

⁴⁹ Causa (итал.) — здесь употреблено в значении «дело».

⁵⁰ Первоначально планировалось, что съезд ИСП пройдет в декабре 1920 г. во Флоренции, но из-за нападений фашистов его пришлось перенести на январь 1921 г.

⁵¹ Дженнари Эджидио (1876–1942) — секретарь ИСП, член фракции коммунистов, один из основателей ИКП. После III конгресса КИ летом 1921 г. введен в состав Малого бюро ИККИ (с августа — в Президиуме) вместе с Г. Зиновьевым, Н. Бухариным, К. Радеком, Б. Куном. Как и последние двое, был назначен членом постоянной комиссии агитационно-пропагандистского отдела. В том же году вместе с М. Ракоши входил в комиссию по вопросу о международном займе. В 1922 г. — вновь член Исполкома КИ, с декабря — член Бюджетной комиссии вместе с А. Грамши. С января 1923 г. — референт по Италии в ИККИ. После V конгресса КИ (до середины 30-х годов) вместе с Х. Кабакчиевым входил в Интернациональную контрольную комиссию. С 1927 г. — в Романском (Латинском) лэндсекретариате ИККИ [1. С. 38, 41, 57, 78, 83, 101, 185].

⁵² Acclamare (итал.) — приветствовать громкими возгласами, восхвалять.

рабочих⁵³. Город является чисто пролетарским и полностью закреплен за коммунизмом, проделана также большая нелегальная подготовка туринаского пролетариата. Турино будет играть первую руководящую роль в будущих событиях. Буржуазия понимает это и также стянула большие военные силы в Турине. Возможно, что попытается посредством провокаций утопить в крови сердце итальянского коммунистического движения. Но левица осознает эту опасность и обещает действовать организованно, предотвращать сепаратные⁵⁴ выступления, ведущие к погромам, чтобы тем вернее продолжать подготавливать близкое и общее решительное действие.

Но из-за ошибок и нерешительности большинства дирекции (ИСП. — Н.Т.) миланская «Аванти!» осталась в руках Серрати. Думаю, что Исполком после того, как немедленно даст нужные наставления коммунист. [-ической] левице, должен будет также обратиться прямо к дирекции партии и **ТОВАРИЩЕСКИМ ОБРАЗОМ** обратить все внимание, что она должна отнять партийные органы из рук центровиков и реформистов, в противном случае она фактически действует против 21 условия, становится орудием серратистов и одинаково с ними несет ответственность. В этом смысле я говорил и тов. Дженнари, и так сделайте все возможное, чтобы нашим итальянским товарищам была оказана широчайшая моральная и материальная поддержка. Привет Зиновьеву и другим.

Твой Христо.

РГАСПИ. Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 15–16. (автограф, русск.яз.)

Док. 2

«Речь Кабакчиева»

Репортаж о втором дне работы XVII съезда ИСП, опубликованный в газете «Corriere della Sera» 17 января 1921 г.⁵⁵

Председатель предоставляет слово присутствующему в зале болгарскому коммунисту Кабакчиеву, приехавшему с мандатом представителя Исполнительного комитета Третьего Интернационала. Все делегаты от разных фракций встают, долго и горячо аплодируя ему. Кабакчиев начинает говорить по-французски о том, как на Балканах происходит становление коммунистических партий⁵⁶. Он рассказывает, что повсюду — в Болгарии, в Румынии, в Греции, в Югославии деятельность коммунистических партий настолько активна, что вызывает беспокойство у буржуазных правительств, которые яростно препятствуют ей. После этого выступления, оратор предупреждает, что написал подробную речь и собирается ее представить собравшимся с тем, чтобы наиболее точно изложить замысел и концепцию Коммунистического Интернационала. Нетрудно понять, к чему он клонит: Италия входит в число победителей⁵⁷, но, несмотря на это, страну сотрясает «глубокий

⁵³ Турин — крупный промышленный центр на севере Италии, столица региона Пьемонт. Первые автомобильные фабрики появились там в конце XIX — начале XX в., среди них — знаменитые ФИАТ и Альфа-Ромео. Во время Первой мировой войны владельцы металлургических и автомобильных производств получили значительные прибыли от госконтрактов на поставку продукции военного назначения [29].

⁵⁴ Здесь употреблено в значении «отдельные, неорганизованные».

⁵⁵ Архив оцифрованных номеров газеты «Corriere della Sera»: <https://archivio.corriere.it>. Дата последнего обращения 1.03.2021.

⁵⁶ В январе 1920 г. была образована Балканская коммунистическая федерация.

⁵⁷ Имеются в виду победители в Первой мировой войне. См. подробнее [14. С. 200].

экономико-финансовый кризис, приведший к революционной ситуации, которой настоящие коммунисты должны воспользоваться без промедления».

Читает он монотонно, к тому же огромное количество участников съезда не понимает по-французски, поэтому вскоре речь его прерывается шумом и комментариями с мест. Председателю заседания и секретарю партии Дженнари не удается убедить не мешать выступающему и слушать молча речь болгарского коммуниста. Никто уже больше его не слушает, он говорит сам собой. Наконец и Кабакчиев это замечает и, обратившись к президиуму, заявляет, что отказывается далее читать свой доклад, а так как перевод текста на итальянский язык был уже сделан заранее, депутат Мизиано⁵⁸ сможет зачитать его.

В основном смысл речи заключается в полемике с Серрати, который якобы считает, что в Италии и вообще на Западе нет налицо революционной ситуации. Это утверждение вызывает гневную реакцию части публики, многие начинают аплодировать, чтобы заглушить оратора, другие кричат «Да здравствует Серрати!», раздаются призывы «Хватит!», «Что за запугивание!». Председательствующий постоянно звонит в колокольчик, призывает успокоиться, проявить уважение к представителю Третьего Интернационала. Несмотря на то, что волнения и шум в зале продолжают, председатель обращается к Мизиано: «Продолжай, притворись, что говоришь, двигай руками, открывай рот, и они скоро устанут». Так и вышло, — делегаты утомились, притихли, и Мизиано пытается закончить чтение речи Кабакчиева. Однако, когда он опять обвиняет Серрати в том, что тот не признает ситуацию в Италии «революционной и тем самым переходит на почву реформистов», опять случается взрыв — теперь живейшего одобрения со стороны «непримиримых» и криков протеста со стороны остальных, которые изыскивают все способы, чтобы выразить свою солидарность с главным редактором «Аванти!». Тогда Серрати встает со своего места и направляется к сцене, по пути толпа делегатов хватает его за руки и пытается пожать их в знак солидарности и поддержки. Его обнимают, чувствуют. В это время инж. Бордига кричит сторонникам Серрати, что они устроили *claque*⁵⁹ и требует прекратить показуху. В его поддержку раздаются крики тех, кто выступает за раскол, они носят отнюдь не парламентский характер, а затем эта часть делегатов начинает во весь голос петь «Интернационал». Остальные его подхватывают, и таким образом устанавливается некоторый, хотя и временный, порядок. После этого Мизиано возобновляет чтение текста болгарского коммуниста, и опять там речь идет о Серрати, которого оратор саркастически благодарит за «искренность», затем вновь обвиняет в переходе на сторону реформистов. Понятно, что делегаты и на этот раз не согласны и вновь начинают возмущаться.

Затем в речи появляются обвинения в адрес Конфедерации труда Италии⁶⁰. По мнению автора выступления, ее вина состояла в том, что во время недавних

⁵⁸ Мизиано Франческо (1884–1936) — член ИСП с 1907 г., депутат итальянского парламента с 1919 г. Один из основателей компартии Италии, избран в первое политбюро ЦК наряду с А. Бордигой, Н. Бомбаччи, Л. Репосси, У. Террачини, Р. Гриеко и Б. Фортикьяри. Именно он предложил включить в повестку дня съезда в Ливорно пункт «Направления деятельности партии и отношения с Интернационалом» [18. С. 136].

⁵⁹ *Claque* (фр.) — клака в театре — люди, нанятые для аплодирования артистам или освистывания их, чтобы создать впечатление успеха или провала спектакля

⁶⁰ Конфедерация труда Италии — Всеобщая конфедерация труда (CGdL) — крупнейшая профсоюзная организация, образована в 1906 г. в Милане, объединяла 80 палат труда по всей стране. К 1920 г. насчитывала 2 100 000 членов. С марта 1919 г. лидеры и представительства Конфедерации подвергались нападениям со стороны членов фашистского движения.

волнений⁶¹ она отказалась передать управление ситуацией руководству соцпартии. На это Д'Арагона, сидящий в зале рядом с Турати, восклицает: «Ложь!». Сам Серрати, находящийся в президиуме, громко удивляется: «Не было такого!». Тогда сидящий рядом с ним Дженнари тоже вскрикивает: «Нет, именно так все и было! И мы это докажем». Между Серрати и Дженнари завязывается оживленная перепалка, к ним присоединяется группа делегатов, выступающих за раскол, их возглавляет инж. Бордига, активно выступают также депутат Бомбаччи и учительница Рита Майеротти. Они кричат: «Дженнари прав!». Серрати, вытянувшись вверх и подняв высоко голову, кричит в их сторону: «Буффоне!⁶²». Председательствующий тем временем начинает что-то выяснять с теми, кто сидит в зале. И тут слово просит посланец Коминтерна, который до сих пор слушал и наблюдал за этими эмоциональными дебатами молча и с относительным спокойствием. Он спрашивает по-французски: «Вы хотите дослушать представителя Интернационала или нет?». В ответ шум только усиливается, а перепалки становятся еще оживленней. Председатель вынужден заявить: «Если столь недостойное поведение будет продолжаться, президиум покинет собрание!». Кабакчиев со своей стороны настоятельно просит выслушать все-таки до конца его речь. Серрати поднимается на трибуну и просит о том же, но на него с негодованием обрушиваются делегаты-сецессионисты (выступающие за раскол. — *Н.Т.*), на них в свою очередь реагируют те, кто выступают за единство социалистической партии. Серрати напоминает о том, что ИСП примкнула к Коминтерну в полном составе⁶³, и поэтому он все-таки имеет право высказать свое мнение, даже если оно обидное для кого-то из присутствующих. Он заявляет: «В этой речи содержатся оценки, с которыми мы, возможно, не согласны, но давайте привыкать к такой форме высказываний, хоть она и грубая, мы, тем не менее, будем дискутировать и докажем, что мы правы».

И опять Мизиано возобновляет чтение текста, подготовленного Кабакчиевым, и опять перечисляются претензии к Серрати. Теперь он обвиняется в том, что готов пожертвовать одним-двумя реформистами с тем, чтобы спасти реформизм как течение, а в остальном же Серрати почти по всем вопросам стоит на противоположной от Коммунистического Интернационала позиции. Серрати, по мнению оратора, выступал против революционных действий со стороны крестьян во время захватов земель и со стороны рабочих, когда «они занимали фабрики». И все это потому, что он является «на самом деле противником мировой революции» (*взрыв возмущения в зале*). Мизиано продолжает читать: «Серрати придерживается реформистских позиций повсюду — во внутренней и во внешней политике, он такой же оппортунист, как и руководство Конфедерации Труда, которое постоянно откладывают созыв своего съезда, зная, что пролетариат уже выступает против их политики». Далее в речи указывается на то, что хотя они и коммунисты, те, кто выступает за сохранение единства соцпартии, но на самом деле они стоят на позициях, противоположных Коммунистическому Интернационалу. Борьба против реформизма составляет первейший долг для тех, кто примыкают к нему. Кто не согласен с этим, тот на деле лишь притворяется, являясь фальшивым другом, а на самом деле «лицемером» по отношению к Советской России (*взрыв возмущения в зале*). Но оратор продолжает: «Сегодня в Италии страшнейшие враги мировой революции — центристы, а к их числу КИ уже отнес и коммунистов, выступающих за сохранения единства левых сил. Центристы — основная поддержка буржуазии и, хотя

⁶¹ Речь идет о масштабном занятии фабрик в сентябре 1920 г. [31; 10].

⁶² Buffone (итал.) — шут, несерьезный человек.

⁶³ Известно, что ИСП присоединилась к КИ одной из первых еще в марте 1919 г. [14. С. 203].

Серрати это отрицает, такие коммунисты-объединенцы именно эту функцию и выполняют. Ясно, что в критической ситуации итальянские центристы поведут себя так же, как и немецкие, — они предадут революцию!» Тут уж вспыхивает всеобщее возмущение, повсюду раздаются громкие возгласы. После нескольких минут, все немного успокаиваются, и Мизиано вновь принимается читать прозу Кабакчиева. Опять там повторяется мысль о том, что партия должна исключить реформистов, а коммунисты-унитарии могут выбирать, «однако времени для дальнейших сомнений нет, куда идти налево или направо». Наконец, спустя три часа чтение доклада Кабакчиева было дослушано делегатами до конца.

Карло Сильвестри

Архив оцифрованных номеров газеты «Corriere della Sera»:
<https://archivio.corriere.it> (умал.яз.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БКП – Болгарская коммунистическая партия.
ИККИ, Исполком КИ – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала.
ИКП – Итальянская коммунистическая партия.
ИСП – Итальянская социалистическая партия.
КИ, Коминтерн – Коммунистический Интернационал (Третий Интернационал).
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.
Мопр – Международная организация помощи борцам революции.
Политбюро – Политическое бюро.
СССР – Союз Советских социалистических республик.
ЦК – Центральный комитет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Зиновьев Г.Е. Второй конгресс КИ и его значение. Доклад на заседании Петроградского совета. Пг., 1920.
История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2002.
Ленинский сборник XXXVI / Под ред. Зевина В.Я., Обичкина Г.Д. М., 1959.
Коминтерн и идея мировой революции. Документы / отв. ред. Я.С. Драбкин. М., 1998.
Коминтерн и Финляндия. 1919–1943: Документы / под ред. Н.С. Лебедевой, К. Рентолы, М. Саарелы. М., 2003.
Коминтернът и България. Документи / съст. Л. Ревякина, Л. Стоянов, В. Милачков, Р.П. Гришина, Н.С. Лебедева. София, 2005. Т. 1–2.
Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х годов) / под ред. Гришиной Р.П. М. 2000. Ч. 1.
Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 1. Д. 19; Оп. 19. Д. 47; Оп. 195. Д. 2319. Ф. 513. Оп. 1. Д. 6, 26, 34.
1921. Resoconto di una scissione / A cura di Regoli P. Roma, 2021.
Gramsci raccontato / A cura di Bermanni C. Roma, 1987.
La formazione del gruppo dirigente del partito comunista italiano nel 1923–1924 / A cura di Togliatti P. Roma, 1962.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997.
2. Баканов А. Документы Коммунистической партии Западной Украины в РГАСПИ (по материалам архива КПЗУ и личных дел) // Время Коминтерна / научн. ред. О.С. Поршнева; сост. Е.Н. Струкова, К.Б. Харитонов. М., 2020.
3. Боевой авангард трудящихся Италии. 50 лет Итальянской коммунистической партии / сост. С.И. Дорофеев, Ю.Н. Панков. М., 1971.

4. *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2008.
5. *Ватлин А.Ю.* Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М., 2019.
6. *Войтиков С.С.* Центральный комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущева. М., 2019.
7. *Зазерская Т.* Судьбы руководителей Латвийской секции Коминтерна // *Время Коминтерна / научн. ред. О.С. Поршнева; сост. Е.Н. Струкова, К.Б. Харитонов.* М., 2020.
8. *Кабакчиев Х.Д.* Благоев и болгарские тесняки // *Историк-марксист.* 1935. Т. 10.
9. *Кабакчиев Х.* Партия тесных социалистов, революция в России и Циммервальдское движение // *Октябрьская революция и зарубежные славянские народы / под ред. Манусевича А.Я. М., 1957.*
10. *Кобылянский К.В.* Великий Октябрь и революционное движение в Италии. М., 1968.
11. *Кобылянский К.В. В.И. Ленин и итальянское рабочее движение // Вопросы истории КПСС.* № 1. 1971.
12. *Леонтьев Я.В.* Группа «русских большевиков» в Италии и эмиссары Коминтерна (1917–1922) // *Русские в Италии: культурное наследие эмиграции / сост. и научн. ред. М.Г. Талалай.* М., 2006.
13. *Лисовский П.А.* Итальянская компартия и Коминтерн (1921–1929) // *Италия и Европа.* М., 1990. Ч. 2.
14. *Любин В.П.* Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники 1892–2006. М., 2007.
15. *Любин В.П.* Гражданская война и красный террор в Крыму // *Революция и Гражданская война в России: Современная историография / отв. ред. Любин В.П., ред.-сост. Минц М.М. М., 2018.*
16. *Любин В.П.* Раскол итальянских левых и полемика с Коминтерном 1921–1922 гг. // *Время Коминтерна / научн. ред. О.С. Поршнева; сост. Е.Н. Струкова, К.Б. Харитонов.* М., 2020.
17. *Пантелеев М.* Агенты Коминтерна. Солдаты мировой революции. М., 2005.
18. *Пьерони Бортолотти Ф.* Франческо Мизиано. Жизнь интернационалиста. М., 1981.
19. *Терехова Н.Г.* «Помешать отравлению сознания рабочих Италии». Письма руководителей итальянской секции Коминтерна в Москву. 1923–1924 гг. // *Исторический архив.* 2019. № 3.
20. *Терехова Н.Г.* Итальянская секция Коминтерна, Сталин и «русский вопрос» // *Новая и новейшая история.* 2020. № 5.
21. *Троцкий Л., Кабакчиев Х.* Очерки политической Болгарии. М.; Пг., 1923.
22. *Хаджениколов В., Мичев Д., Панайотов Л., Радинкова П.* Георгий Димитров. Биографический очерк. М., 1973.
23. *Червонная С.* Кривоникольский, 8 — дом польско-литовской секции Коминтерна в Москве // *Время Коминтерна / научн. ред. О.С. Поршнева; сост. Е.Н. Струкова, К.Б. Харитонов.* М., 2020.
24. *Яхимович З.П.* Борьба В.И. Ленина против оппортунизма в итальянском социалистическом движении за создание Коммунистической партии // *Научные доклады высшей школы. Исторические науки.* 1960. № 2.
25. *Яхимович З.П.* Концепция демократии и социализма Филиппо Турати // *Комолова Н.П., Дамье В.В., под ред. Левые в Европе XX века: люди и идеи.* М., 2001.
26. *Agosti A.* Storia della sinistra europea. Roma, 2000.
27. *Levi Paul.* Ohne einen Tropfen Lakaienblut. Schriften, Reden, Briefe. Spartakus 3: Das Ende des Linkssozialismus in der Kommunistischen Internationale, 1920/21. Berlin, 2020.
28. *Mauro E.* La dannazione. 1921. La sinistra divisa all'alba del fascismo. Milano, 2020.
29. *Castronovo V.* Giovanni Agnelli. La Fiat dal 1899 al 1945. Torino, 1977.
30. *Rothschild J.* The Communist Party of Bulgaria. Origins and Development (1883–1936). New York, 1959.
31. *Spriano P.* L'occupazione delle fabbriche. Settembre 1920. Torino, 1964.
32. *Spriano P.* Storia del partito comunista italiano. Torino, 1967. V. 1.

REFERENCES

- Adibekov G.M., Shakhnazarova E.N., Shirinja K.K. *Organizatsionnaja struktura Kominterna, 1919–1943.* Moskva, 1997. (In Russ.)
- Agosti A. *Storia della sinistra europea.* Roma, 2000.
- Bakanov A. *Dokumenty Kommunisticheskoy partii Zapadnoy Ukrainy v RGASPI (po materialam archiva KPZU i lichnykh del).* Vremja Kominterna. Nauch. red. O.S. Porshneva, sost. E.N. Strukova, K.B. Kharitonov. Moskva, 2020. (In Russ.)

- Boevoj avangard trudjascshikhsja Italii. 50 let Italjanskoj Kommunisticheskoj partii. Sost. S.I. Dorofeev, Y.N. Pankov. Moskva, 1971. (In Russ.)
- Castronovo V. *Giovanni Agnelli. La Fiat dal 1899 al 1945*. Torino, 1977.
- Chervonnaja S. *Krivotnikolskij 8 – dom pol'sko-litovskoj sekcii Kominterna v Mosckve*. Vremja Kominterna. Nauch. red. O.S. Porshneva, sost. E.N. Strukova, K.B. Kharitonov. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Jakhimovich Z.P. *Bor'ba V.I. Lenina protiv opportunistima v italianskom sotsialisticheskom dvizhenii za sozdanie Kommunisticheskoj partii // Nauchnye doklady vysshej shkoly. Istoricheskie nauki*. 1960. № 2. (In Russ.)
- Jakhimovich Z.P. *Kontseptsia demokratii i sotsializma Filippo Turati*. Red. Komolova N.P., Damie V.V. Levye v Evrope XX veka: ljudi i idej. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Kabakchiev Kh. Blagoev i bolgarskije tesnjaki. *Istorič-marksist*, 1935, v. 10. (In Russ.)
- Kabakchiev Kh. Partija tesnykh sotsialistov, revolutsija v Rossii i Zimmervaldskoe dvizhenije. *Oktjabr'skaja revolutsija i zarubežnye slavjanskije narody*. Red. Manusevich A. Ja. Moskva, 1957. (In Russ.)
- Khadzhinikolov V., Michev D., Panajotov L., Radinkova P. *Georgy Dimitrov. Biograficheskij ocherk*. Moskva, 1973. (In Russ.)
- Kobylyanskij K.V. *Velikij Oktjabr' i revolutsionnoe dvizhenije v Italii*. Moscow, 1968. (In Russ.)
- Kobylyanskij K.V. V.I. Lenin i italijanskoe rabochee dvizhenije. *Voprosy istorii KPSS*, no 1, 1971. (In Russ.)
- Leontjev Ja.V. Gruppa «russkikh bolscevikov» v Italii i emissary Kominterna (1917–1922). *Russkije v Italii: kul'turnoe nasledije emigratsii*, nauch. red. i sost. M.G. Talalay, Moskva, 2006. (In Russ.)
- Lisovskij P.A. Italijskaja kompartia i Komintern (1921–1929). *Italia i Evropa*. Moskva, 1990, ch. 2. (In Russ.)
- Levi Paul. *Ohne einen Tropfen Lakaenblut. Schriften, Reden, Briefe. Spartakus 3: Das Ende des Linkssozialismus in der Kommunistischen Internationale, 1920/21*, Berlin, 2020.
- Ljubin V.P. *Sotsialisty v istorii Italii. ISP i ee nasledniki 1892–2006*. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Ljubin V.P. Grazhdanskaja vojna i krasnyj terror v Krymu. *Revolutsija i Grazhdanskaja vojna v Rossii: Sovremennaja istoriografija*, otv. red. Ljubin V.P., red.-sost. Mints M.M. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Ljubin V.P. Raskol italjanskikh levjykh i polemika s Kominternom 1921–1922. *Vremja Kominterna*, nauch. red. O.S. Porshneva, sost. E.N. Strukova, K.B. Kharitonov. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Mauro E. *La dannazione. 1921. La sinistra divisa all'alba del fascismo*. Milano, 2020.
- Pantelev M. *Agenty Kominterna. Soldaty mirovoj revoluzii*. Moscow, 2005. (In Russ.)
- Pieron Bertolotti F. *Francesco Misiano. Žizn' internatsionalista*. Moskva, 1981. (In Russ.)
- Rothschild J. *The Communist Party of Bulgaria. Origins and Development (1883–1936)*. New York, 1959.
- Spriano P. *L'occupazione delle fabbriche. Settembre 1920*. Torino, 1964.
- Spriano P. *Storia del partito comunista italiano*. Torino, 1967, v.1.
- Terekhova N.G. «Pomeshat' otravleniju soznanija rabochikh Italii». Pis'ma rukovoditelej italianskoj sekcii Kominterna v Moskvu. 1923–1924 gg. *Istoricheskij Archiv*. 2019, no 3. (In Russ.)
- Terekhova N.G. Italijskaja sekcija Kominterna, Stalin i «russkij vopros». *Novaja i novejšaja istoria*, 2020, no 5. (In Russ.)
- Trotskij L., Kabakchiev Kh. *Očerki političeskoj Bolgarii*. Moskva-Petrograd, 1923. (In Russ.)
- Vatlin A.Y. *Komintern: idej, rešenija, sud'by*. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Vatlin A.Y. *Vtoroj congress Kominterna: točka otsčeta istorii mirovo kommunizma*. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Vojtikov S.S. *Tsentral'nyj komitet. Vysshee partijnoe rukovodstvo ot Lenina i Plekhanova do Khruscševa*. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Zazerskaja T. Sud'by rukovoditelej Latvijskoj sekcii Kominterna. *Vremja Kominterna*, nauch. red. O.S. Porshneva, sost. E.N. Strukova, K.B. Kharitonov. Moskva, 2020. (In Russ.)

Информация об авторе

Терехова Наталья Геннадиевна,
Общество изучения наследия А. Грамши
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4721-4052>
E-mail: natgenter@gmail.com

Information about the author

Natalia G. Terekhova,
Antonio Gramsci Studies Society
Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4721-4052>
E-mail: natgenter@gmail.com

Славяноведение, 2022, № 1, с. 53–61
Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 1, pp. 53–61

DOI: 10.31857/S0869544X0018071-1

Оригинальная статья /
Original Article

Нападение фашистской Германии на СССР и реакция чехословацкого эмигрантского правительства

© 2022 г. Е.П. Серапионова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

serapionovae@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется реакция чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне на нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. Подчеркивается зависимое положение чехословацкого эмигрантского правительства от западных союзников, прежде всего от Великобритании, и позитивное отношение к вступлению СССР в войну. Автор реконструирует события первых дней после начала Великой Отечественной войны на основе опубликованных в России и в Чешской Республике документов, показывает ход переговоров о восстановлении чехословацко-советских отношений, которые закончились подписанием политического соглашения о сотрудничестве 18 июля 1941 г. и военного соглашения о формировании чехословацких воинских частей на территории СССР 27 сентября 1941 г. Дается оценка значения достигнутых соглашений.

Ключевые слова: фашистская Германия, нападение на СССР, чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне.

Ссылка для цитирования: *Серапионова Е.П.* Нападение фашистской Германии на СССР и реакция чехословацкого эмигрантского правительства // *Славяноведение*. 2022. № 1. С. 53–61. DOI: 10.31857/S0869544X0018071-1.

The Attack of the Fascist Germany on the USSR and the reaction of the Czechoslovak Émigré Government

© 2022. E.P. Serapionova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

serapionovae@mail.ru

Abstract. The article analyzes the reaction of the Czechoslovak émigré government in London to the German attack on the Soviet Union on June 22, 1941. The author emphasizes the dependence of the Czechoslovakian émigré government on the Western allies, primarily from Great Britain, and the positive attitude towards the entry of the

USSR into the war. She reconstructs the events of the first days after the start of the Great Patriotic War on the basis of documents published in Russia and the Czech Republic, shows the progress of negotiations on the restoration of Czechoslovak-Soviet relations, which ended with the signing of a political agreement on cooperation on July 18, 1941 and a military agreement on the formation of Czechoslovak military units on the territory of the USSR on September 27, 1941. The assessment of the significance of the agreements reached is given.

Keywords: Fascist Germany, attack on the USSR, Czechoslovak émigré government in London.

Reference for citation: *Serapionova E. P.* The Attack of the Fascist Germany on the USSR and the reaction of the Czechoslovak Émigré Government // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No 1. Pp. 53–61. DOI: 10.31857/S0869544X0018071-1.

Напомню, что к июню 1941 г. не существовало чехословацкого государства, но в Лондоне действовало чехословацкое временное эмигрантское правительство. После Мюнхенского соглашения от Чехословакии были отторгнуты Судеты и некоторые территории на границах с Польшей и Венгрией, а в марте 1939 г. страна распалась: Словакия заявила о своей самостоятельности, а Чешские земли и Моравия были объявлены Протекторатом Германии и включены в состав рейха.

В октябре 1939 г. в Париже был создан Чехословацкий национальный комитет (ЧНК), ставивший целью ликвидацию мюнхенского соглашения и восстановление Чехословакии в границах на 30 сентября 1938 г. [4. С. 37–38]. Добиться статуса чехословацкого правительства в изгнании было непростым делом, так как на родине, и в протекторате, и в Словакии, существовали правительства и президенты, полномочия которых, правда, были сильно ограничены. Вопрос о признании ЧНК в качестве правительства стоял в повестке дня. Лишь 13–14 ноября 1939 г. ЧНК был признан компетентным органом, полномочным представлять чехословацкий народ за границей и формировать чехословацкие воинские части во Франции в соответствии с соглашением от 2 октября 1939 г. [4. С. 39].

СССР решительно отмежевался от решений, принятых в Мюнхене. В сообщении ТАСС от 2 октября 1938 г. говорилось, что советское правительство «не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к ее решениям»¹. После распада Чехословакии и включения Чехии в состав Германской империи СССР направил германскому послу в СССР Ф. В. Шуленбургу ноту протеста, назвав действия Германии «произвольными, насильственными и агрессивными»². Однако после заключения советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. по инициативе словацкой стороны Советский Союз 17 сентября 1939 г. признал Словакию *de jure* и установил с ней дипломатические отношения [2. С. 78–79].

После поражения в 1940 г. Франции чехословацкие политики перебрались в Лондон и целиком ориентировались на Великобританию и США. Но, по мнению В. В. Марьиной, после падения Франции Э. Бенеш «явно повернул в сторону восстановления отношений с Советским Союзом» (см. [3. С. 9]), с лета 1940 г. активизировались контакты между чехословацкой и советской разведкой и взаимный обмен информацией. Во второй половине 1940 г. в Лондоне бывший

¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1978. Т. 3. С. 561.

² Документы и материалы. Т. 3. С. 607–608.

посол в Москве З. Фирлингер неоднократно встречался с советским полномочным представителем в Великобритании И.М. Майским. С момента распада Чехословакии советско-словацкие и советско-чешские отношения во многом определялись отношениями СССР с Германией, а советско-чехословацкие связи – отношениями Советского Союза и Великобритании.

Реакция чехословацкого эмигрантского правительства на международные события во многом зависела от позиций Великобритании и США. 23 июня 1941 г. военный министр США Г. Стимсон в меморандуме президенту США Ф. Рузвельту достаточно опрометчиво отметил: «Германия будет полностью занята вопросом нанесения поражения России в период, который составит минимум один и максимум три месяца»³. Из этого он делал вывод о том, что Германия прекратит или замедлит действия на других направлениях, и эту передышку США планировали использовать в своих интересах: «Мы будем действовать оперативно и решим вопрос с исходными угрозами до тех пор, пока Германия не выкарабкается из русского болота»⁴. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден в записке премьер-министру У. Черчиллю утверждал, «что существует вероятность, что через месяц русские все еще будут продолжать сражаться, находясь при этом в крайне тяжелом положении»⁵. А 10 июля 1941 г. в записке начальнику штаба ВМФ адмиралу Д. Паунду У. Черчилль подтвердил желание поддержать Россию: «Выгоды, которые мы получим, если Россия сможет удержаться и продолжать войну, по крайней мере, до наступления зимы, не поддаются подсчету. [...] Эти люди показали, что они достойны поддержки, и мы должны пойти на жертвы и риск, [...] чтобы поддержать их моральный дух»⁶. Причем, внимательно отслеживая ситуацию на Восточном фронте, военно-политическое руководство Великобритании и США все выше оценивали боевой дух, волю русских к сопротивлению и их желание сражаться с врагом⁷.

З. Фирлингер в воспоминаниях писал, что президент Бенеш в случае конфликта между Германией и СССР желал как можно скорее установить контакты с советским правительством. Уже в день нападения Германии на СССР Фирлингер встретился с советским послом в Лондоне И.М. Майским, и тот правильно предсказал шаги Москвы, заявив, что теперь СССР свободен в политике относительно оккупированных Германией европейских стран⁸. 23 июня 1941 г. начальник канцелярии президента Э. Бенеша Я. Смутны оставил запись о разговоре с Бенешем по поводу нападения на СССР. Бенеш заявил, что целый день нервничал из-за России, так как не был уверен, какова будет реакция Черчилля, и успокоился лишь после вечернего выступления британского премьера, в котором тот однозначно заявил, что нет речи ни о каком сепаратном мире, и Россия не будет предоставлена собственной судьбе и не останется без поддержки. Бенеш был доволен этим выступлением, считая его отказом от Мюнхена. Он полагал, что объединением сил против гитлеризма будет обеспечена победа, и на следующий день, 24 июня 1941 г., объявил об этом в речи по радио и тогда же заявил, что домюнхенские дружеские отношения с Россией будут возобновлены. В записи Смутного есть и следующий пассаж Бенеша: «И русские должны

³ Путь к великой победе. СССР в войне глазами западных современников. Документы и материалы. М., 2015. С. 45.

⁴ Путь к великой победе. С. 46.

⁵ Путь к великой победе. С. 51.

⁶ Путь к великой победе. С. 53.

⁷ Путь к великой победе. С. 53.

⁸ *Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Paměti z druhéhé zahraničního odboje.* Praha, 1948. Díl II. S. 18.

получить урок, я бы не хотел, чтобы их победа была великой, так как с ними и с коммунизмом было бы не выдержать. Но думаю, что легко победа им не дастся»⁹. В этой же беседе Бенеш подчеркнул, что «многие из тех, кто считал, что русская армия ничего не стоит, возможно, будут крайне удивлены. Русские будут хорошо сражаться, не жалея жизни, они отважны»¹⁰. На сомнения Смутного относительно того, не произойдут ли волнения внутри страны, Бенеш ответил, что нет, ГПУ разберется со всяким, кто задумает перевороты, хотя он не отрицал возможности привлечения немцами квислингов. Бенеш был рад, что, несмотря на осуждение советской политики сближения с Германией (особенно события 23 августа 1939 г.), он не предпринимал никаких резких действий и не позволял себе негативных высказываний в адрес СССР (как, например, польское эмигрантское правительство), чтобы не помешать взаимному сотрудничеству в дальнейшем. По словам Смутного, Бенеш заявил, что Россия однозначно будет теперь присутствовать на мирной конференции после войны. Он повторял, что был уверен в неминуемом конфликте России с Германией.

Чехословацкий президент в изгнании положительно оценил речь Молотова как определенный прогресс, так как в ней говорилось о демократиях. Бенеш упомянул и своего политического оппонента бывшего посла во Франции словака Ш. Осуского, что тот якобы не ожидал такого развития событий, а потому сразу стал человеком прошлого. Обсуждая речь Черчилля, в которой тот встал на сторону России, Бенеш и Смутны согласились, что британский премьер, несмотря на ненависть к большевизму, проявил государственную мудрость, так как в войне страдают не большевики, а русский народ. Бенеш со своей склонностью к компромиссам был готов понять и поддержать Черчилля. Исходя из национальных интересов, в целом он был рад, что Европа воюет, иначе чехи никогда не получили бы свободу, народ, по его словам, был бы уничтожен, как полабские славяне.

Не скрывали своей радости по поводу вступления в войну СССР и члены чехословацкой военной делегации [1. Кн. 2. С. 18], пребывавшей в Москве с апреля 1941 г. для обсуждения совместных действий в области разведки¹¹. А 24 июня начальник этой делегации полковник Г. Пика обратился к советскому правительству с предложением о сотрудничестве. В обращении предлагалось организовать пропагандистские акции, в том числе и для того, чтобы подвигнуть чехословацкий народ к сопротивлению, проведению актов саботажа и подготовке всеобщего восстания. В документе выдвигалось шесть условий для установления отношений, а именно: 1) СССР одобряет чехословацкую борьбу с Германией с целью освобождения независимой Чехословакии; 2) СССР признает чехословацкое правительство с центром в Лондоне единственным представителем чехословацкого народа, а д-ра Э. Бенеша – руководителем борьбы чехословацкого народа против нацизма и фашизма; 3) СССР признает чехословацкую армию за границей в качестве союзной, представляющей самостоятельное и ведущее войну государство; 4) СССР будет изо всех сил и всеми средствами поддерживать чехословацкие усилия на своей территории; 5) СССР разрешит организовать на своей территории чехословацкие воинские части, которые будут сражаться против напавших на СССР агрессоров; 6) после поражения Германии победивший СССР позволит чехословацкому народу свободно решать вопрос о политическом устройстве согласно принципу самоопределения народов,

⁹ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Praha, 1998. Díl 1. S. 193.

¹⁰ Československo-sovětské vztahy. S. 193

¹¹ Подробнее см. об этом [1. Кн. 1. С. 284–287].

который признают Советы. Предлагались и конкретные действия по установлению сотрудничества: а) признание политических и военных представителей чехословацкого правительства в Лондоне, которые будут действовать в Москве; б) признание чехословацкой военной миссии в СССР как части самостоятельной и ведущей войну чехословацкой армии; в) проведение всех необходимых мероприятий для сосредоточения всех мобилизованных чехословацких граждан либо для военной службы, либо для работы; г) разрешение на организацию чехословацких воинских частей из чехословацких граждан либо из советских граждан чехословацкой национальности, которые добровольно вступят в чехословацкую армию; д) предоставление созданному чехословацкому комитету радиосвязи и выделение времени для пропаганды по московскому радио для чехословацкой территории. В свою очередь чехословацкое правительство обязывалось по требованию СССР предоставлять всю политическую и военную информацию о ситуации в Германии и на оккупированных территориях, в целях сотрудничества использовать все средства для получения сообщений, могущих интересовать советское правительство и русскую армию. Чехословацкое правительство также брало на себя обязательства тесного военного взаимодействия для победы над фашистскими захватчиками¹².

29 июня Пика имел беседу с генеральным комиссаром государственной безопасности, заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР Л.П. Берией по вопросу о формировании чехословацких воинских частей в СССР. Так как официального ответа на письмо Пики не было, Э. Бенеш 30 июня послал инструкции главе миссии, чтобы он шел навстречу СССР, а главное, сообщил бы ему, готов ли СССР вернуться к «домюнхенским» отношениям, в свою очередь подчеркнув, что он заявил о своей готовности еще 24 июня¹³.

В беседе со Смутным 5 июля Бенеш сказал, что вполне удовлетворен заявлением Сталина о том, что соглашением с Германией в 1939 г. Россия получила время на подготовку к войне, к которой не была готова. В этой связи чехословацкий президент упомянул о том, что Чехословакия не стала воевать в 1938 г., потому что ни Запад, ни Россия не были к этому готовы. Бенеш повторил, что опасался тогда, что если Германия начнет войну, и даже если СССР найдет возможность как-то прийти Чехословакии на помощь, Даладье и Чемберлен развяжут Гитлеру руки и предоставят ему возможность воевать с большевиками один на один, а сами в войну не вступят, Гитлер завоюет Россию, а чехи и словаки так и не освободятся от его ярма. «Тем самым, — продолжил он, — я сохранил Россию. До сих пор я не мог об этом говорить, так как мне пеняли бы, что я спас коммунизм. Но я думал только о республике, и о том, чтобы не попасть в ситуацию, когда ничего исправить уже нельзя»¹⁴. Рассуждения Бенеша в этой связи больше похожи на оправдания, недаром он вспомнил о том, что сразу после Мюнхена его называли капитулянтом в печати, но якобы после того как он объяснил советскому послу в США К.А. Уманскому свое тогдашнее положение, кампания против него в печати прекратилась, и о нем как о капитулянте больше не писали¹⁵. В том же разговоре Бенеш выразил удовлетворение тем, что русская армия оказалась лучше, чем все предполагали¹⁶.

¹² Československo-sovětské vztahy. S. 196–198.

¹³ Československo-sovětské vztahy. S. 198–199.

¹⁴ Československo-sovětské vztahy. S. 200.

¹⁵ Československo-sovětské vztahy. S. 201.

¹⁶ Документы и материалы. Т. 4. Кн. 1. С. 115.

8 июля состоялся разговор Бенеша с Майским, во время которого последний озвучил позицию советского правительства: «1) Политической программой советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством, б) Само собой разумеется, что советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние чехословацкие дела и чехословацкий народ будет сам принимать решения о внутреннем режиме и устройстве, в) Если чехословацкое правительство желает послать в Москву своего представителя, советское правительство его с радостью примет, г) Советское правительство готово предоставить помощь в организации чехословацкой воинской части в России. И в этой связи полагает возможным создать специальный Чехословацкий национальный комитет, который бы и помогал организовывать армию. При этом лишь одно условие, чтобы оперативно и военно-технически часть подчинялась бы русскому верховному командованию, но имела бы чехословацкого командующего и чехословацких офицеров». Бенеш согласился с условиями и, руководствуясь принципом континуитета существования домюнхенской республики, предложил в качестве представителя Фирлингера. Чехословацкий президент также заявил, что воинская часть на территории СССР будет подчиняться министру обороны эмигрантского правительства генералу С. Ингру, но оперативное и военно-техническое подчинение русскому командованию принимает. В беседе были затронуты вопросы о послевоенной чехословацко-польской конфедерации, о принадлежности Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) и др.¹⁷. Подобные предложения о встрече Майский сделал польскому и югославскому эмигрантским правительствам.

11 июля 1941 г. состоялось 29-е заседание чехословацкого правительства в изгнании, на котором обсуждались советско-чехословацкие отношения. Министр иностранных дел Я. Масарик обрисовал военную ситуацию в России, заявив, что положение лучше, чем ожидали. Он назвал последнего английского военного атташе в Москве оптимистом, который характеризовал состояние русской армии как хорошее. Но ему в Военном министерстве не доверяли. А сейчас, по словам Масарика, «консерваторы с трудом признают, что русское руководство оказалось способным, и что русские ведут себя так, как никто и не ожидал». Он заявил: «Я не верю, что Россия одержит победу, но речь идет о том, чтобы она продержалась. Факт, что немецкая армия потерпит огромный ущерб [...]. Что русские с нами, с этим проблем не будет»¹⁸. Далее он рассказал о переговорах с СССР, об уже упоминавшейся встрече 8 июля И.М. Майского и Э. Бенеша, подчеркнув, что инициатива шла с советской стороны. По словам Масарика, некоторые разногласия вызвало лишь предложение о создании Чехословацкого национального комитета¹⁹, куда Бенеш предложил включить представителей правительства и подчинить его Фирлингеру как представителю лондонского правительства. Об этой встрече 10 июля Масарик информировал английское, польское и югославское правительства. Иден приветствовал установление контактов и поздравил правительство и Бенеша, никаких возражений со стороны

¹⁷ Документы и материалы. Т. 4. Кн. 1. С. 117–119. Ср.: *Československo-sovětské vztahy*. S. 201–205.

¹⁸ *Zápisy ze schůzí československé vlády v Londýně (1940–1941)* / eds. Jan Němeček, Ivan Šfoviček, Helena Nováčková, Jan Kuklík. Praha, 2008. S. 536.

¹⁹ На следующем 30-м заседании чехословацкого правительства в Лондоне 25 июля 1941 г. Я. Масарик сообщил, что после того как чехословацкая сторона высказалась против создания в Москве комитета, куда вошли бы какие-то их земляки, советское правительство отказалось от этой идеи, тем самым никаких препятствий для подписания соглашения не стало (*Zápisy ze schůzí československé vlády v Londýně*. S. 550).

Великобритании это не вызвало. Масарик сообщил, что он использовал ситуацию и сказал британскому министру иностранных дел, что русские признали чехословацкое правительство, тогда как в Лондоне его признали лишь как временное. Но Иден показал ему телеграммы с указанием признать чехословацкое правительство и сказал, что в течение недели пошлет им посла, что, по словам Масарика, было важно. Затем Масарик посетил польского министра иностранных дел А. Залеского и узнал от него о встрече Майского с председателем польского эмигрантского правительства В. Сикорским, которая прошла неплохо, так как Майский имел инструкции ничего не отвергать. По словам Залеского, они тоже приветствовали переговоры с русскими, но намеривались после организации войска бороться с русскими за территорию, которая раньше им принадлежала. И, как полагал Форин Оффис, надежда договориться существовала. После этого Масарик встречался и с югославским послом в Великобритании И. Суботичем, кратко его информировал о советско-чехословацких переговорах. Югославские дипломаты в то время переговоры с СССР еще не начали, но собирались обновить отношения, обсудив вопрос об армии и комитете. Обсуждая информацию, изложенную Масариком, государственный секретарь Г. Рипка просил вести переговоры тайно, а министр Нечас, одобрив линию Бенеша и Масарика, заявил, что необходимо принять английского посла до признания их правительства Советами.

16 июля 1941 г. советское правительство предложило подписать межгосударственное советско-чехословацкое соглашение, а британское приняло решение признать чехословацкое эмигрантское правительство *de jure* и назначить посланника.

18 июля 1941 г. советский посол в Лондоне И.М. Майский и чехословацкий министр иностранных дел Я. Масарик подписали межправительственное соглашение. В нем стороны согласились обмениваться посланниками, обязались оказывать друг другу помощь и поддержку в войне против Германии, советское правительство изъявило согласие на формирование чехословацких воинских частей, в оперативном отношении подчиненных Верховному командованию СССР. Соглашение вступило в силу немедленно и не подлежало ратификации²⁰. По словам Масарика, заслуга в подписании соглашения, в первую очередь, принадлежала Э. Бенешу. 24 июля в письме Масарику Майский подтвердил, что соглашение является полным признанием ЧСР в качестве союзницы и означает континуитет республики. В тот же день, когда было подписано советско-чехословацкое соглашение, Великобритания признала чехословацкое эмигрантское правительство²¹, однако А. Иден в письме Я. Масарику 18 июля 1941 г. специально почеркнул, что нотой о признании правительство ее величества не берет на себя обязательства признать какие-либо будущие границы в Центральной Европе²². США признали правительство во главе с президентом Бенешем временным 30 июля 1941 г., а окончательное полное признание со стороны американского правительства последовало лишь 26 октября 1942 г. [1. Кн. 2. С. 24].

Советско-чехословацкое соглашение имело огромное значение, так как это было первое признание чехословацкого эмигрантского правительства в форме

²⁰ Документы и материалы. Т. 4. Кн. 1. С. 129.

²¹ Переговоры с польским правительством шли гораздо труднее, так как поляки выдвинули территориальные условия, которые советская сторона решительно отклонила, предложив лишь этнографические границы (Zápisy ze schůzí československé vlády v Londýně. S. 551).

²² Dokumenty k ústavnímu vývoji Československa. I. (1918–1945) / eds. Ján Gronský, Jiří Hřebejk. Praha, 2004. S. 170–171.

межсоюзнического соглашения и содержало разрешение на формирование на территории СССР чехословацких воинских частей. З. Фирлингер в качестве посланника чехословацкого правительства прибыл в Москву 13 августа 1941 г., а А.Е. Богомолов, советский представитель при эмигрантских правительствах в Лондоне [5. С. 376–377], приступил к своим обязанностям в Лондоне 18 сентября 1941 г.

Г. Пика и уполномоченный Верховного командования СССР генерал-майор А.М. Василевский 27 сентября 1941 г. подписали в Москве военное соглашение между Верховным командованием СССР и Верховным командованием Чехословакии²³, которое определяло порядок формирования чехословацких воинских частей и официально устанавливало чехословацкую военную миссию в Советском Союзе.

В заключении хотелось бы отметить следующее.

Позиция чехословацкого правительства в Лондоне во многом зависела от действий Лондона и Вашингтона. И Великобритания, и США, и правительство ЧСР в изгнании при анализе новой обстановки, сложившейся после нападения Германии на СССР, исходили из своих национальных интересов. При этом оценки боеготовности Красной армии и способности Советского Союза обороняться несколько разнились. В самом начале они были крайне осторожные, предполагалось, что СССР продержится хотя бы несколько месяцев. Но политическое руководство этих стран однозначно встало на сторону России. Бенеш, в отличие от англо-американских политиков, был настроен более оптимистично, считая объединение сил залогом победы и шансом для восстановления Чехословакии. Он также полагал, что Советский Союз будет в числе победителей.

После 22 июня 1941 г. инициатива чехословацко-советского сближения исходила с обеих сторон. Условия заключения политического соглашения были обсуждены и приняты довольно быстро, так как стороны шли на уступки друг другу. Заключение соглашения между чехословацким и советским правительствами 18 июля 1941 г. имело большое значение для установления тесного сотрудничества сторон в борьбе против нацистской Германии, в получении чехословацким правительством дипломатического признания *de jure* и фактического признания континуитета Чехословакии. Положение о создании чехословацких воинских частей на советской территории, содержавшееся в этом соглашении, было детализировано в военном соглашении, подписанном через два месяца и ставшим основой не только политического, но и военного советско-чехословацкого союза.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЧНК – Чехословацкий национальный комитет

ВМФ – Военно-морской флот

ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР (1922–1923), затем ОГПУ (1922–1934), Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР, специальный орган государственной безопасности СССР. В 1934 г. вошло в состав НКВД как Главное управление государственной безопасности (ГУГБ).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М.: Наука, 1978. Т. 3. 648 с. М.: Наука, 1981. Т. 4. Кн. 1. 424 с.

²³ Документы и материалы. Т. 4. Кн. 1. С. 170–171.

Путь к великой победе. СССР в войне глазами западных современников. Документы и материалы. М.: ООО Аквариус, 2015. 926 с.
Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Praha: Státní ústřední archiv v Praze, 1998. Díl I. 627 s.
Dokumenty k ústavnímu vývoji Československa. I. (1918–1945) / eds. Ján Gronský, Jiří Hřebejk. Praha: Univerzita Karlova, vydavatelství Karolinum, 2004. 244 s.
Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Paměti z druhé zahraniční odboje. Praha: Nakladatelství Svoboda v Praze, 1948. Díl II. 619 s.
Zápisy ze schůzí československé vlády v Londýně (1940–1941) / eds. Jan Němeček, Ivan Šťovíček, Helena Nováčková, Jan Kuklík. Praha: Historický ústav Akademie věd ČR, Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR, 2008. S. 536.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Марына В.В.* Советский союз и чехо-словацкий вопрос в годы Второй мировой войны. М.: Индрик, 2007; 2009. Кн. 1. 448 с. Кн. 2. 432 с.
2. *Марына В.В.* СССР – Словакия 1939–1945 гг.: военно-политические аспекты. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. 496 с.
3. *Слuch С.З.* «Вторая мировая война. 1940 год: дискуссионные и неразработанные проблемы» (Материалы «круглого стола») // Славяноведение. 2001. № 6. С. 3–33.
4. *Куклiк J.* Vznik československého národního výboru a prozatímního státního zřízení ČSR v emigraci v letech 1939–1940. Praha: Univerzita Karlova, vydavatelství Karolinum, 1996. 197 s.
5. *Voráček E a kol.* V zájmu velmoci. Československo a Sovětský svaz 1918–1948. Praha: Historický ústav, 2019. 676 s.

REFERENCES

Mar'ina V.V. *Sovetskij soyuz i chekho-slovackij vopros v gody Vtoroj mirovoj vojny. Kn. 1–2.* M., Indrik Publ., 2007; 2009. 438 s.; 432 s. (In Russ.)
Mar'ina V.V. *SSSR–Slovakia 1939–1945 gg.: voenno-politiceskie aspekty.* M., Institut slavjanovedenia RAN Publ., 2017. 496 s. (In Russ.)
Sluch S.Z. «Vtoraya mirovaya vojna. 1940 god: diskussionnye i nerazrabotannye problemy» (Materialy Kruglogo stola). *Slavyanovedenie*, 2001, no 6, pp. 3–33. (In Russ.)
Kuklík J. *Vznik československého národního výboru a prozatímního státního zřízení ČSR v emigraci v letech 1939–1940.* Praha, Univerzita Karlova, vydavatelství Karolinum, 1996. 197 s. (In Česk.)
Voráček E a kol. *V zájmu velmoci. Československo a Sovětský svaz 1918–1948.* Praha, Historický ústav Publ., 2019. 676 s. (In Česk.)

Информация об авторе

Серापionoва Елена Павловна,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
заведующая отделом Истории
славянских народов периода мировых
войн, Институт славяноведения РАН
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0269-140X>
E-mail: serapionovae@mail.ru

Information about the author

Elena P. Serapionova,
DSc. (History), Leading Researcher,
Head of the Department of the
History of Slavic Peoples during World Wars,
Institute of Slavic studies,
Russian Academy Sciences
Moscow, Russian Federation;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0269-140X>
E-mail: serapionovae@mail.ru

Славяноведение, 2022, № 1, с. 62–82

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 1, pp. 62–82

DOI: 10.31857/S0869544X0018086-7

Оригинальная статья /
Original Article

Болгария, Венгрия и Румыния в поисках внутрисистемной экономической альтернативы. Обще-особенные черты процесса (60-е годы XX века)

© 2022 г. Ар.А. Улуныя

Институт всеобщей истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

draugab345@google.com

Аннотация. Автор анализирует процесс подготовки экономических изменений в Болгарии, Венгрии и Румынии в начале 1960-х годов и основные черты намеченных властями реформ. Настойчивые попытки добиться положительных результатов за счет реализации комплекса полумер в контексте выбранного курса на проведение быстрой индустриализации временно дала результаты, но в конечном итоге из-за многих внутренних и внешних факторов как экономического, так и политического характера процесс реформирования был замедлен и окончательно свернут до «лучших времен».

Ключевые слова: Болгария, Венгрия, подготовка экономической реформы, Румыния, СССР, СЭВ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 17-18-01728 «Мировая система социализма и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х гг.: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР», полученного ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

Ссылки для цитирования: Улуныя Ар.А. Болгария, Венгрия и Румыния в поисках внутрисистемной экономической альтернативы. Обще-особенные черты процесса (60-е годы XX века) // *Славяноведение*. 2022. № 1. С. 62–82. DOI: 10.31857/S0869544X0018086-7.

Bulgaria, Hungary and Romania in search of an intra-system economic alternative. Generally special features of the process (60s of the XX century)

© 2022. Ar.A. Ulunyan

Institute of World History of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

draugab345@google.com

Abstract. The author analyzes the preparatory process of the economic changes in Bulgaria, Hungary and Romania in the early 60s and the main directions of the reforms set up by the authorities. Persistent attempts to achieve positive results by implementing a bundle of palliative measures in the context of the chosen course to carry out rapid industrialization has temporarily yielded results, but ultimately, due to many domestic and foreign factors, both of economic and political nature, the process of the reforms slowed down and finally has been curtailed till «the better times».

Keywords: Bulgaria, Hungary, preparation of economic reform, Romania, USSR, CMEA.

Reference for citation: *Ulunyan Ar.A.* Bulgaria, Hungary and Romania in search of an intra-system economic alternative. Generally special features of the process (60s of the XX century) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No 1. P. 62–82. DOI: 10.31857/S0869544X0018086-7.

К концу 50-х – началу 60-х годов XX в. в странах коммунистического блока из числа европейских государств – членов Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) все отчетливей проявлялись признаки экономического кризиса и истощенности избранной в конце 1940-х годов экономической модели, построенной на экстенсивном пути развития. Вопрос экономических изменений в европейских «народных демократиях» по вполне понятным причинам доминирования СССР в возглавлявшимся им блоке во многом зависел от советской стороны, которая крайне негативно относилась к пока еще единственному опыту подобного рода – югославской модели самоуправления. Поэтому первая попытка, предпринятая 10 мая 1957 г. в форме закона «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», инициатором которой являлся первый секретарь ЦК КПСС, а с 1958 г. и председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев, серьезно повлияла на поиски в странах-сателлитах СССР, входивших в СЭВ, аналогичной модели изменений в экономической сфере, однако на данном этапе не в виде открытого признания необходимости реформы как таковой, а как казуистическая пропагандистско-идеологическая формулировка, призывающая к «улучшению» или «совершенствованию» имеющейся экономической системы. Одновременно в самом СЭВ также происходили определенные изменения. Озвученные на XV сессии организации принципы специализации ее членов, одобренные затем на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий участников этого объединения, проходившего 6–7 июня 1962 г. в Москве, нашли отражение в материале «Основные принципы международного разделения труда», пропаганда идей которого велась советской стороной еще до принятия документа [12].

Иницирующим фактором процесса разработки программ изменений в области экономики европейских стран восточного блока стала появившаяся 9 сентября 1962 г. в органе ЦК КПСС газете «Правда» статья профессора Харьковского инженерно-экономического института Е. Либермана «План, прибыль, премия», в которой в весьма осторожной форме говорилось о том, что впоследствии получило название хозрасчет. Дискуссия, которая началась в кругах советских экономистов, привлекла внимание к этой статье экономистов и партийно-хозяйственной номенклатуры в странах народной демократии. Уже на этой стадии стали выявляться особенности планировавшихся экономических изменений, которые позволяли выявить два основных направления: «системные корректировки» и «радикальные реформы». Первый был направлен на смягчение существующей экономической модели, уменьшение

централизации и усиление материальных стимулов при выполнении плана. Второй путь, подразумевая сохранение социалистической институциональной базы, предполагавшей сохранение государственной собственности и монополии компартии, был рассчитан на сочетание рынка и плана, что отличало эту модель от традиционной [26. Р. 135–151; 25. Р. 243].

Тема экономических изменений оказалась в центре общественного и академического дискурсов в ряде стран восточного блока, совпав по времени с аналогичным процессом, происходившим в Чехословакии после публикации в 1962 г. книги «Экономика, интересы, политика: их взаимоотношения с социализмом» [45]¹, автором которой являлся член чехословацкого партийно-государственного руководства, сторонник проведения реформ и впоследствии один из идеологов Пражской весны О. Шик, развивший в 1964 г. свои идеи в новой книге «К вопросу о социалистических товарных отношениях» [46]. В обеих работах ставился вопрос об учете общих экономических законов при социализме, включая вопрос о стоимости, роли и месте материального стимулирования, рациональном формировании рынка в условиях социализма.

Одна из первых попыток критического подхода к существовавшей организации экономической системы и теоретического осмысления концепции экономических изменений в Венгрии была предпринята впоследствии получившим мировую известность венгерским ученым Я. Корнай – автором защищенной в 1956 г. кандидатской диссертации, вышедшей в 1957 г. под названием «Избыточная централизация управления экономикой. Критический анализ на основе легкой промышленности» [40] и переведенной на несколько языков. Его критика сверхцентрализации планирования в венгерской экономике и выдвижение концепции экономического механизма оказалась созвучна взвтому властями страны курсу на частичные изменения (прежде всего, в сельском хозяйстве) в связи с очевидным падением экономического роста ввиду исчерпанности экстенсивного подхода.

Аналогичные трудности испытывала и болгарская экономика к концу 1950-х годов, несмотря на приводимые часто властями положительные статистические данные. Дефицит внешнеторгового баланса Болгарии с Западом приобрел к началу 1960 г. угрожающий характер и должен был превысить во втором и третьем квартале года 50 млн долларов США. В этой связи председатель Болгарского народного банка К. Несторов направил 1 апреля 1960 г. в Политбюро ЦК БКП предложение о реализации золотого запаса, находившегося в Москве, через Госбанк СССР². Письмо главы БКП Т. Живкова Хрущеву, написанное в тот же день, содержало сведения о долге на конец первого квартала в размере 129 млн долларов США и просьбу о продаже 22 т золота через Госбанк СССР с целью получения твердой валюты³.

Складывавшаяся в европейских странах восточного блока ситуация свидетельствовала о необходимости срочных действий. Венгерские власти одними из первых приступили к подготовке соответствующих мер. Так, в частности, с целью выработки основных направлений действий в экономической области для самой Венгрии, а также определения ее ориентиров во внешней торговле, весной 1957 г. отдел рыночных и экономических исследований Министерства

¹ В СССР она вышла в переводе на русский язык в 1964 г. [15].

² Българска Народна банка. Сборник документи. София, 2009. Т. 5. 1948–1990. Ч. IV. С. 325.

³ Българска Народна банка. С. 328.

экономики перешел в структуру Торгово-промышленной палаты Венгрии, а в соответствии с ноябрьским (1963 г.) решением Экономического комитета с 1 января 1964 г. он был трансформирован в Институт экономических и рыночных исследований, который должен был заниматься изучением экономических отношений стран восточного блока и составлением прогнозов по мировым рынкам [33. 1 old.]. 1 апреля 1963 г. академик, директор Института экономики Венгерской АН и руководитель венгерской делегации в Постоянной комиссии СЭВ по экономическим вопросам И. Фришш представил в ЦК ВСРП справку о положении, сложившемся в экономике страны. Аналогичный материал был составлен для партийно-государственного руководства ВНР и в секретариате министра финансов М. Тимара, выступавшего в публичном пространстве страны фактически за проведение экономических реформ в опубликованном им учебнике «Бюджет, финансы, управление экономикой» [47]. В обоих документах подчеркивалась необходимость серьезных изменений, которые способствовали бы развитию различных отраслей венгерской экономики, включая сельское хозяйство и тяжелую промышленность, и отмечалась необходимость эффективного функционирования СЭВ [33. 1 old.].

Развитие уже упоминавшихся выше двух тенденций в программах экономических изменений в ряде стран — членов восточного блока влияло и на ситуацию в самом СЭВ, где Польша, Чехословакия и Венгрия были настроены в большей мере, чем СССР, Болгария и ГДР, на применение элементов рыночного механизма [33. 2 old.]. Особая ситуация в данном контексте складывалась с Румынией. Активно проводившиеся в начале 1960-х годов в рамках СЭВ при явной заинтересованности СССР консультации о введении между его участниками хозяйственно-экономической специализации достаточно чувствительно воспринимались румынской стороной. Ее руководство во главе с первым секретарем ЦК РРП Г. Георгиу-Дежем стремилось усилить независимость страны в рядах восточного блока, что вело к конфронтации с СССР [30; 31. Р. 34—47]. Так, в частности, в уже упоминавшемся документе «Основные принципы международного разделения труда» оно увидело угрозу национальному суверенитету и планировавшейся индустриализации страны, от которой, по мнению официального Бухареста, пришлось бы отказаться в угоду первостепенного развития сельского хозяйства. Выступивший на IV заседании Исполкома СЭВ в 1963 г. вице-премьер А. Бырлэдяну однозначно заявил о курсе руководства Румынии на индустриализацию страны⁴. Таким образом, из трех стран — Болгарии, Венгрии и Румынии — только первая не имела никаких официально оформленных претензий к деятельности СЭВ, что, однако, не мешало болгарской стороне вести подготовку к внутриэкономическим изменениям. Так, в частности, на совещании в ЦК БКП, состоявшемся 5 января 1963 г. с первыми секретарями окружных комитетов БКП, секретарями, отвечавшими за сельское хозяйство, и руководителями сельхозотделов при окружных народных советах, было принято решение о своеобразной форме децентрализации в этой области: не проводить совещание по сельскому хозяйству, на котором предусматривалось рассмотреть общий план, а «вместо него предполагалось проведение совещаний по округам и более конкретно»⁵. 12 января

⁴ Подробнее о позиции Румынии в СЭВ и советско-румынских отношениях см.: [6; 13. С. 371—395; 14. С. 323—339; 21; 22; 23].

⁵ Централен държавен архив (ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 561. Л. 1. Протокол от съвещание на ЦК на БКП. 5 ян. 1963 г. // URL: www.politburo.archives.bg/bg/2013-04-24-11-09-24/1960-1969/3113-----5-1963-

1963 г. вопрос о необходимости проведения изменений в экономике был поставлен на повестку дня заседания ЦК БКП Т. Живковым. В числе главных факторов, препятствовавших развитию экономики, первый секретарь болгарской компартии был вынужден признать «нереалистичное планирование»⁶, так как «во многих отношениях план сейчас душит производственные коллективы»⁷, и в 1963 г. «впервые за многие годы у нас есть относительно реалистичный, менее напряженный план»⁸. Вторая группа проблем, выделенная Живковым, относилась к финансовой области, и в определенной степени она также касалась уже упоминавшейся проблемы планирования. Было отмечено, что «финансовые власти не перестроились» и продолжают механически сверстывать бюджет и не ведут поисков источников и резервов⁹. Особое внимание обращалось на негативную тенденцию быстрого увеличения расходов на непродуктивную сферу¹⁰, дисбаланс в развитии между группами А и Б в экономическом развитии и необходимости произвести корреляцию в этой области, увеличив ряд отраслей в легкой промышленности для развития рынка, параллельно сократив излишние дотации¹¹. Важным с позиции организационного подхода решения проблем становилось упоминание главой БКП созданной под руководством министра финансов Д. Поповым комиссии.

Прошедший 8–9 мая 1963 г. Пленум ЦК БКП, на котором рассматривались вопросы экономического развития, лишь подтвердил неготовность болгарского партийно-государственного руководства и, прежде всего, лично Т. Живкова к минимальным изменениям. В принятом по результатам многочисленных выступлений решении «За дальнейшее совершенствование и усиление эффективности партийного и государственного руководства народным хозяйством» избегалось использование любых упоминаний об экономической реформе и подчеркивалась задача «совершенствования и усиления», но не изменения руководства экономикой в любой форме. В этой связи задачи формулировались не в рамках экономической парадигмы, а в идейно-пропагандистском виде, а именно: предусматривалось «максимальное повышение инициативы масс, усиление их участия в управлении страной и экономической деятельностью, строительством, чтобы улучшить увеличивающееся руководство народным хозяйством на основе марксистско-ленинской теории, и сделать это руководство более оперативным, экономичным и эффективным»¹². Вопросы экономики приобретали к осени 1963 г. все большее значение для руководства НРБ, и 9 октября Т. Живков представил в Политбюро ЦК БКП записку об изменениях в руководстве и планировании экономики. Суть предлагавшихся мер сводилась к отказу от высокой степени централизации планирования и в переходе к указанию ценовых ориентиров или натурального выражения продукции; к введению хозрасчета и материальной заинтересованности работников, к использованию закона стоимости, но в условиях «социалистического общества». Записка обсуждалась на совместном заседании аппарата ЦК БКП,

⁶ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 562. Л. 1. Протокол от съвещание на ЦК на БКП. 12 януари 1963 г. // URL: www.politburo.archives.bg/bg/2013-04-24-11-09-24/1960-1969/3112-----12-1963-

⁷ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 561. Л. 2.

⁸ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 561. Л. 2.

⁹ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 561. Л. 2.

¹⁰ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 561. Л. 3.

¹¹ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 561. Л. 6.

¹² ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 574. Л. 5. Протокол от Пленум на ЦК на БКП. 8–9 май 1963 г. // URL: www.politburo.archives.bg/bg/2013-04-24-11-09-24/1960-1969/3103-----89-1963-i

Совета министров и представителей академического сообщества 25–29 ноября, в дискуссии выступил член ЦК БКП, известный экономист Е. Матеев¹³. Он критично отнесся к идее реформирования экономики с использованием даже элементов рыночных механизмов и обратил особое внимание на вопросы стоимости, прибыли и экономической заинтересованности, которые, как следовало из его выступления, не могли вводиться даже в ограниченной рыночной форме, так как были неприемлемы к условиям социалистической экономики¹⁴. Решение экономических проблем приобрело в планах болгарского коммунистического руководства внешнеполитическое измерение, что нашло отражение в выступлении Т. Живкова на состоявшемся 4 декабря 1963 г. Пленуме ЦК БКП. Он заявил о вынесении со стороны Политбюро на обсуждение ЦК вопроса о тесном сближении с СССР, «а затем, в будущем, об объединении Народной Республики Болгарии с Советским Союзом». При этом он сослался на проходившие ранее обсуждения этого вопроса¹⁵. Сам план действий в общих чертах был объявлен на совместном заседании Политбюро ЦК БКП и Совета министров НРБ, проходившем 22–24 января 1964 г. Он заключался в создании так называемой новой экономической системы планирования и руководства народным хозяйством¹⁶. Представлявший эту модель Т. Живков изначально заявил о недопущении любого отхода от идеологических и политических основ коммунистического режима при решении экономических проблем, а также о том, что «одной из характерных черт» новой системы являлось «усиление планового начала во всех сферах жизни»¹⁷, при этом ставка делалась на отказ от «методов динамики в управлении и планировании» и использовании «методов моделирования и многовариантности при определении пропорций и темпов»¹⁸. Для решения экономических проблем предусматривалось «сочетать действие закона систематического пропорционального развития с законом стоимости» и использовать «закон стоимости и родственных ему категорий» в социалистическом обществе¹⁹. Одновременно предусматривалось: составлять реалистичные планы со слабыми элементами децентрализации; повышать роль трудовых коллективов в планировании; проводить сбалансированную финансовую политику, отказавшись от избыточных расходов; добиваться баланса между группами А и Б в болгарской экономике. К этому добавился призыв учитывать закон стоимости в условиях социализма. На заседании рассматривался также вопрос о продолжении развития в стране тяжелой промышленности, что являлось подтверждением избранного ранее курса на послевоенную индустриализацию. Болгария, как отмечали некоторые болгарские авторы, переживала этап, названный ими периодом реформенного

¹³ Его работа о роли плана и хозяйственной интеграции в СЭВ была специально опубликована в СССР [10].

¹⁴ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 591. Л. 1–11. Протокол от обсъждането на докладна записка на Тодор Живков за новата икономическа система на планиране и ръководство на народното стопанство, състояло се от 25 до 29 ноември 1963 г. // URL: www.politburo.archives.bg/bg/2013-04-24-11-09-24/1960-1969/3092-25-29-1963-

¹⁵ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 599. Л. 2. Протокол от заседание на пленума на ЦК на БКП. 4 декември 1963 г. // URL: www.politburo.archives.bg/bg/2013-04-24-11-09-24/1960-1969/3090-----4-1963- Подробнее об этом плане см. в [4. С. 36–51; 1. С. 21–41].

¹⁶ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 603. Протокол от съвместно заседание на Политбюро на ЦК на БКП и Министерския съвет. 22–24 януари 1964 г. Т. I–II // URL: www.politburo.archives.bg/bg/2013-04-24-11-09-24/1960-1969/3087-----2224-1964-

¹⁷ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 603. Л. 5.

¹⁸ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 603. Л. 8.

¹⁹ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 603. Л. 260.

«минимума» (1961–1968 гг.)²⁰. В свою очередь, проводившиеся болгарским партийно-государственным руководством изменения в аграрном хозяйстве позволили зарубежным аналитикам сделать вывод о том, что с осени 1963 г. оно «придерживалось курса на развитие личных хозяйств» из-за тяжелой ситуации, сложившейся в этой отрасли экономики [20. С. 103]. Детальная разработка новой системы (она получила название «новая система планирования и управления народным хозяйством») была поручена сформированной в феврале 1964 г. из партийно-хозяйственной номенклатуры, имевшей высшее экономическое образование и научные степени, группе в составе Г. Филиппова – заместителя председателя Госплана (руководитель), Д. Давидова – первого заместителя Председателя комитета по труду и заработной плате, Д. Байдарова – первого заместителя министра финансов, Э. Христова – Высшая партийная школа при ЦК БКП, Г. Петрова – Высший экономический институт им. Карла Маркса, А. Манолова – секретаря ЦК Болгарских профессиональных союзов и Г. Димова – заместителя председателя Болгарского национального банка²¹. Сама «новая система» начала использоваться в виде эксперимента с 1 апреля 1964 г. на ряде предприятий различных отраслей экономики.

Однако если болгарское партийно-государственное руководство делало ставку на тесное сотрудничество с СССР, проводя свою внутриэкономическую политику, то румынское руководство избрало курс на усиление самостоятельности. Он был окончательно легитимирован на Пленуме ЦК РРП, состоявшемся 15–22 апреля 1964 г. и принявшем Декларацию о позиции Румынской рабочей партии по проблемам международного коммунистического и рабочего движения²², ставшую впоследствии известной как «апрельская декларация 1964 г.». Во многом в продолжение основных положений этого документа, подчеркивавшего значение самостоятельности и независимости коммунистических партий, 12 июня 1964 г. в журнале «*Viața economică*» («Экономическая жизнь») был опубликован редакционный материал (его автором в действительности являлся К. Мурджеску, главный редактор издания и заместитель директора Института экономических исследований) под длинным названием: «Концепции противоречат основным принципам экономических отношений между социалистическими странами. О “межгосударственном хозяйственном комплексе” в целом и о его “дунайской” конкретизации» [24; 27]. В нем в жесткой форме критиковалась идея, высказанная в опубликованной весной 1964 г. в университетском издании статье советского профессора МГУ Э. Б. Валева «Проблемы экономического развития придунайских районов Румынии, Болгарии и СССР», в которой ставился вопрос о создании единого хозяйственно-экономического аграрного комплекса, имевшего трансграничный характер и включавшего дунайские регионы СССР, Румынии и Болгарии²³ [3]. Мурджеску недвусмысленно охарактеризовал подобные предложения как имеющие «самые серьезные

²⁰ О реформах в НРБ см. в [7; 16].

²¹ Подробнее о формировании этой группы см. в [2].

²² Впервые она была опубликована 26 апреля 1964 г. в органе ЦК РРП газете «*Scînteia*» – Declarația cu privire la poziția Partidului Muncitoresc Român în problemele mișcării comuniste și muncitorești internaționale // *Scînteia*, 26.04.1964. Затем материал вышел в виде отдельного издания – Declarație cu privire la poziția Partidului Muncitoresc Român în problemele mișcării comuniste și muncitorești internaționale adoptată de Plenara lărgită a CC al PMR din aprilie 1964. București: Editura Politică, 1964. Подробнее об особенностях формирования внешнеполитических позиций Румынии в эти годы см. [28; 5. С. 28–34].

²³ *Валев Э. Б.* Проблемы экономического развития придунайских районов Румынии, Болгарии и СССР // Вестник Московского университета. Сер. V. География. 1964. № 2. С. 56–64.

экономические и политические последствия», которые «могут серьезно подорвать независимость и национальный суверенитет стран-членов» [24. Р. 5]. Сам факт появления статьи Э. Валева рассматривался румынской стороной как «часть широкого фронта продвижения идеи “межгосударственных экономических комплексов” и других предложений с наиболее серьезными последствиями: нарушение независимости и национального суверенитета, территориальной целостности социалистических государств»²⁴.

В отличие от румынского руководства, венгерское, уже постепенно занимавшееся подготовкой предстоявших экономических изменений, избегало каких-либо резких действий с учетом сложившейся ситуации в Восточном блоке и интересов ВНР в нем. Первой официальной информацией о планировавшихся венгерскими властями шагах стала публикация 25 апреля 1965 г. органом ЦК ВСРП газетой «*Népszabadság*» («Народная свобода») интервью «О трансформации системы управления экономической» с секретарем ЦК Р. Ньершем — фактическим идеологом процесса изменений в экономике и организатором их подготовки (вместе с двумя заместителями премьер-министра Л. Фехером и Й. Фоком, ставшим в 1967 г. премьером), где он доложил о планах преобразований в руководстве экономикой. Ньерш сообщил, что на заседании ЦК ВСРП, прошедшем еще в декабре 1964 г.²⁵, было принято решение о необходимости «совершенствования и развития хозяйственного механизма», а также о создании 11 рабочих групп, в составе которых работали 130 экономистов, инженеров и научных сотрудников [17]. Параллельно, и о чем не сообщалось публично, была создана Рабочая группа по экспортно-импортным операциям и валютному регулированию при Комитете экономического механизма при ВСРП под руководством заместителя министра внешней торговли Д. Каради. Он возглавил коллектив из 18 экономистов, ее деятельность тесно увязывалась с начатой подготовкой изменений в венгерской экономике. В мае 1965 г. группа подготовила для партийно-государственного руководства страны специальную справку. В ней отмечались диспропорции в торговых отношениях внутри восточного блока и на повестку дня ставился вопрос об обменном курсе при внешней торговле в рамках СЭВ, а также о формировании цены и отмене централизованного планирования для межгосударственных контрактов для конкретных внешнеторговых объединений [33. 2 old.]. Во второй половине 1965 г. критика ситуации в СЭВ получила уже публичное освещение в статье члена Рабочей группы и руководителя отдела Института экономики АН Венгрии Ш. Ауша «Международное разделение труда и экономический механизм». В ней фактически проводилась мысль о необходимости введения рыночных законов в экономике как внутри государств восточного блока, так и во внешнеторговых операциях между ними, но при демонстративно упоминавшейся автором идеологически «выверенной» приверженности самой идее планирования [19. 827 old.]. Во второй половине 1965 г. тема

²⁴ Российский специалист по истории Румынии Т.А. Покивайлова отметила в этой связи, что в действительности румынским властям «нужен был предлог, чтобы открыто заявить о своей позиции и несогласии с рядом положений, выдвигаемых другими странами, входившими в СЭВ» и, приведя документы из личного архива Э.Б. Валева, исследовательница отвергла участие в любой форме советских властей в инициировании или подготовке материала этой статьи (см. в [11. С. 26–29]). Впоследствии сам Мурджеку заявил: «Однако как экономист, а не как патриот, я вынужден признать, что Валев сформулировал тезис, который можно было защитить экономически. И, кстати, кажется актуальнее, чем когда-либо» (см. [41. Р. 190]) (см. также [9. С. 87–110]).

²⁵ Имелся в виду Пленум ЦК ВСРП, состоявшийся 8–10 декабря 1964 г.

изменений в экономической политике ВСРП и планируемых мерах в публичном пространстве страны начала приобретать более четкие формы. С одной стороны, это выразилось в стремлении партруководства подчеркнуть идеологическую обоснованность предпринимаемых мер [37. 1–10 old.], а с другой — уже в открытом использовании на страницах партийной и академической печати термина «реформа» [42. 10–29 old.].

Однако если в венгерском случае вопрос о реформах приобретал в 1965 г. пропагандистскую публичность, то в болгарском он пока сохранялся на уровне внутриинституциональных партийных и академических обсуждений. В представленной на заседании Политбюро ЦК БКП 5 января 1965 г. специальной справке, подвергнутой рукописной правке, о результатах введения разработанных мер в виде эксперимента на некоторых предприятиях ряда отраслей болгарской экономики, сообщалось о том, что «новая система планирования и руководства народным хозяйством не может проявиться целостно и показать полностью свои преимущества из-за того, что она используется на ограниченном круге предприятий»²⁶. Переход к «новой системе» был закреплен на политическом уровне в виде опубликованных тезисов ЦК БКП «Основные положения новой системы планирования и управления народным хозяйством». Их обсуждение в болгарской печати и в кругах партийно-хозяйственного руководства проходило вплоть до Пленума ЦК БКП, состоявшегося 26–27 апреля 1966 г. и фактически одобрявшего эту программу действий. 10 июня 1966 г. Совет министров НРБ принял постановление об «Основных положениях новой системы управления народным хозяйством» и с 1967 г. она должна была быть внедрена во все отрасли болгарской экономики.

Для Болгарии, активно развивавшей тяжелую промышленность, экономическая реформа являлась важным фактором национальной экономики. Аналогичная ситуация складывалась и для Румынии, которая на протяжении 1960–1965 гг. проходила «новую волну ускоренной индустриализации», а с приходом к власти 22 марта 1965 г. Н. Чаушеску после смерти Г. Георгиу-Дежа это направление развития усилилось [44. Р. 83]. Принятие 21 августа 1965 г. новой конституции, в соответствии с которой из народной республики Румыния превращалась в социалистическую, а Румынская рабочая партия — в коммунистическую, сопровождалось проведением соответствующей экономической политики Н. Чаушеску, рассматривавшего усиление позиций Румынии как гарантию укрепления собственной власти. Одним из первых признаков наступавших изменений в экономике стал ряд тезисов в выступлении главы РКП, состоявшемся 1 июня 1966 г. перед рабочими-машиностроителями. Он, в частности, заявил, что планировавшаяся на начало новой пятилетки партийная конференция «будет способствовать лучшему пониманию материального и человеческого потенциала»²⁷. Более того, особое внимание обращалось на тему материального стимулирования как в целом работников, так и предприятий: Чаушеску признал важность материального интереса, «который играет очень большую роль на нынешнем этапе строительства социализма

²⁶ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А.е. 5725. Л. 12. Протокол № 6 от 5 января 1965 г. от заседание на Политбюро (ПБ) на ЦК на БКП // URL: www.politburo.archives.bg/bg/2013-04-24-11-12-48/dokumen ti/1960-1969/1382--6-5-1965-

²⁷ Cuvintare la consfătuirea pe țară a lucrătorilor din industria construcțiilor de mașini. 1 iunie 1966 // *Ceaușescu N. România pe drumul desăvârșirii construcției socialiste. (Iulie 1965 – septembrie 1966). București, Editura Politică, 1966. Vol. 1 P. 439.*

и в течение длительного периода жизни»²⁸. Однако эти общие пока заявления румынского руководителя делались в момент, когда в двух других странах – Болгарии и Румынии – уже начали разрабатываться конкретные шаги.

На заседании Политического комитета (аналог советского Политбюро) ЦК ВСРП 10 мая 1966 г. возникла дискуссия по поводу приглашения на заседание ЦК по вопросам реформы специалистов. Р. Ньерш в жесткой форме заявил о том, что должны быть приглашены либо все специалисты, либо никто, но не выборочно²⁹. Отвечая тем из партийного руководства, кто видел в самом факте публичного признания проводимых реформ угрозу дестабилизации положения, Ньерш заметил: «Мы не можем держать инструкции в секрете, их нужно распечатать и передать в государственные органы»³⁰. Одновременно он пошел на компромисс, согласившись не публиковать пока материалы в прессе, передав ограниченное число копий в соответствующие ведомства, что являлось уступкой консервативной фракции во главе с Б. Биску, настаивавшей на этом³¹. Симптоматичным было обращение к выбору термина: «реформа системы управления» или «реформа экономического механизма». Попытки представить планировавшиеся действия как «дальнейшее развитие руководства» или «совершенствование механизма»³² были отвергнуты Р. Ньершем, которого поддержал Л. Фехер, выступивший за определение «реформа экономических механизмов»³³. Прошедший 25–27 мая 1966 г. расширенный пленум ЦК ВСРП, в повестке дня которого были «Основные направления реформирования хозяйственного механизма», принял решение о том, что сутью нового экономического механизма, который предстояло окончательно ввести с 1 января 1968 г., являлась «органическая связь между плановым централизованным управлением народным хозяйством и товарными отношениями на основе социалистической собственности»³⁴. Таким образом, венгерские реформаторы пытались ослабить критику в свой адрес со стороны местных консервативных сил и не допустить подозрений у Кремля. Их расчет делался на использование рыночных механизмов в социалистической экономике. Экономическая реформа, которая была названа в ВНР «новым экономическим механизмом» (*új gazdasági mechanizmus*), включала сокращение роли централизованного планирования, сведение его к общим индексам в рамках национальной экономики и отраслей; усиление самостоятельности предприятий в планировании производства и инвестировании. Вводились либерализация цен на отдельные продукты и товары, представлявшие повышенный спрос на рынке при параллельном сохранении фиксированных цен на многие другие товары; гибкая шкала оплаты труда в соответствии с нуждами предприятий в установленных ими пределах при отказе от централизованной системы заработной платы; уравнивалась в правах кооперативная и государственная собственность, используемая для производства. Реформа имела достаточно радикальный

²⁸ Cuvintare. P. 453.

²⁹ Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (MNL OL) F. 288. Cs. 5. Ó. e. 395. Old. 11–12. Jegyzőkönyv a Politikai Bizottság 1966. május 10-én tartott üléséről // URL: www.adatbazisokonline.hu/pdfview2?file=static/documents/mszmp_mdp/HU_MNL_OL_M-KS_288_05_03950.pdf#search=&page=1

³⁰ MNL OL. 14 old.

³¹ MNL OL. 15 old.

³² MNL OL. 18 old.18.

³³ MNL OL. 19 old. 19.

³⁴ A Magyar Szocialista Munkáspárt Központi Bizottságának határozata a gazdasági mechanizmus reformjáról // A gazdasági mechanizmus reformja. A Magyar Szocialista Munkáspárt Központi Bizottsága 1966. május 25–27-ei ülésének anyaga. Budapest, Kossuth Kiadó, 1966. 14–15 old.

для коммунистической системы того времени характер. Однако, как справедливо отмечали венгерские исследователи уже много позже, «концепция реформы означала не отказ от планирования, а новый вид органического единства плана и рынка, который, согласно решению, должен был быть составлен таким образом, чтобы условия работы и правила рынка определялись согласованными решениями в хозяйственном отношении» [48. 99 old.].

На заседании ПК, состоявшемся 7 июня 1966 г., был специально рассмотрен вопрос о «Реформе хозяйственного механизма и задачах пропаганды третьей пятилетки»³⁵. Прошедший 28 ноября – 3 декабря 1966 г. IX съезд ВСРП легитимировал избранный ее руководством экономический курс. Подготовка реформы продолжилась весной следующего года уже с принятием конкретных мер. На заседании 7 марта 1967 г. ПК заслушал «информацию о руководящих принципах реформы потребительских цен на 1968 г. и график подготовки»³⁶, а уже 6 июня рассмотрел и принял проект документа «Основные направления экономической политики в период внедрения нового механизма»³⁷. 24 октября 1967 г. на заседании ПК было принято решение обсудить эту тему на заседании парламента в рамках вопроса о бюджете на 1968 г., т. е., не выделяя ее, вероятно, с целью избежать акцента на ней как с учетом внутривнутриполитических условий страны, так и принимая во внимание возможные подозрения Москвы.

Вынужденность предпринимавшихся шагов была очевидна и, как отмечали венгерские исследователи, начиная «с 1960 до конца 1967 г. внутреннее потребление постепенно превышало произведенный национальный доход, и, за исключением 1966 г., наш внешнеторговый баланс закончился дефицитом» [38. 52 old.]. Индустриализация с начала 1950-х годов предопределила высокие темпы развития венгерской промышленности, но создала одновременно много социальных проблем, обозначившихся и в ходе событий 1956 г., а к началу 1960-х годов стала очевидной в целом исчерпанность экстенсивного пути развития. Именно необходимость пересмотра прежней политики являлась основным фактором, влиявшим на принимавшиеся партийно-государственным руководством Болгарии, Венгрии и Румынии меры.

В последней из трех стран на первом этапе, начавшемся зимой 1967 г. и с явным опозданием по сравнению с Венгрией и Болгарией, это привело к организационно-партийным подготовительным мероприятиям в рамках высших органов РКП. 23–24 января 1967 г. в Секретариате ЦК РКП прошло закрытое заседание с секретарями по экономическим вопросам и руководителями экономических отделов обкомов партии по вопросам методов работы партийных органов при выполнении хозяйственных задач. В публичном общественном пространстве страны идея изменений в области экономики получила освещение с публикацией решения Пленума ЦК РКП, состоявшегося 5–6 октября 1967 г. Он принял проект документа об изменении административно-территориального устройства, который 16 февраля 1968 г. Великое

³⁵ MNL OL. F. 288. Cs. 5. Ó. e. 397. 7 old. Jegyzőkönyv a Politikai Bizottság 1966. június 7-én tartott üléséről // URL: www.adatbazisokonline.hu/pdfview2?file=static/documents/mszmp_mdp/HU_MNL_OL_M-KS_288_05_03970.pdf

³⁶ MNL OL. F. 288. Cs. 5. Ó. e. 419. 10 old. 10. Jegy-zőkönyv a Politikai Bizottság 1967. március 7-i üléséről // URL: www.adatbazisokonline.hu/pdfview2?file=static/documents/mszmp_mdp/HU_MNL_OL_M-KS_288_05_04190.pdf

³⁷ MNL OL. F. 288. Cs. 5. Ó. e. 26. Old. 155–276. Jegyzőkönyv a Politikai Bizottság 1967. június 6-án tartott // URL: www.adatbazisokonline.hu/pdfview2?file=static/documents/mszmp_mdp/HU_MNL_OL_M-KS_288_05_04260.pdf#search=&page=155

национальное собрание приняло в виде закона № 2 с целью, как было заявлено, его совершенствования, а также «систематизации сельских населенных пунктов»³⁸. Используемая в документе аргументация носила экономический характер, в нем отмечалось, что «то, как новые промышленные объекты были размещены в текущем пятилетнем периоде, позволяет создать промышленную базу в 70-и из нынешних районов, лишенных промышленности или имеющих слабо развитую промышленность, что будет иметь благоприятные последствия для всей страны»³⁹. Отдельно отмечались действия партийно-государственного руководства по развитию аграрных районов и необходимости развития мелкой (кустарной) промышленности в них⁴⁰.

Сами направления экономических преобразований были сформулированы в речи Н. Чаушеску 6 декабря 1967 г. на национальной конференции, проходившей 6–8 декабря. В его «Докладе о мерах по совершенствованию управления и планирования национальной экономики, а также по улучшению административно-территориальной организации Румынии» заявлялось о «мерах по совершенствованию управления и планирования народным хозяйством, методах организации и управления общественной жизнью, соответствующих новому этапу социалистического развития страны»⁴¹. В нем утверждалось, что «исходя из материалистической концепции, которая показывает, что решающим фактором социального прогресса, процветания национальной экономики и повышения уровня жизни населения является поступательное развитие производительных сил, наша партия сосредоточила все усилия на социалистической индустриализации страны»⁴². При этом, обращаясь к теме организации руководства экономики, глава РКП заявил, что с учетом негативного отношения в целом в коммунистических странах к термину «реформа» применительно к существовавшим реалиям, лучше говорить не о реформировании экономики, а о «совершенствовании экономической организации и руководства»⁴³. Главными пунктами программы экономических преобразований объявлялись сохранение и совершенствование плановых основ хозяйства; «усиление роли плана в управлении социально-экономическими процессами»; «достижение максимально рационального соотношения между производством товаров народного потребления и производством средств производства»; сочетание категории стоимости с социалистической плановой экономикой; создание крупных промышленно-экономических объединений и усиление их самостоятельности при планировании и использовании финансово-кредитных ресурсов; совершенствование системы ценообразования за счет увеличения производительности труда, сокращения затрат и снижения цен; повышение экономической эффективности⁴⁴. Принятый 26 декабря 1967 г. Великим национальным собранием СРР закон № 22 возлагал ответственность на

³⁸ По поводу этой реформы, приведшей в целом к восстановлению довоенной системы территориального деления Румынии, существуют различные оценки.

³⁹ *Principiile de bază adoptate de plenara C.C. al P.C.R. cu privire la îmbunătățirea organizării administrativ-teritoriale a României și sistematizarea localităților rurale – 5–6 octombrie 1967*. Proiect. București: Editura Politică, 1967. P. 8.

⁴⁰ *Principiile*. P. 18.

⁴¹ *Raportul cu privire la măsurile de perfecționare a conducerii și planificării economiei naționale și la îmbunătățirea organizării administrativ-teritoriale a României*. Prezentat la Conferința Națională a P.C.R. 6 decembrie 1967 // *Ceaușescu N. România pe drumul desăvârșirii construcției socialiste*. Rapoarte, cuvântări, articole (Septembrie 1966–decembrie 1967). București: Editura Politică, 1968. Vol. 2. P. 505.

⁴² *Raportul*. P. 510.

⁴³ *Raportul*. P. 531.

⁴⁴ *Raportul*. P. 532, 535, 537, 539, 544, 553.

Совет министров за подготовку мер по постепенному переходу к новой системе управления хозяйством и экономического планирования сроком до 31 декабря 1969 г. В ходе реализации постановления основными «звеньями» управленческой цепи стали предприятие, группа предприятий (промышленные комплексы), министерство экономики и специально созданный Экономический совет, возглавлявшийся М. Мэнэску. Этот орган вскоре стал дублировать Совет министров. В соответствии с задачами «совершенствования организации управления» экономикой на предприятиях создавались рабочие советы как часть «коллективного управления», в них входили специалисты, рабочие и мастера. Разумеется, функции и полномочия этих органов были ограничены. Одновременно в партийных территориальных органах усиливалась роль и ответственность секретарей, отвечавших за хозяйственно-экономическую деятельность. Сам Н. Чаушеску по результатам работы конференции был избран на пост председателя Государственного совета, сконцентрировав таким образом партийную и государственную власть в собственных руках.

В 1968 г. был принят специальный закон о функциях и полномочиях Государственного планового комитета (ГПК), в соответствии с которым расширялись его обязанности по надзору за исполнением плана с правом внесения в него изменений. Одновременно подготовка планирования в новых условиях осуществлялась «снизу-вверх» – от предприятия и в министерство, а ГПК предстояло координировать этот процесс, сводя показатели воедино. Комитет так же получал исключительное право в распределении ресурсов, что ранее входило в компетенцию Совета министров. Продолжением реструктуризации в организации хозяйственной жизни страны стало создание в 1969 г. своего рода производственно-хозяйственных комплексов (*centrale*), число которых к 1972 г. было около 200, они объединяли предприятия одного профиля в соответствующей административно-территориальной части страны, выступая промежуточным звеном между отдельными предприятиями и отраслевым министерством. Эти комплексы играли важную роль в планировании, распределяя конкретные задания в рамках своих полномочий и определяли количественные и качественные показатели [29. Р. 3–6; 39. Р. 171–199]. В полном объеме изменения в руководстве и экономикой ее организации должны были войти в силу, как об этом говорилось выше, в конце 1969 г.

Международная ситуация, сложившаяся после подавления в августе 1968 г. реформаторского движения в Чехословакии войсками Варшавского пакта (без участия Румынии), серьезно повлияла в целом на атмосферу в странах восточного блока. Руководство СССР и консервативные силы в партийно-государственном руководстве государств – участников ОВД крайне подозрительно относились к малейшим намекам на реформы коммунистической системы. В этой связи внимание как в восточном блоке, так и за его пределами привлекала ситуация в Румынии. Проходивший 6–12 августа 1969 г. X съезд РКП был призван сыграть важную роль в политической легитимации задач и целей экономического курса, официально не включавшего понятия «реформы». Выступивший с докладом премьер-министр И. Маурер, во-первых, заявил о том, что «современное состояние национальной экономики, уровень и структура его отраслей, ресурсы, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют нам ставить в перспективе следующего десятилетия такие масштабные цели и задачи, чтобы мы становились все ближе и ближе к странам с развитой экономикой»⁴⁵, в связи с чем он

⁴⁵ Congresul al X-lea al Partidului Comunist Român – 6–12 august 1969. București: Editura Politică, 1969. P. 93.

прогнозировал достижение румынской экономикой к 1980 г. структуры и уровня развития, «очень близких к индустриально развитому обществу»⁴⁶.

Во-вторых, он обратил особое внимание на то, что румынское партийно-государственное руководство отметило «лидирующие позиции промышленности во всей системе национальной экономики» «как отличительный элемент ожидаемых структурных улучшений» и «как движущую силу всех отраслей экономики, как активизирующий фактор всей общественной жизни»⁴⁷. Предполагалось также добиться серьезного прогресса в развитии аграрного сектора за счет «значительного расширения и модернизации материально-технической базы сельского хозяйства, увеличения количества специалистов и повышения квалификации рабочих»⁴⁸. Экономическая тема была и в центре заседаний Пленума ЦК РКП, состоявшегося 10–13 декабря 1969 г., а в конце декабря 1969 г. Великим национальным собранием был принят закон № 74 «О расширении применения Закона № 22/1967 г. о некоторых мерах по совершенствованию управления и планирования народного хозяйства».

Членство как Болгарии, так и двух других стран – Венгрии и Румынии – в СЭВ в конце 1960-х годов все более приобретало наряду с экономическим и политический характер. Внутриэкономические реформы требовали изменений во внешнеэкономических отношениях стран, преимущественно ориентированных на сотрудничество в рамках СЭВ. На прошедшем 14 мая 1968 г. заседании ПК ЦК ВСРП в этой связи было принято решение поручить Я. Кадару и З. Комочину «составить письмо советским товарищам, в котором мы зададим некоторые вопросы, касающиеся наших отношений, и рекомендовать провести товарищеский обмен мнениями по ним в подходящее время. Компетентные товарищи изучат подготовленный и присланный нам польский материал об улучшении экономического сотрудничества между социалистическими странами и через неделю представят проект нашего ответа на него в Политический комитет»⁴⁹. Однако позже, во многом по настоянию З. Комочина, убеждавшего Я. Кадару отказаться от написания письма, способного спровоцировать конфликт между Москвой и Будапештом, и вместо этого ставить вопросы перед советским руководством «по мере их поступления», это послание так и не было написано⁵⁰ [34. 133 old.]. Тем не менее реформаторская часть руководства ВСРП обнародовала необходимость проведения изменений в СЭВ. Решительный шаг в этом направлении был сделан лично Р. Ньершем в его публичном выступлении на следующий день после начала заседания Исполкома СЭВ в Берлине перед партийным активом 22 января 1969 г. в Академии при ЦК ВСРП, называвшемся «Теоретические и практические вопросы социалистической экономической интеграции». Фактически «Ньерш не скрывал: он довел до сведения общественности страны и всего мира ранее секретное венгерское предложение по реформе СЭВ» [34. 139 old.]. Суть венгерской позиции заключалась в децентрализации планирования, усилении самостоятельности предприятий, выходявших на внутрисэвовский рынок, полной «монетизации»

⁴⁶ Congresul al X-lea. P. 113.

⁴⁷ Congresul al X-lea. P. 95.

⁴⁸ Congresul al X-lea. P. 99.

⁴⁹ MNL OL. F. 288. Cs. 5. Ó. e. 455. 3 old. a Politikai Bizottság 1968. május 14-én megtartott üléséről // URL: www.adatbazisokonline.hu/pdfview?file=static/documents/mszmp_mdp/HU_MNL_OL_M-KS_288_05_04550.pdf#search=&page=1

⁵⁰ Подробнее о малоизвестных фактах участия Венгрии в СЭВ, планах реформирования и существовавших разногласиях см. в [35. P. 239–271; 36].

внешнеторговых операций в СЭВ, усилении интеграции за счет активного расширения совместных предприятий как самостоятельных производственных и торговых объединений и т.д. Вскоре после выступления Р. Ньерша вышла книга одного из участников экспертной группы по подготовке экономической реформы Ш. Ауша «Состояние, механизм и перспективы сотрудничества СЭВ», в которой достаточно откровенно и с определенным критическим подходом к существовавшим проблемам рассматривалась деятельность этой организации [18].

Принятие в июле 1971 г. на XXV сессии СЭВ в Бухаресте «Комплексной программы дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран – членов СЭВ» в соответствии с решениями XXIII сессии (апрель 1969 г., Москва) в действительности не решило вопросов, которые ставились сторонниками реформы организации⁵¹.

Для Румынии членство в СЭВ было важной составной частью экономической политики Н. Чаушеску, который параллельно ориентировался на активное участие СРР в международных экономических организациях, способных обеспечить ему большую независимость в рамках восточного блока и проведение самостоятельной экономической политики. В 1971 г. СРР присоединилась к Генеральному соглашению по тарифам и торговле, а в 1972 г. присоединилась к Международному валютному фонду, став первой страной СЭВ – членом этой организации.

Проведение реформ в трех странах – Болгарии, Венгрии и Румынии – к первой половине 1970-х годов начало постепенно и непублично свертываться как по экономическим, так и политическим соображениям, основными причинами чего стала половинчатость проводимых мероприятий, мировой кризис 1973 г., а также доктринально-идеологические ограничения коммунистических режимов, усиливавшиеся в период конфронтации в холодной войне.

По мере проведения экономических изменений, названных «совершенствованием и улучшением» организации управления, уже к 1972 г. в Румынии процесс начал приобретать «обратный характер», что было связано с невозможностью в условиях коммунистического режима с его политической и экономической централизацией, партийным «руководством» и контролем над экономикой реализовывать даже квазирыночные преобразования. Сами румынские исследователи позже отмечали, что «незамедлительно обнаруженные зарождающиеся тенденции дестабилизации были остановлены повторным введением все более жестких ограничений, подчеркнув до крайности, до абсурда централизм в управлении экономикой» [32. Р. 199].

Для Венгрии также продвижение реформы, помимо собственно экономического аспекта, затрагивало, как становилось очевидно и для зарубежных экспертов, идейно-политическое измерение, в связи с чем они отмечали, что «принципиальный спор, по-видимому, ведется между теми, кто уделяет первоочередное внимание устранению социального неравенства, и теми, кто подчеркивает примат экономической эффективности как единственного средства, которое может достичь этой цели»⁵². Именно это противоречие уже в 1972 г. привлекло внимание и советской стороны, все более подозрительно относившейся после

⁵¹ Подробнее см. в [8].

⁵² Whither Reform in Hungary? 25 February 1972. P. 1. HU OSA 300-8-3-3773; Records of Radio Free Europe/Radio Liberty Research Institute: Publications Department: Background Reports; Open Society Archives at Central European University, Budapest // URL: www.hdl.handle.net/10891/osa:32d75d2b-73c6-49af-9838-3aab44a150e6

Пражской весны к любым либерально выглядевшим реформам, а также начавшийся в 1973 г. кризис в мировой экономике, повлиявший на экономическую ситуацию в Венгрии из-за произошедших «неблагоприятных изменений, к которым национальная экономика не смогла хорошо адаптироваться отчасти по внутренним причинам» [43. 6 old.]. Как характеризовал происходившее сам Р. Ньерш в начале 1980-х годов, все это сыграло свою роль в постепенном усилении консервативных сил в руководстве ВСРП (во главе которых, и о чем он, разумеется, тогда не сообщал публично, стояли Б. Биску, З. Комочин и др.) и фактическом снятии в марте 1974 г. со своих постов реформаторов – Р. Ньерша, М. Айтаи, Л. Фехера, Д. Ацела и др. Несмотря на официальное сохранение курса в рамках «нового экономического механизма», сам процесс развития реформы не получил дальнейшего развития.

Аналогичная ситуация складывалась и с болгарским опытом экономических реформ, характеризуя которые, зарубежные аналитики, обращаясь к особенностям проводившейся руководством БКП экономической политики, отмечали летом 1972 г., что советское руководство желало бы представить болгарскую модель экономических реформ «как если не оптимальную, которой надо следовать другими в Восточной Европе, то по крайней мере как ту, которая выступает в качестве альтернативы реформам децентрализации, имевшим место в некоторых других странах Восточной Европы, таких как Венгрия и Югославия»⁵³. На непродолжительное время введенная болгарским партийно-государственным руководством система сыграла положительную роль с точки зрения улучшения темпов роста экономики и ее отдельных отраслей, однако, как и в других странах восточного блока, где проводились подобные мероприятия, реформа была фактически свернута.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БКП – Болгарская коммунистическая партия
ВСРП – Венгерская социалистическая рабочая партия
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
НРБ – Народная Республика Болгария
ОВД – Организация Варшавского договора
ПК – Политический Комитет
РКП – Румынская коммунистическая партия
СРР – Социалистическая Республика Румыния
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СЭВ – Совет Экономической Взаимопомощи
ЦК – Центральный Комитет
MSZMP – Magyar Szocialista Munkáspárt
PMR – Partidul Muncitoresc Român

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Българска Народна банка. Сборник документи. София: Образование и наука ЕАД, 2009. 1948–1990. Т. 5. Ч. IV. 672 с.
Централен държавен архив (ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 561, 562, 574, 591, 599, 603. Оп. 6. А.е. 5725 // URL: www.politburo.archives.bg/bg
A gazdasági mechanizmus reformja. A Magyar Szocialista Munkáspárt Központi Bizottsága 1966. Május 25–27-ei ülésének anyaga. Budapest: Kossuth Kiadó, 1966. 78. Old.

⁵³ Bulgaria: Conformity and Change, 22 June 1972. Н. 2. HU OSA 300–8–3–836; Records of Radio Free Europe/Radio Liberty Research Institute: Publications Department: Background Reports; Open Society Archives at Central European University, Budapest // URL: www.hdl.handle.net/10891/osa:2714b1bc-2b4b-4191-864c-d09d13b2551c

- Ceașescu N.* România pe drumul desăvârșirii construcției socialiste. (Iulie 1965-septembrie 1966). București: Editura Politică, 1966. Vol. 1. 622 p.
- Ceașescu N.* România pe drumul desăvârșirii construcției socialiste. Rapoarte. Cuvântări, articole (Septembrie 1966-decembrie 1967). București: Editura Politică, 1968. Vol. 2. 617 p.
- Congresul al X-lea al Partidului Comunist Român – 6–12 august 1969. București: Editura Politică, 1969. 781 p.
- Declarația cu privire la poziția Partidului Muncitoresc Român în problemele mișcării comuniste și muncitorești internaționale // *Scânteia*, 26.04.1964.
- Declarație cu privire la poziția Partidului Muncitoresc Român în problemele mișcării comuniste și muncitorești internaționale adoptată de Plenara lărgită a CC al PMR din aprilie 1964. București: Editura Politică, 1964. 34 p.
- Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (MNL OL) 288. F. 5. Cs. 26. 395, 397, 419, 455. Ő.e. // URL: www.adatbazis.hu/adatbazis/mzmp-jegyzoikonnyvek/kereses?term=eyJxIjoiIiwZnEiOnsiZGJfaWQlOnsiZDZiYWY2NWUwYjI0MGNiMTc3Y2Y3MGRhMTQ2YzhkYzgiOiIyNjQifX0sInNvcnQiOiJzY29yZSIsImFjIjoiVEVTVFVMRVQ9UG9saXRpa2FpIEJpem90HPD0WciLCJhcVR5cGUiOiJhZHZhbmNIZFRlcm0ifQ%3D%3D
- Open Society Archives at Central European University, Budapest. Records of Radio Free Europe/Radio Liberty Research Institute: Publications Department: Background Reports. HU OSA 300-8-3-3773; HU OSA 300-8-3-836 // URL: www.hdl.handle.net/10891/osa:2714b1bc-2b4b-4191-864c-d09d13b2551c
- Principiile de bază adoptate de plenara C.C. al P.C.R. cu privire la îmbunătățirea organizării administrativ-teritoriale a României și sistematizarea localităților rurale – 5–6 octombrie 1967. Proiect. București: Editura Politică, 1967. 32 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баева И.* «Сближението» между България и Съветския съюз (1963–1973) // Баева И., Калинова Е. 16-а република ли? Изследвания и документи за българо-съветските отношения след Втората световна война. София: Издателство «Изток-Запад», 2017. С. 36–51.
2. *Бонев С.* Времето, в което живях, и хората, с които работих. София: Нови хоризонти, 2001. 456 с.
3. *Валев Э.Б.* Проблемы экономического развития придунайских районов Румынии, Болгарии и СССР // *Вестник Московского Университета. Сер. V. География.* 1964. № 2. 56–64 с.
4. *Волокитина Т.В.* Болгария – «16-я республика СССР»: замыслы и действительность. 1960-е годы // *Новая и новейшая история*, 2012. № 6. С. 21–41.
5. *Гладышева А.* Формирование «особого курса» Румынии в социалистическом лагере (середина 1950-х – начало 1960-х гг.) // *Гуманитарные и юридические исследования.* Ставрополь. 2014. № 2. С. 28–34.
6. *Гладышева А.* Советские планы экономической интеграции в рамках СЭВ и позиция румынского руководства (середина 1950-х – середина 1960-х гг.) // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 2015. Т. 6. Вып. 11 (44) // URL: www.history.jes.su/s207987840001541-4-1
7. *Иванов М.* Реформаторство без реформы. Политическата икономия на българския комунизъм 1963–1989 г. София: Сиела, 2008. 316 с.
8. *Липкин М.А.* Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М.: Весь мир, 2019. 184 с.
9. *Марчева-Атанасова И.* Историята на плана «Валев» или още по въпроса за румынско-съветските отношения през първата половина на 60-те години на ХХ в. // *Исторически преглед.* 2016. № 5–6. С. 87–110.
10. *Матеев Е.Г.* Международное социалистическое разделение труда и народнохозяйственное планирование. М.: Экономика, 1965. 92 с.
11. *Покивайлова Т.А.* «План Валева» (по документам из личного архива Э.Б. Валева) // *Материалы международного «круглого стола» «Советско-румынские экономические отношения после Второй мировой войны».* București, 2017. С. 26–29.
12. *Социалистическое международное разделение труда / под общ. ред. И.П. Олейника.* М.: Экономиздат, 1961. 350 с.
13. *Стыкалин А.* Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953–1964) // *Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова*

- (1930–2005): Сборник статей / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 371–395.
14. *Тыкалин А.* Проекты регионального сотрудничества черноморских и балканских государств и позиция СССР (1950-е – начало 1960-х годов) // *Studia Balcanica*. К юбилею Р.П. Гришиной / отв. ред. А.Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 323–339.
  15. *Шик О.* Экономика. Интересы. Политика. М.: Прогресс, 1964. 512 с.
  16. *Яхвел Н.* Тодор Живков и личната власт. Спомени, документи, анализи. София: М-8-М, 1997. 447 с.
  17. A gazdasági irányítási rendszer átalakításáról // *Népszabadság*. 1965. 25 IV/
  18. *Ausch S.* A KGST-együttműködés helyzete, mechanizmusa, távlatai. Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1969. 305 old.
  19. *Ausch S.* Nemzetközi munkamegosztás és gazdasági mechanizmus // *Közgazdasági Szemle*. 1965. Sz. 7–8. 827–847 old.
  20. *Bornemann N.* Bulgarien // *Osteuropa*. 1965. Vol. 15. No 1–2. P. 95–105.
  21. *Buga V.* Lumini și umbre. Relațiile economice româno-sovietice, 1965–1989. București: Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, 2019. 452 p.
  22. *Buga V.* Pe muchie de cuțit. Relațiile româno-sovietice. 1965–1989. București: Editura Institutului Național pentru Studiul Totalitarismului, 2013. 423 p.
  23. *Buga V.* Sub lupa Moscovei. Politica externă a României. 1965–1989. București: Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, 2015. 330 p.
  24. Concepții potrivnice principiilor de bază ale relațiilor economice dintre țările socialiste. Despre «Complexul economic interstatal», în general, și despre concretizarea lui «dunăreană» // *Probleme ale relațiilor economice dintre țările socialiste*. Biblioteca «Viața economică». 1964. No 23 (43). P. 5–31.
  25. *Chavance B.* La théorie de l'économie socialiste dans les pays de l'Est entre 1917 et 1989 // *Nouvelle histoire de la pensée économique* / A. Béraud, G. Faccarello (eds.), Paris: La Découverte, 1993. Vol. 2. P. 235–262.
  26. *Chavance B.* L'analyse des systèmes économiques socialistes et la problématique de la régulation // *Revue d'études comparatives Est-Ouest* / 1990. Vol. 21. No 2. P. 235–151.
  27. Concepții potrivnice principiilor de bază ale relațiilor economice dintre țările socialiste. Despre «Complexul economic interstatal», în general, și despre concretizarea lui «dunăreană» // *Viața Economică*. 1964. No 23 (43). P. 5–43.
  28. *Croitor M.* În umbra Kremlinului. Gheorghe Gheorghiu-Dej și geneza Declarației din aprilie 1964. Cluj-Napoca: Editura Mega, 2012. 549 p.
  29. *Demekas D.G., Khan M.S.* The Romanian Economic Reform Program. IMF occasional paper no. 89. Washington: International Monetary Fund, 1991. 56 p.
  30. *Dragomir E.* Cold War Perceptions: Romania's Policy Change towards the Soviet Union, 1960–1964. London: Cambridge Scholars Publishing, 2015. 290 p.
  31. *Dragomir E.* The Formation of the Soviet Bloc's Council for Mutual Economic Assistance: Romania's Involvement // *Journal of Cold War Studies*. 2012. Vol. 14. No 1. P. 34–47.
  32. *Duma M.* Cercetarea, industria, economia României și conexiunile lor: Diagnoze, politici, solutii, noi abordari (1965–2004). București: SCIENTCONSULT and Editura AGIR, 2004. 428 p.
  33. *Feitl I.* Reform KGST szinten. Magyar tervezet a KGST átfogó, piaci reformjára 1966-ból. // *ArchívNet*, 12. évfolyam (2012) 2. Szám//URL: www.archivnet.hu/gazdasag/reform_kgst_szinten.html
  34. *Feitl I.* A nyilvánosság és feltételrendszere – 1968 // *Múltunk*, 2008. 'Evf. 53. Sz. 3. 128–156. old.
  35. *Feitl I.* Hungarian Plans to Reform the Council for Mutual Economic Assistance, 1967–1970 // *Influences, Pressures Pro and Con, and Opportunities: Studies on Political Interactions in and Involving Hungary in the Twentieth Century*, ed. Zoltán Ripp. Budapest: Napvilág Kiadó, 2014. P. 239–271.
  36. *Feitl I.* Talányos játszmák. Magyarország a KGST erőterében 1949–1974. Budapest: Napvilág Kiadó, 2016. 392 old.
  37. *Friss I.* Gazdaság és ideológia // *Valóság*. 1965. Sz. 1. 1–10 old.
  38. *Husztí E.* A forint vásárlóerejének alakulása (1946–1984) // *Egyetemi Szemle*, 1986. 8. évfolyam. 1. szám. 45–62 old.
  39. *Hohmann H.-H., Kaser M.C., Thalheim K.C.* The New Economic Systems of Eastern Europe. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1975. 585 p.

40. Kornai J. A gazdasági vezetés túlzott központosítása – Kritikai elemzés könnyűipari tapasztalatok alapján. Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1957. 206 old.
41. Lăzărescu D.A. Confesiuni. Dialoguri realizate de Radu Țoancă. Timișoara: Hestia, 1997. 255 p.
42. Nyers R. Gazdaságirányítás rendszerünk problémái // Társadalmi Szemle 1965. Sz. 7. 10–29 old.
43. Nyers R. Gazdaságpolitikánk és a marxista társadalomelmélet (Kivonat a Közgazdaságtudományi Egyetem Tudományos Diákköri konferenciáján tartott előadásból) // Egyetemi Szemle. 1981. Évf. 3. Sz. 2. 5–7 old.
44. Pașca V. Limitele raționalității în politica economică a României socialiste. Planul de perspectivă 1960–1975 // Studii și articole de istorie. 2015. Vol. 82. P. 73–85.
45. Šik O. Ekonomika, zájmy, politika: (jejich vzájemné vztahy do socialismu). Praha: Vydalo NPL, 1962. 587 p.
46. Šik O. K problematice socialistických zbožních vztahů. Praha: Ekonomický ústav ČSAV, 1964. 400 p.
47. Timár M. Költségvetés, pénzügyek, gazdaságirányítás. Budapest: Közgazdasági és Jogi, 1964. 189 old.
48. Verebics J. A verseny mint gazdasági és jogi probléma az 1968-as mechanizmus-reform első éveinek összefüggésében // Állam- és Jogtudomány, 2018. Évf. 59. Sz. 3. 98–120 old.

REFERENCES

- A gazdasági irányítási rendszer átalakításáról*// Népszabadság, 25.04.1965 (In Hungar.)
- Ausch S. *A KGST-együttműködés helyzete, mechanizmusa, távlatai*. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1969. 305 old. (In Hungar.)
- Ausch S. Nemzetközi munkamegosztás és gazdasági mechanizmus. *Közgazdasági Szemle*. 1965, sz. 7–8. (In Hungar.)
- Baeva I. «Sblizhenieto» mezhdy Bŭlgariya i Sŭvetskiya sŭyuz (1963–1973) // Baeva I., Kalinova E. *16-a republika li? Izsledvaniya i dokumenti za bŭlgaro-sŭvet-skite omosheniya sled Vtorata svetovna voïna*. Sofiya, Izdatelstvo «Iztok-Zapad», 2017. (In Bulgar.)
- Bonev S. *Vremeto, v koeto zhiviyakh, i khorata, s koito rabotikh*. Sofiya, Novi khorizonti, 2001. 456 s. (In Bulgar.)
- Bornemann N. *Bulgarien*. Osteuropa, 1965, vol. 15, no 1–2.
- Buga V. *Lumini și umbre. Relațiile economice româno-sovietice, 1965–1989*. București, Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, 2019, 452 s. (In Roman.)
- Buga V. *Pe muchie de cuțit. Relațiile româno-sovietice. 1965–1989*. București, Editura Institutului Național pentru Studiul Totalitarismului, 2013, 423 s. (In Roman.)
- Buga V. *Sub lupa Moscovei. Politica externă a României. 1965–1989*. București, Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, 2015, 330 s. (In Roman.)
- Chavance B. *La théorie de l'économie socialiste dans les pays de l'Est entre 1917 et 1989. Nouvelle histoire de la pensée économique*, A. Béraud, G. Faccarello (eds.), Paris, La Découverte, 1993, vol. 2.
- Chavance B. *L'analyse des systèmes économiques socialistes et la problématique de la regulation*. Revue d'études comparatives Est-Ouest, 1990, vol. 21, no 2.
- Conceptii potrivnice principiilor de bază ale relațiilor economice dintre țările socialiste. Despre «Complex economic interstatal», în general, și despre concretizarea lui «dunăreană»*. Viața Economică, 1964, no 23 (43). (In Roman.)
- Conceptii potrivnice principiilor de bază ale relațiilor economice dintre țările socialiste. Despre «Complex economic interstatal», în general, și despre concretizarea lui «dunăreană». Probleme ale relațiilor economice dintre țările socialiste*. Biblioteca «Viața economică», 1964, no 2. (In Roman.)
- Croitor M. *În umbra Kremlinului. Gheorghe Gheorghiu-Dej și geneza Declarației din aprilie 1964*. Cluj-Napoca, Editura Mega, 2012, 549 s. (In Roman.)
- Demekas D.G., Khan M.S. *The Romanian Economic Reform Program*. IMF occasional paper no. 89. Washington, 1991, 56 p.
- Dragomir E. *Cold War Perceptions: Romania's Policy Change towards the Soviet Union, 1960–1964*. London, Cambridge Scholars Publishing, 2015, 290 p.
- Dragomir E. *The Formation of the Soviet Bloc's Council for Mutual Economic Assistance: Romania's Involvement*. Journal of Cold War Studies, 2012, vol. 14, no 1.
- Duma M. *Cercetarea, industria, economia României și conexiunile lor: Diagnoze, politici, solutii, noi abordari (1965–2004)*. București, SCIENTCONSULT and Editura AGIR, 2004, 428 p. (In Roman.)
- Feitl I. *Reform KGST szinten. Magyar tervezet a KGST átfogó, piaci reformjára 1966-ból.* // ArchivNet, 12. évfolyam (2012) 2. szám. // URL: www.archivnet.hu/gazdasag/reform_kgst_szinten.html (in Hungar.)
- Feitl I. *A nyilvánosság és feltételrendszere – 1968*. Múltunk, 2008, evf. 53, sz. 3. (In Hungar.)

- Feitl I. *Hungarian Plans to Reform the Council for Mutual Economic Assistance, 1967–1970 // Influences, Pressures Pro and Con, and Opportunities: Studies on Political Interactions in and Involving Hungary in the Twentieth Century*, ed. by Zoltán Ripp. Budapest, Napvilág Kiadó, 2014.
- Feitl I. *Talányos játszmák. Magyarország a KGST erőterében 1949–1974*. Budapest, Napvilág Kiadó, 2016. 392 old. (In Hungar.)
- Friss I. *Gazdaság és ideológia*. Valóság, 1965, sz. 1. (In Hungar.)
- Gladysheva A. *Formirovaniye «osobogo kursa» Rumynii v sotsialisticheskoy lagere (seredina 1950-kh – nachalo 1960-kh gg.)*. Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. Stavropol', 2014, no 2. (In Russ.)
- Gladysheva A. *Sovetskiye plany ekonomicheskoy integratsii v ramkakh SEV i pozitsiya rumynskogo rukovodstva (seredina 1950-kh – seredina 1960-kh gg.)*. Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya», 2015, t. 6, vypusk 11 (44) // URL: www.history.jes.su/s207987840001541-4-1 (In Russ.)
- Husztí E. *A forint vásárlóerejének alakulása (1946–1984)*. Egyetemi Szemle, 1986, 8, évfolyam. 1, szám. (In Hungar.)
- Ivanov M. *Reformatorstvo bez reformi. Politicheskata ikonomiya na búlgarskiya komunizím 1963–1989 g.* Sofiya, Izd. «Siela», 2008, 316 s. (In Bulgar.)
- Kaser M. *Romania*. Hohmann H.-H., Kaser M.C., Thalheim K.C. The New Economic Systems of Eastern Europe. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1975.
- Kornai J. *A gazdasági vezetés túlzott központosítása – Kritikai elemzés könnyűipari tapasztalatok alapján*. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1957, 206 old. (In Hungar.)
- Lăzărescu D.A. *Fesfesiuni. Dialoguri realizate de Radu Țoancă*. Timișoara, Hestia, 1997, 255 p. (In Roman.)
- Lipkin M.A. *Sovet Ékonomicheskoi Vzaïmopomoshti: istoricheskii opyt al'ternativnogo global'nogo miroostroïstva (1949–1979)*. M., Ves' mir, 2019, 184 p. (In Russ.)
- Marcheva-Atanasova I. *Istoriyata na plana «Valev» ili oshte po vÛprosa za rumÛnsko-sÛvet-skite otnosheniya prez pÛrvata polovina na 60-te godini na XX v.* Istoricheski pregled, 2016, no 5–6. (In Bulgar.)
- Mateyev Ye. G. *Mezhdunarodnoe sotsialisticheskoe razdeleniye truda i narodnokhozyaystvennoe planirovaniye*. Moskva, Ekonomika, 1965, 92 p. (In Russ.)
- Nyers R. *Gazdaságirányítás rendszerünk problémái*. Társadalmi Szemle 1965, sz. 7. (In Hungar.)
- Nyers R. *Gazdaságpolitikánk és a marxista társadalomelmélet (Kivonat a Közgazdaságtudományi Egyetem Tudományos Diákköri konferenciáján tartott előadásból)*. Egyetemi Szemle, 1981, evf. 3, sz. 2. (In Hungar.)
- Pașca V. *Limitele raționalității în politica economică a României socialiste. Planul de perspectivă 1960–1975*. Studii și articole de istorie, 2015, vol. 82. (In Roman.)
- Pokivaylova T.A. *«Plan Valeva» (po dokumentam iz lichnogo arkhiva E.B. Valeva)*. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola «Sovetsko-rumynskiy ekonomicheskoye otnosheniya posle Vtoroy mirovoy voyny». București, 2017. (In Russ.)
- Sotsialisticheskoe mezhdunarodnoe razdeleniye truda*, pod obshch. red. I.P. Oleynika. Moskva, Ekonomizdat, 1961, 350 p. (In Russ.)
- Stykalin A. *Problemy sovetsko-rumynskikh otnosheniy i formirovaniya rumynskoy modeli sotsializma v materialakh Prezidiuma TSK KPSS (1953–1964)*. Slavyanstvo, rastvorennoye v krovi... V chest' 80-letiya so dnya rozhdeniya Vladimira Konstantinovicha Volkova (1930–2005): Sbornik statey, otv. red. K.V. Nikiforov, redkol. L. Ya. Gibianskiy, N.S. Pil'ko, Ye. P. Serapionova, A.L. Shemyakin. M., Institut slavyanovedeniya RAN, 2010. (In Russ.)
- Stykalin A. *Proyekty regional'nogo sotrudnichestva chernomorskikh i balkanskikh gosudarstv i pozitsiya SSSR (1950-ye – nachalo 1960-kh godov)*. Studia Balcanica. K yubileyu R.P. Grishinoy, otv. red. A.L. Shemyakin, redkol. Ye. P. Serapionova, Yu.V. Lobacheva, M., Institut slavyanovedeniya RAN, 2010. (In Russ.)
- Shik O. *Ekonomika. Interesy. Politika*. M., Progress, 1964, 512 p. (In Russ.)
- Šik O. *Ekonomika, zájmy, politika: (jejich vzájemné vztahy do socialismu)*. Praha, Vydalo NPL, 1962, 587 s. (In Czech.)
- Šik O. *K problematice socialistických zbožních vztahů*. Praha, Ekonomický ústav ČSAV, 1964, 400 s. (In Czech.)
- Timár M. *Költségvetés, pénzügyek, gazdaságirányítás*. Budapest, Közgazdasági és Jogi, 1964, 189 old. (In Hungar.)
- Valev E.B. *Problemy ekonomicheskogo razvitiya pridunayskikh rayonov Rumynii, Bolgarii i SSSR*. Vestnik Moskovskogo Universiteta, seriya V, geografiya, 1964, no 2. (In Russ.)
- Verebics J. *A verseny mint gazdasági és jogi probléma az 1968-as mechanizmus-reform első éveinek összefüggésében*. Állam- és Jogtudomány, 2018, evf. 59, sz. 3, old. 98–120. (In Hungar.)

Volokitina T. V. *Bolgariya – «16-ya respublika SSSR»: zamysly i deystvitel'nost'. 1960-ye gody.* / Novaya i noveyshaya istoriya, 2012, no 6. (In Russ.)

Yakhiel N. *Todor Zhivkov i lichnata vlast. Spomeni, dokumenti, analizi.* Sofiya, M-8-M, 1997, 447 p. (In Bulgar.)

Информация об авторе

Улунян Артем Акопович,

Доктор исторических наук,

главный научный сотрудник

Отдел региональной истории

Институт всеобщей истории РАН

г. Москва, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1861-4823>

E-mail: draugab345@gmail.com

Information about the author

Artyom A. Ulunyan,

DSc. (History) Historical Sciences

Chief Scientific Fellow Department

of Regional History

Institute World History of Russian

Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1861-4823>

E-mail: draugab345@gmail.com

Славяноведение, 2022, № 1, с. 83–94

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 1, pp. 83–94

DOI: 10.31857/S0869544X0018087-8

Оригинальная статья /
Original Article

П. Е. Шелест в оценке современной украинской историографии

© 2022 г. Е. Ю. Борисенко

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

vostslav@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются существующие в современной украинской историографии оценки Петра Ефимовича Шелеста, основные направления в изучении его деятельности на посту первого секретаря ЦК Коммунистической партии Украины (1963–1972 гг.), причины его отставки. Исследовано отношение современных украинских историков к ведущимся с 1970-х годов дискуссиям о том, считать ли Шелеста «национал-коммунистом» или представителем «украинского автономизма». Отмечено, что большинство специалистов современной Украины не расположены к тому, чтобы считать Шелеста ортодоксальным национал-коммунистом, но подчеркивают «автономность» действий Шелеста и его несогласие с некоторыми направлениями политики союзных властей. В украинской литературе отмечается, что Шелест вполне серьезно воспринимал федеративную структуру СССР и отстаивал национальные интересы и права Украинской ССР. Одновременно подчеркивается, что Шелест, хотя и вел себя зачастую независимо, был убежденным проводником линии центра, твердым и непоколебимым поборником социалистического выбора. Установлено также, что в современной украинской историографии превалирует мнение об амбивалентном характере деятельности Шелеста, постоянном маневрировании первого секретаря ЦК Компартии Украины между централизованным и антицентрализованным дискурсами.

Ключевые слова: советская Украина, украинский автономизм, национал-коммунизм.

Ссылка для цитирования: *Борисенко Е. Ю.* П. Е. Шелест в оценке современной украинской историографии // *Славяноведение*. 2022. № 1. С. 83–94. DOI: 10.31857/S0869544X0018087-8.

P. E. Shelest in assessment of contemporary Ukrainian historiography

© 2022. E. Yu. Borisenko

Institute of Slavic Studies RAS
(Moscow, Russian Federation)

vostslav@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the assessments of Peter Efimovich Shelest in modern Ukrainian historiography, assessments, the main directions in the study of his activities as the first secretary of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine (1963–1972), the reasons for his resignation. The attitude of modern Ukrainian historians to the discussions that have been going on since the 1970s is studied: whether or not Shelest can be considered a «national communist», a representative of «Ukrainian autonomy». Most experts in Modern Ukraine are not inclined to consider Shelest an orthodox national communist, but they emphasize the «autonomy» of Shelest's actions and his disagreement with some of the policies of the allied authorities. Ukrainian literature notes that Shelest took the federal structure of the USSR seriously and defended the national interests and rights of the Ukrainian SSR. At the same time, it is emphasized that Shelest often behaved independently, but he was a staunch supporter of the line of the center, he was a firm and unshakable champion of the socialist choice. It is also argued that in modern Ukrainian historiography the dominant opinion is that Shelest's activities are ambivalent, that the first secretary of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine constantly maneuvers between centralizing and anti-centralizing discourses.

Keywords: Soviet Ukraine, Ukrainian autonomy, national communism.

Reference for citation: *Borisenok E. Yu.* P. E. Shelest in assessment of contemporary Ukrainian historiography // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No. 1. P. 83–94. DOI: 10.31857/S0869544X0018087-8.

Деятельность Петра Ефимовича Шелеста в качестве первого секретаря ЦК Коммунистической партии Украины не поддается однозначной интерпретации. На этот пост он был назначен в 1963 г. по предложению Н.С. Хрущева, а в следующем году активно участвовал в его смещении. В 1965 г. Шелест лично обратился в ЦК КПСС с просьбой о «реабилитации в партийном отношении» секретаря ЦК КП(б)У (1927–1934 гг.), председателя Совнаркома УССР (1934–1937 гг.), бывшего боротьбиста Афанасия Петровича Любченко. В то же время при Шелесте по Украине прокатились две волны арестов диссидентов, а в 1968 г. глава украинской парторганизации занял жесткую позицию в отношении чехословацких событий. В 1972 г. Шелеста сняли с должности и перевели на работу в Москву, а вскоре его книга «Украина наша Советская» была раскритикована за отход от партийных, классовых позиций, за «нанесение ущерба делу интернационального воспитания трудящихся».

В современной историографии встречаются различные, порою прямо противоположные оценки Шелеста-политика, причем первые были предприняты в зарубежной литературе уже вскоре после его перевода из Киева в Москву (см. подробнее [23. С. 11]). Особую активность проявляли представители украинской диаспоры. В 1973 г. в украинском эмигрантском журнале «*Сучасність*» («Современность») появилась статья «Падение Петра Шелеста», в которой указывалось на бессосновательность попыток связать отъезд Шелеста из Киева с предстоящим визитом в СССР президента Никсона [19. С. 98]. Ее автор, один из членов редколлегии М. Прокоп счел нужным подчеркнуть, что такие слухи якобы распространялись специально агентами КГБ, а причина снятия Шелеста была другой: первый секретарь КПУ не справился с ростом демократического движения на Украине. По мнению Прокопа, обвинения бывшего первого секретаря ЦК КПУ в национализме было лишено оснований, поскольку серьезных мер в направлении дерусификации Украины Шелест не предпринимал [19. С. 106, 108].

В 1988 г., в год 80-летия Петра Ефимовича, в этом же журнале были опубликованы две юбилейные статьи, интонация которых была уже совсем иной. В. Гришко написал о «национальном либерализме» и «местном» украинско-советском патриотизме, олицетворением которого был первый секретарь ЦК КПУ. Автор даже счел нужным упомянуть, что, «как говорят», известная работа И. Дзюбы «Интернационализм или русификация?» появилась «с благословения тогдашнего руководителя КПУ Петра Шелеста» [8. С. 78–79, 82]. И. Земцов подчеркивал, что Шелест «попытался противиться систематическому экономическому разграблению республики», что он был «более украинец, чем коммунист», наконец, что «он в 1972 г. выступил против сакраментальной ленинской идеи слияния наций» и был устранен [12. С. 72].

Как верно заметил С. Екельчик, «начиная с 1970-х годов западные советологи спорили о том, считать ли Шелеста “национал-коммунистом” или представителем “украинского автономизма”» [11. С. 235–237]. Странники интерпретации Шелеста «как вновьявленного национал-коммуниста» ссылаются на его публичные заявления о развитии украинского языка и культуры. Но, как подчеркнул Р. Сольчаник, одновременно «можно было бы легко собрать соответствующие цитаты из речей Шелеста, чтобы изобразить его как довольно типичный продукт советского партийного аппарата». Поэтому «истина, вероятно, лежит где-то посередине» [28. Р. 5].

Споры не утихали и на рубеже 1980–1990-х годов, когда на Украине историки получили возможность в полной мере удовлетворить интерес к «эпохе Шелеста». Широкий доступ к архивным материалам и снятие идеологических запретов произошли на фоне активного знакомства с работами зарубежных украинистов и советологов. Уже в 1991 г. был переведен на украинский язык обобщающий труд О. Субтельного, по мнению которого Шелест «не был каким-то скрытым националистом», а во многих отношениях был «непоколебимым коммунистом», поддержал интервенцию в Чехословакию в 1968 г., но в то же время серьезно воспринимал «предусмотренный советской Конституцией принцип равноправия всех народов СССР» [21. С. 442]. В 1997 г. на украинском языке была издана работа Б. Кравченко о социальных и национальных процессах в XX в., в которой указывалось, что под руководством Шелеста в среде КПУ «взяло верх течение сторонников автономии», причем «настроения, выражавшие потребность более настойчиво отстаивать свои национальные права, охватывали самые высокие уровни партийного руководства» [15. С. 228]. Концептуальные подходы зарубежных ученых оказали немалое влияние на становление современной украинской историографии.

Большую роль в популяризации Шелеста и изучении его личности и деятельности на посту первого секретаря КПУ сыграла публикация его воспоминаний, сначала на русском языке, а затем и на украинском¹. Воспоминания Шелеста, ставшие доступными широкому читателю, активно цитировались в научной литературе, посвященной социально-экономической ситуации, общественной и культурной жизни советской Украины 1960-х – начала 1970-х годов. Появились работы, посвященные непосредственно первому секретарю ЦК КПУ.

¹ Первое издание на русском языке вышло еще при жизни П. Е. Шелеста (*Шелест П. Е. ... Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС*. Б. м., Б. г. (1994)); второе – в 2016 г. На украинском языке работа вышла сначала в 2004 г. (*Петро Шелест*. «Справжній суд історії ще попереду»). Спогади. Щоденники. Документи. Матеріали / За ред. Ю. Шаповала. Київ, 2004), затем в 2011 г.

В 2013 г. в серии «Знаменитые украинцы» вышла биография Шелеста, написанная Ю.И. Шаповалом в популярном варианте, а в 2020 г. книга была издана с необходимым научно-справочным аппаратом и большим количеством интересного фотоматериала [24; 23]. Ряд сочинений, основанных как на опубликованных, так и на архивных документах, в том числе СБУ, принадлежит О.Г. Бажану. В 2021 г. киевское «Парламентское издательство» выпустило монографию О.Г. Бажана о Шелесте в серии «Политические портреты» [2].

Приступив к изучению жизни и деятельности Шелеста, современные украинские историки пытаются разрешить традиционный вопрос об автономизме и национал-коммунизме первого секретаря КПУ. Одна из первых публикаций, посвященных Шелесту, — статья В.Л. Савельева в *«Українському історичному журналі»* («Украинский исторический журнал») в 1991 г. — должна была стать определенным «противовесом» принятым в зарубежной историографии оценкам Шелеста: Савельев подчеркнул бездоказательность толкования деятельности Шелеста как проявления «украинского автономизма» или «национал-либерального» течения [20. С. 95–96, 102–103]. Он критически, в духе времени, интерпретировал деятельность первого секретаря ЦК КПУ. Савельев подчеркнул, что в республиканской номенклатуре царил патерналистская центроугодническая атмосфера, порождавшая «не политического лидера в современном смысле слова, а тщательного исполнителя воли центра, для которого свойственны конформизм и приспособленчество». С этой точки зрения, «вряд ли П.Е. Шелест мог выйти за пределы среды, в которой формировался и работал» [20. С. 99]. Не отрицая «определенную либерализацию» в области культурной политики компартии Украины того периода и благосклонность Шелеста «к некоторым представителям украинской литературы и искусства», историк счел преувеличением говорить о существовании какой-то определенной программы «второй украинизации» в республике: «Каких-то официальных решений по этому поводу, как известно, не было. П.Е. Шелест действовал в русле общей линии на демократизацию общественной жизни, начало которой положил XX съезд. Постепенно она сошла на нет после прихода к власти Л.И. Брежнева» [20. С. 102].

Схожую точку зрения спустя два с половиной десятка лет продемонстрировал В.В. Иваненко, по мнению которого Шелест также «не был ни националистом, ни “национал-коммунистом”, ни “национал-автономистом”, ни тем более сепаратистом» [13. С. 184]. Историк подчеркнул, что на оценку событий 1960-х годов оказывали определенное влияние публичные выступления Шелеста конца 1980-х — начала 1990-х годов, когда тот «с позиций “незаслуженно обиженного” властью нередко резко критиковал своих коллег из ближайшего окружения (в частности Л. Брежнева, М. Суслова, В. Щербицкого, А. Ватченко и др.), пытался пересмотреть некоторые свои предыдущие взгляды и оценки общественно-политических явлений и событий, преувеличивая сплошь и рядом собственную роль в них». Данное замечание имеет под собой немалые основания. Например, современные украинские историки любят акцентировать внимание на том, что Шелест работал над воспоминаниями с 1974 г., причем, по словам его сына, Виталия Петровича, в конце 1970-х годов «рукопись тщательно прятали, а один из экземпляров даже закопали в землю, боясь, что КГБ может его изъять» (см., например [24. С. 6; 23. С. 11–12]).

С точки зрения В.В. Иваненко, подобные утверждения «давали повод для появления публичных высказываний относительно феномена “малой оттепели” П. Шелеста» [13. С. 182]. Украинский специалист не склонен идеализировать

Шелеста, он пришел к выводу, что первый секретарь КПУ был убежденным и последовательным проводником генеральной линии партии, а «среди прочих его отличало разве что то, что он, по выражению украинского диссидента Л. Плюща, “предпочитал сам арестовывать, чем получать приказ из Москвы”, а компартийно-советскую лексику, по С. Кульчицкому, “озвучивал не на русском, а на украинском языке”» [13. С. 185].

В данном случае В.В. Иваненко солидаризировался с выводами известного украинского историка С.В. Кульчицкого: «П. Шелест целиком вписывался всей деятельностью, идеологией и даже ментальностью в круг партийных руководителей, к которому он принадлежал организационно – Политбюро ЦК КПСС». С.В. Кульчицкий также заметил, что «для тех, кто находился в Кремле, уже одно это было непонятным и подозрительным»: «Соглашаясь с тем, что Советский Союз существует в форме содружества союзных республик – государств с равными правами, они не считали нужным делать упор на национальных правах и подчеркивали, что каждая республика является частью единого общесоюзного народнохозяйственного комплекса, а ее население – частью единого советского народа как новой исторической общности» [14. С. 240.].

В то же время и С.В. Кульчицкий, и В.В. Иваненко коснулись и «украинофильства» Шелеста. Кульчицкий считал, что глава украинских коммунистов «не принимал динамики развития, которая вела к постепенному исчезновению национальных различий, и настаивал на сохранении и развитии тех государственных институтов, которые были созданы с учетом факта существования многонационального государства в форме союза республик» [14. С. 242]. В.В. Иваненко, хотя и подчеркнул вслед за В.Л. Савельевым, что легенда об «автономистской» политике Шелеста создавалась зарубежными украинистами, но в то же время усмотрел в деятельности руководителя КПУ «отставание определенных национальных интересов и прав УССР». С точки зрения ученого, «в условиях нарастания масштабов русификации Украины» Шелеста возмущали «отдельные одиозные явления и новации, особенно в национально-культурной области, отчасти – в экономике» [13. С. 185]. Иными словами, он считал обоснованным говорить о «феномене эдакой “малой оттепели” украинского руководителя», поскольку признавал за первым секретарем «вполне очевидное украинолюбие в культуре в сочетании с нередко открытыми, порой жесткими выступлениями на заседаниях президиума и Политбюро ЦК КПСС, на многочисленных совещаниях и в записках в директивные органы против диктата Москвы и в хозяйственных делах» [13. С. 187].

Пытаясь найти «точку равновесия» между различными оценками, Ю.И. Шаповал счел нужным напомнить высказывание зарубежного исследователя Я. Пеленского о том, что Шелест формировал «контролируемый украинский автономизм» и поддерживал ограниченную «украинизацию» [27]. Но сам украинский историк предпочел другие обозначения: «Шелестовская политическая линия базировалась на своеобразной двойной лояльности – общесоюзной и республиканской, постоянном маневрировании между двумя политическими дискурсами: централизаторским и антицентрализаторским» [23. С. 106–107]. С точки зрения историка, первый секретарь был представителем «местной элиты, которая настаивала на советском украинском, а не на общесоветском суверенитете». Иными словами, Шелест принадлежал к тем деятелям, которые были убеждены, что «коммунистические цели можно постигнуть лишь в национальном контексте». Поэтому, резюмировал Шаповал, такие

деятели оказались в двусмысленной позиции: «В глазах своих патриотически настроенных соотечественников они были сообщниками русских оккупантов, а их партийные товарищи смотрели на них с определенным подозрением как на латентных националистов, а в лучшем случае как на каких-то (дефиниций не хватало) уклонистов» [23. С. 191–192].

Высказывание Ю. И. Шаповала о двойной лояльности Шелеста стало чрезвычайно популярным в украинской литературе. Стоит заметить, что именно Шаповал писал статью о Шелесте для многотомной современной «Энциклопедии истории Украины», в которой, с одной стороны, указал на поддержку Шелестом подавления Пражской весны и его критику выступлений диссидентов, с другой же – подчеркнул, что украинский руководитель требовал от московского руководства придерживаться декларируемых принципов во взаимоотношениях центра и союзных республик. Это обстоятельство, наряду с усилиями политических конкурентов, создало Шелесту «имидж “чрезмерного” украинского патриота, который якобы лелеет планы большей автономизации Украины» [25]. Многие украинские ученые в той или иной степени повторяют определение Шаповала. Например, С. С. Падалка и М. С. Коломиец написали и о маневрировании первого секретаря между централизаторским и антицентрализаторскими курсами, и о его имидже «чрезмерного» украинского патриота. В то же время Шелест воспринят соавторами статьи как сторонник «контролируемого украинского автономизма» [18. С. 86].

Таким образом, оценка, данная еще Я. Пеленским (см. [27]), продолжает оказывать воздействие на современную украинскую историографию. Анализируя причины «автономизма» Шелеста, украинские историки ссылаются на усиление влияния украинской партийной элиты при Н. С. Хрущеве. Так, О. Г. Бажан подчеркнул: «Поддержка украинской политической верхушкой Н. Хрущева в его стремлении получить власть в Москве привело к усилению украинского фактора как в общественной жизни республики, так и всего СССР» [3. С. 328]. С его точки зрения, «широкая волна “украинизации” партийных и государственных структур республики была результатом усилий Н. Хрущева, направленных на преодоление чрезмерного централизма и расширение сферы политической активности национальных элит» [3. С. 329]. Среди руководства республики, воодушевленного передачей Крыма, усилились автономистские притязания: «Придя к власти на волне послевоенной украинизации, П. Шелест выступал за предоставление республике больших прав во внутренней и внешней экономической политике, а в период свертывания либеральных реформ в СССР в середине 1960-х годов толерантно относился к национально-культурному возрождению на Украине» [3. С. 329]. Поэтому О. Г. Бажан склонен согласиться с мнением Шаповала о двойной лояльности Шелеста, подчеркивая, что тот «не был рьяным национал-коммунистом, однако он искренне верил в федеративную структуру СССР, равноправие всех народов» [7. С. 186].

Украинские историки склонны искать причины, побудившие Шелеста принять участие в заговоре против Хрущева, как в личных качествах союзного лидера, так и во взаимоотношениях в высшем партийном руководстве страны. В. С. Лозицкий считал, что Шелеста беспокоило отношение Хрущева к другим членам Президиума ЦК КПСС: «За последние годы Шелест был свидетелем того, как Хрущев расправлялся не только со своими политическими оппонентами, но и с собственными выдвиженцами. Часто без явных причин, внезапно они изгонялись с политического Олимпа, что порождало страх среди

высшего руководства. В таких условиях борьба за власть отходила на задний план, а важнейшей задачей для каждого члена Президиума ЦК КПСС стало сохранение собственных позиций в высшем руководстве». Решающим мотивом участия Шелеста в отстранении Хрущева, по мнению Лозицкого, «были не только просьбы о поддержке со стороны Л. Брежнева, а особенно Н. Подгорного, которому он обязан своим восхождением на высшую ступень власти на Украине». Шелеста беспокоили негативные процессы в стране, подрывавшие авторитет Хрущева как главы партии и государства, пагубно влиявшие на разные стороны жизни на Украине [17. С. 100].

Другие историки склонны придерживаться той же точки зрения. Так, О. Г. Бажан, помимо «субъективизма и волюнтаризма» Хрущева, также указал на личные связи Шелеста и Подгорного. По его мнению, «П. Шелест не мог отказать в просьбе о поддержке со стороны одного из инициаторов принудительной отставки Н. Хрущева Н. Подгорному, которому он был обязан за кровительство его персоны в высших эшелонах власти» [4. С. 35]. В то же время Бажан подчеркнул, что жители республики персонифицировали с Хрущевым негативные процессы в стране. Ссылаясь на архив СБУ, Бажан утверждал, что из 6929 антисоветских листовок, распространенных на территории республики на протяжении 1962–1964 гг., более тысячи содержали призывы борьбы против Хрущева и его политики [4. С. 34–35].

Бажан весьма подробно проанализировал отношение Шелеста к инакомыслящим. Как подчеркнул историк, «украинофильство» первого секретаря носило «особый советский характер», поскольку «он не видел будущего Украины вне Советского Союза»: «Несмотря на свои автономистские амбиции Петр Шелест, так же как кремлевские верховоды, был напуган оживлением украинского национального движения, ростом оппозиционных настроений среди жителей республики. Как только в середине 1960-х годов в политике союзного руководства стало ощущаться постепенное усиление идеологического и административного давления на инакомыслие, Шелест без колебаний поддержал курс Москвы на “ресталинизацию” общественно-политической жизни в стране, подавление движения “шестидесятников”, преодоление различных проявлений неконформизма» [1. С. 235]. Проанализировав резолюции первого секретаря ЦК КПУ на сообщениях республиканского КГБ, Бажан пришел к выводу, что наибольшее раздражение у Шелеста вызвала информация о распространении в УССР листовок и анонимных писем «антисоветского характера», о чем свидетельствуют грубые высказывания первого секретаря. Например, на сообщении об обнаружении на одном из заводов в октябре 1970 г. анонимного письма от имени «Комитета защиты трудящихся» синим карандашом было написано: «С[ерафим] И[ванович]. Доложите. Надо этого падлюку найти» [5. С. 450–451]. При этом Шелест требовал как можно быстрее доводить возбужденные против диссидентов уголовные дела до суда [5. С. 454]. Впрочем, Бажан признал, что Шелест вполне благоклонно относился к делу охраны памятников в республике, культурным инициативам украинской интеллигенции, отстаивал экономические интересы УССР, хотя «как типичный представитель советской командно-административной системы не терпел каких-либо проявлений инакомыслия» [5. С. 455].

Ю. И. Шаповал, явно симпатизируя герою своей книги, сделал акцент на попытке Шелеста балансировать в отношениях с украинской интеллигенцией: «Так, Шелест давал санкцию на критику Олеса Гончара, которая часто переходила на уровень политической травли. Однако он не отдал писателя на расправу.

Примерно так же тогда, в середине 1960-х годов, сделал он и с Иваном Дзюбой: официально извергались тонны словесной грязи, но Дзюбу не трогали, не посадили» [23. С. 118]. Впрочем, Шаповал признал, что «в стратегическом плане Петр Шелест за все время пребывания на посту первого секретаря не выступил против ни одной из брежневских “инициатив”, в том числе и агрессии в Чехословакии 1968 года» [23. С. 98]. Другие специалисты, как и Шаповал, также вынуждены отметить склонность Шелеста к крайним действиям по «чехословацкому вопросу». При этом В.И. Дмитрук подчеркнул, что негативное отношение к реформаторской политике КПЧ объясняется тем, что Чехословакия была важным фактором влияния на внутривосточные процессы, имевшие место в Украинской ССР [9. С. 70]. Ссылаясь на архивные документы спецслужб, О.Г. Бажан также пришел к выводу, что «идеи Пражской весны не просто политизировали общество, но и послужили действенным фактором дальнейшего развития оппозиционного движения на Украине» [6. С. 114].

Однако, по мнению Дмитрука, роль Шелеста в подавлении Пражской весны преувеличена, поскольку «все принципиальные решения принимались высшим партийно-государственным руководством в Москве, и первый секретарь ЦК компартии Украины был лишь их активным исполнителем» [10. С. 56]. В.А. Чёрный, с одной стороны, признал, что Шелест был сторонником жесткой линии во многом потому, что его мировоззрение формировалось в сталинский период, но в то же время разделял мнение Дмитрука о преувеличении роли Шелеста в событиях 1968 г. [22. С. 146–147].

Обстоятельства и причины отставки Шелеста украинские историки усматривают в сложных взаимоотношениях между П.Е. Шелестом, с одной стороны, и Л.И. Брежневым с В.В. Щербицким – с другой. Впрочем, недавно была предпринята попытка вспомнить о том, что это событие произошло во время готовящегося визита в СССР президента США Р. Никсона. За рубежом после отставки Шелеста политологи уже спорили о том, взаимосвязаны ли эти события, и украинский историк Ю.В. Латыш предложил вновь вернуться к обсуждению этого вопроса: «Подготовка к устранению П. Шелеста с должности первого секретаря ЦК КПУ велась давно и была обусловлена внутренними причинами: его самостоятельностью, стремлением к экономическому автономизму, недостаточно решительной борьбой с диссидентами, жалобами других украинских руководителей на сложные черты характера “первого”. Однако внезапная замена руководителя республики накануне приезда в Киев Президента США могла быть вызвана позицией П. Шелеста относительно разрядки и визита Р. Никсона». С точки зрения Латыша, хотя критика Шелестом разрядки явно была кулуарной, не исключено, что «Л. Брежнев опасался, чтобы лидер КПУ не повторил своего резкого и грубого выступления во время переговоров с руководителями Чехословакии в 1968 г., за которое советским лидерам пришлось извиняться» [16. С. 37–38].

Однако большинство специалистов все же склонно связывать причины отставки первого секретаря ЦК КПУ с расстановкой сил в центре. Еще в 1991 г. В.Л. Савельев отметил, что Л.И. Брежнев, став генеральным секретарем ЦК КПСС, не мог чувствовать себя спокойно до тех пор, пока еще оставались на ключевых должностях хрущевские кадры, и устранял с высших постов всех, кто мог бы нарушить существующий баланс сил: «Вполне можно в связи с этим предположить, что Л.И. Брежнев освободил П.Ю. Шелеста со всех должностей,

резонно опасаясь не лично его как возможного претендента на пост генерального секретаря, а усиления позиций Н. В. Подгорного» [20. С. 104].

В. С. Лозицкий также обратил внимание на кадровую политику Брежнева (см. [17. С. 102]). Он подчеркнул, что Брежнев «постепенно отдалил от себя тех деятелей, которые больше всего способствовали его приходу к власти». Шелест «стоял на очереди», хотя объективных причин для его отставки не было: по мнению Лозицкого, киевское руководство во главе с Шелестом уделяло большое внимание экономическому развитию республики. Но московское руководство «все больше начала раздражать твердость первого секретаря ЦК компартии в отстаивании интересов республики не только в экономической, но и национально-культурной сферах» [17. С. 104]. По мнению Лозицкого, некоторые члены Политбюро ЦК КПУ сами способствовали усилению трений между Шелестом и высшим политическим руководством страны: «Из 15 членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК компартии Украины большинство ориентировалось на Щербицкого. А после избрания его в апреле 1971 г. членом Политбюро ЦК КПСС для Шелеста, как и для других членов Политбюро ЦК компартии Украины, стало ясно, что смена первого секретаря ЦК компартии Украины стала делом времени» [17. С. 104–105].

Эту точку зрения разделил Бажан, подчеркнувший симпатии Брежнева к представителю так называемого днепропетровского клана В. В. Щербицкому [3. С. 331]. С. С. Падалка и М. С. Коломиец также обратили внимание на то, что Брежнев пытался укрепить свои позиции и расставлял на ключевые должности «своих» людей, а Шелест вызывал настороженность и считался ставленником Хрущева (см. [18. С. 87]).

Итак, украинские историки не склонны считать Шелеста национал-коммунистом, по крайней мере, в его ортодоксальном варианте. «Понятно, что он никогда не был “националистом”, в чем его обвиняли по чисто политическим, а также некоторым другим, связанным с его личными качествами, причинам, — заметил Шаповал. — Если уж говорить о Шелесте как о “националисте”, то его скорее можно считать (по формуле Эндрю Уилсона) “контекстуальным националистом” — не так в мыслях, как в фактических действиях» [23. С. 191]. В то же время украинские историки склонны подчеркивать «автономность» действий Шелеста и его несогласие с некоторыми направлениями политики союзных властей. В. П. Яремчук считал, что Шелест был достаточно умелым мастером аппаратной «игры» и дрейфовал в русле общего направления политики Кремля, хотя и отстаивал экономические права и элементы культурной самостоятельности Украины: «П. Шелест, очевидно, не был и не мог быть “ортодоксальным” национал-коммунистом, но федеративную структуру СССР воспринимал вполне серьезно, а в противодействии нивелирующим мерам Москвы использовал опыт украинских национал-коммунистов 1920-х годов» [26. С. 89–90]. По словам Бажана, «самый высокий расцвет украинского официального автономизма приходится на 1963–1972 гг., когда первым секретарем КПУ был Петр Шелест» [3. С. 329]. Таким образом, некоторые представления о Шелесте, популярные в западной историографии, нашли все же отражение и в современной украинской литературе. Так, в высказываниях современных украинских ученых в той или иной степени повторяются суждения О. Субтельного, в том числе об отношении Шелеста к равноправию народов СССР, о его отстаивании культурных прав украинцев, экономических потребностей УССР [21. С. 442]. В то же время украинские специалисты весьма осторожно

относятся к наиболее радикальным оценкам западных историков. Например, это касается вывода Б. Кравченко о том, что позицию Шелеста поддерживал «фактически весь украинский партаппарат» [15. С. 316] (ср. [17. С. 104–105]).

Признавая «украинофильство» Шелеста, некоторые украинские исследователи вслед за С.В. Кульчицким сделали акцент на том, что тот был «убежденным проводником линии центра, хотя вел себя достаточно независимо», опираясь на слова известного специалиста: «Легенда относительно автономистской политики Шелеста на Украине, которая распространялась им самим после выхода на пенсию, лишена оснований. Однако следует признать, что все более широкие масштабы русификации Украины, которые инспирировались Московским центром в послевоенный период, возмущали его» [14. С. 239]. В целом в украинской литературе превалирует мнение об амбивалентном характере деятельности Шелеста, наиболее четко выраженное Ю.И. Шаповалом: «В силу тех или иных обстоятельств люди могли находиться в рядах коммунистической партии, но от этого они не были меньшими патриотами Украины» [23. С. 6].

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. *Бажан О.Г.* До питання про «українофільство» першого секретаря ЦК КПУ Петра Шелеста // *Історія України. Маловідомі імена, події, факти.* 2011. Вип. 37. С. 215–246.
2. *Бажан О.Г.* Петро Шелест: «Вірю в розквіт моєї рідної України...». Київ: Парламентське видавництво, 2021. 352 с. (Політичні портрети)
3. *Бажан О.Г.* Петро Шелест: вигнання з політичного Олімпу // *Історія України: Маловідомі імена, події, факти.* 2010. Вип. 36. С. 327–340.
4. *Бажан О.Г.* Петро Шелест і «двірцевий переворот» в Кремлі 1964 року // *Наукові записки Національного університету «Києво-Могилянська Академія».* 2011. Вип. 117: Історичні науки. С. 32–35.
5. *Бажан О.Г.* Петро Шелест і протестний рух в УРСР у 1960–1970-х рр. // *З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ.* 2014. № 2. С. 443–456.
6. *Бажан О.Г.* Петро Шелест і чехословацька криза 1968 року // *Україна ХХ століття: культура, ідеологія, політика.* 2020. Вип. 25. С. 98–118.
7. *Бажан О.Г.* Про «економічне місництво» у політичній діяльності Петра Шелеста // *Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика.* 2012. Вип. 17. С. 186–192.
8. *Гришко В.* Українська національна ситуація в СРСР на тлі Горбачовської «перебудови» // *Сучасність.* 1988. № 2. С. 73–91.
9. *Дмитрук В.І.* Україна не мовчала. Реакція українського суспільства на події 1968 року в Чехословаччині. Київ: Інститут історії України НАН України, 2004. 314 с.
10. *Дмитрук В.І.* Українська радянська політична еліта в чехословацьких подіях 1968 року // *Інтелігенція і влада. Серія: Історія.* 2006. Вип. 6. С. 48–57.
11. *Екельчик С.* Історія України. Становлення сучасної нації / авториз. пер. с англ. Н. Климчука. Київ: К.И.С., 2010. 400 с. Пер. с англ.: Yekelchuk S. Ukraine: Birth of a Modern Nation. New York: Oxford University Press, 2007. 368 p.
12. *Земцов І.* Андропов і неросійські нації – ставлення та політика // *Сучасність.* 1988. № 3. С. 68–84.
13. *Іваненко В.В.* «Мала відлига» П.Ю. Шелеста: міф чи реальність? // *Грані.* 2016. № 8. С. 180–189.
14. *Кульчицький С.В.* Червоний виклик. Історія комунізму в Україні від його народження до загибелі. У 3 кн. Київ: Темпора, 2013. Кн. 3. 388 с.
15. *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. / пер. з англ. В. Івашка, В. Корнієнка. Київ: Основи, 1997. 423 с. Пер. с англ.: *Krawchenko B.* Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. London: Macmillan, 1985. 333 p.
16. *Латиш Ю.В.* Петро Шелест, Володимир Шербицький і Річард Ніксон: американський «слід» у відставці Першого секретаря ЦК Компартії України // *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія.* 2020. № 1 (144). С. 34–39. DOI: 10.17721/1728–2640.2020.144.7

17. Лозицький В.С. Політбюро ЦК КП України: історія, особи, стосунки (1918–1991). Київ: Генеза, 2005. 368 с.
18. Падалка С.С., Коломісць М.С. П. Шелест та внутрішньопартійна боротьба за владу в Україні (1963–1972 роки) // Українознавство. 2010. № 2. С. 86–89.
19. Прокоп М. Падіння Петра Шелеста // Сучасність. 1973. № 6. С. 98–110.
20. Савельєв В.Л. Чи був П.Е. Шелест виразником «українського автономізму»? // Український історичний журнал. 1991. № 4. С. 94–105.
21. Субтельний О. Україна: історія / пер. з англ. Ю.І. Шевчука. Київ: Либідь, 1991. 512 с. Пер. с англ.: *Subtelny O. Ukraine: A History*. Toronto: University of Toronto Press, 1988. 666 p.
22. Чорний В.О. Петро Шелест і події у Чехословаччині 1968 р. // Гілея. Науковий вісник. 2012. Вип. 58. С. 144–148.
23. Шаповал Ю.І. Партійний «націоналіст». Парадокси Петра Шелеста. Львів: Видавництво Анетти Антоненко; Київ: Ніка-Центр, 2020. 216 с.
24. Шаповал Ю.І. Петро Шелест. Харків: Фоліо, 2013. 127 с. (Знамениті українці)
25. Шаповал Ю.І. Шелест Петро Юхимович [Електронний ресурс] // Енциклопедія історії України: Т. 10: Т–Я / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2013. 688 с. Режим доступа: http://www.history.org.ua/?term=Shelest_P (Дата обращения: 05.04.2021)
26. Яремчук В.П. Минуле України в історичній науці УРСР післясталінської доби. Острого: Вид-во Національного університету «Острозька академія», 2009. 526 с.
27. Pelenski J. Shelest and His Period in Soviet Ukraine (1963–1972): A Revival of Controlled Ukrainian Autonomism // *Ukraine in the Seventies* / ed. Peter J. Potichnyj. Oakville, Ontario: Mosaic Press, 1975. P. 283–305.
28. Solchanyk R. Politics and the National Question in the Post-Shelest Period // *Ukraine After Shelest* / ed. B. Kravchenko. Edmonton, 1983. P. 1–29.

REFERENCES

- Bazhan O.H. Do pytan'nia pro «ukraїnofil'stvo» pershoho sekretaria TsK KPU Petra Shelesta. *Istoriia Ukraїny. Malovidomi imena, podii, fakty*, 2011, vol. 37, pp. 215–246 (In Ukr.).
- Bazhan O.H. Petro Shelest i «dvirtsevii perevorot» v Kremli 1964 roku. *Naukovi zapysky Natsional'noho universytetu «Kyievo-Mohylians'ka Akademiia»*, 2011, vol. 117: Istorychni nauky, pp. 32–35 (In Ukr.).
- Bazhan O.H. Petro Shelest i chekhoslovats'ka kryza 1968 roku. *Ukraїna XX stolittia: kul'tura, ideolohiia, polityka*, 2020, vol. 25, pp. 98–118 (In Ukr.).
- Bazhan O.H. Petro Shelest i protestnyi rukh v URSR u 1960–1970 – kh rr. *Z arkhiviv VUChK–HPU–NKVD–KHB*, 2014, No 2, pp. 443–456 (In Ukr.).
- Bazhan O.H. *Petro Shelest: «Viriu v rozkvit moieї ridnoi Ukraїny...»*. Kiev, Parlaments'ke vydavnytstvo Publ., 2021, 352 p. (Politychni portrety) (In Ukr.).
- Bazhan O.H. Petro Shelest: vyhnannia z politychnoho Olimpu. *Istoriia Ukraїny: Malovidomi imena, podii, fakty*, 2010, vol. 36, pp. 327–340 (In Ukr.).
- Bazhan O.H. Pro «ekonomichne misnytstvo» u politychnii diial'nosti Petra Shelesta. *Ukraїna XX st.: kul'tura, ideolohiia, polityka*, 2012, vol. 17, pp. 186–192 (In Ukr.).
- Chornii V.O. Petro Shelest i podii u Chekhoslovachchyni 1968 r. *Hileia. Naukovii visnyk*, 2012, vol. 58, pp. 144–148 (In Ukr.).
- Dmytruk B.I. Ukraїns'ka radians'ka politychna elita v chekhoslovats'kykh podiiakh 1968 roku. *Intelihentsiia i vlada, Istoriia*, 2006, vol. 6, pp. 48–57 (In Ukr.).
- Dmytruk V.I. *Ukraїna ne movchala. Reaktsiia Ukraїns'koho suspil'stva na podii 1968 roku v Chekhoslovachchyni*. Kiev, Instytut istorii Ukraїny NAN Ukraїny, 2004, 314 p. (In Ukr.).
- Jekel'chik S. *Istoriia Ukraїny. Stanovleniye sovremennoi natsii*, translated by N. Klimchuk. Kiev, K.Y.S. Publ., 2010, 400 p. (In Russ.) Transl. of: Yekelchik S. *Ukraine: Birth of a Modern Nation*. New York, Oxford University Press, 2007, 368 p.
- Hryshko V. Ukraїns'ka natsional'na sytuatsiia v SRSR na tli Horbachovs'koї «perebudovy». *Suchasnist'*, 1988, No 2, pp. 73–91 (In Ukr.).
- Iaremchuk V.P. *Mynule Ukraїny v istorychnii nauksi URSR pisliastalins'koї doby*. Ostroh, Vyd-vo Natsional'noho universytetu «Ostroz'ka akademiia», 2009, 526 p. (In Ukr.).
- Ivanenko V.V. «Mala vidlyha» P. Iu. Shelesta: mif chy real'nist'? *Hrani*, 2016, No 8, pp. 180–189 (In Ukr.).

- Kravchenko B. *Sotsial'ni zminy i natsional'na svidomist' v Ukraïni XX st.*, Translated by V. Ivashko, V. Kornienko. Kiev, Osnovy Publ., 1997, 423 p. (In Ukr.) Transl. of: Krawchenko B. *Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine*. London, Macmillan, 1985, 333 p. (In Engl.).
- Kul'chyts'kyi S.V. *Chervonyi vyklyk. Istoriiia komunizmu v Ukraïni vid ioho narodzhennia do zahybeli*. Vol. 1–3. Kiev, Tempora Publ., 2013, vol. 3, 388 p. (In Ukr.).
- Latysh Iu.V. Petro Shelest, Volodymyr Shcherbyts'kyi i Richard Nikson: amerykans'kyi «slid» u vidstavtsi Pershoho sekretaria TsK Kompartii Ukraïny. *Visnik Kyïvs'koho natsional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka, Istoriiia*, 2020, No 1 (144), pp. 34–39. DOI: 10.17721/1728–2640.2020.144.7 (In Ukr.).
- Lozyts'kyi V.S. *Politbiuro TsK KP Ukraïny: istoriiia, osoby, stosunky (1918–1991)*. Kiev, Heneza Publ., 2005, 368 p. (In Ukr.).
- Padalka S.S., Kolomiets' M.S. P. Shelest ta vnutrishn'opartiina borot'ba za vladu v Ukraïni (1963–1972 roky). *Ukraïnoznavstvo*, 2010, No 2, pp. 86–89 (In Ukr.).
- Pelenski J. Shelest and His Period in Soviet Ukraine (1963–1972): A Revival of Controlled Ukrainian Autonomism. *Ukraine in the Seventies* / ed. Peter J. Potichnyj. Oakville, Ontario, Mosaic Press, 1975, pp. 283–305 (In Engl.).
- Prokop M. Padinnia Petra Shelesta. *Suchasnist'*, 1973, No 6, pp. 98–110 (In Ukr.).
- Savel'iev V.L. Chy buv P.E. Shelest vyraznykom «ukraïns'koho avtonomizmu»? *Ukraïns'kyi istorychnyi zhurnal*, 1991, No 4, pp. 94–105 (In Ukr.).
- Shapoval Iu. I. *Partiinyi «natsionalist». Paradoksy Petra Shelesta*. Lviv, Vydavnytstvo Anetty Antonenko Publ.; Kiev, Nika-Tsentr Publ., 2020, 216 p. (In Ukr.).
- Shapoval Iu. I. *Petro Shelest*. Kharkov, Folio, 2013, 127 p. (Znamenyti ukraïntsi) (In Ukr.).
- Shapoval Iu. I. Shelest Petro Iukhymovych [Elektronnyi resurs]. *Entsyklopediia istorii Ukraïny*: T. 10: T–IA / ed. V.A. Smolii et al. NAN Ukraïny. Instytut istorii Ukraïny. Kiev, Naukova dumka, 2013, 688 p. Retrieved from: http://www.history.org.ua/?termin=Shelest_P (accessed: 05.04.2021) (In Ukr.).
- Solchanyk R. Politics and the National Question in the Post-Shelest Period. *Ukraine After Shelest*, ed. B. Kravchenko. Edmonton, 1983, pp. 1–29.
- Subtel'nyi O. *Ukraïna: istoriiia* / Translated by Iu.I. Shevchuk. Kiev, Lybid' Publ., 1991, 512 p. (In Ukr.) Transl. of: Subtelny O. *Ukraine: A History*. Toronto, University of Toronto Press, 1988, 666 p.
- Zemtsov I. Andropov i nerosiis'ki natsii – stavlennia ta polityka. *Suchasnist'*. 1988, No 3, pp. 68–84 (In Ukr.).

Информация об авторе

Борисенок Елена Юрьевна,
 доктор исторических наук, заведующая
 Отделом восточного славянства,
 Институт славяноведения РАН,
 г. Москва, Российская Федерация;
 ORCID: 0000-0001-8642-0185;
 E-mail: vostslav@yandex.ru

Information about the author

Elena Yu. Borisenok,
 DSc. (History), Head of the Department of
 Eastern Slavic Studies,
 Institute of Slavic Studies of the RAS,
 Moscow, Russian Federation;
 ORCID: 0000-0001-8642-0185;
 E-mail: vostslav@yandex.ru

Славяноведение, 2022, № 1, с. 95–102

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 1, pp. 95–102

DOI: 10.31857/S0869544X0018092-4

Оригинальная статья /
Original Article

«Poor little Serbia»: первый сербский травелог об Америке

© 2022 г. А.Г. Бодрова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

a.bodrova@spbu.ru

Аннотация. Первый сербский травелог о США «Новый Свет: или год в Америке» (1934) создан Еленой Димитриевич, побывавшей в этой стране в 1919 г. США писательница воспринимает как прогрессивную страну с бурно развивающейся экономикой. Особое внимание она уделяет классовым, расовым и гендерным различиям, осуждает расизм и антисемитизм, одобрительно высказывается о получении женщинами избирательного права. Димитриевич знакомит читателей и с бытовыми подробностями, детально описывает американские жилища, ведение хозяйства, еду и напитки, одежду и т.п. Травелог можно считать скрытой автобиографией – в нем присутствуют не только описания страны, по которой перемещается автор, в тексте содержатся сведения и о самом путешественнике. Из произведения Димитриевич мы узнаем о ее жизненном опыте (например, о многочисленных путешествиях по Востоку). Восприятие нового происходит путем сопоставления неизвестного с хорошо знакомым – Другого со Своим. Опытная путешественница Димитриевич сравнивает США не только с родной Сербией, но и с Турцией и Египтом. Необычно ее сопоставление женских собраний в Нью-Йорке с турецкими гаремами.

Ключевые слова: сербская литература, Елена Димитриевич, женское путешествие, Я и Другой, гендер, раса, класс.

Ссылка для цитирования: Бодрова А.Г. «Poor little Serbia»: первый сербский травелог об Америке // Славяноведение. 2022. № 1. С. 95–102. DOI: 10.31857/S0869544X0018092-4.

«Poor little Serbia»: the first Serbian travelogue about America

© 2022. A.G. Bodrova

Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russian Federation)

a.bodrova@spbu.ru

Abstract. The first Serbian travelogue about the United States «New World: or a Year in America» (1934) was created by Jelena Dimitrijević, who visited this country in 1919. The writer perceives the United States as a progressive country with a rapidly

developing economy. She pays special attention to class, racial and gender differences, condemns racism and anti-Semitism, and speaks out approvingly about women's suffrage. Dimitrijević also acquaints readers with everyday details, describes in detail American dwellings, housekeeping, food and drinks, clothes, etc. The travelogue can be considered a hidden autobiography – it contains not only descriptions of the country through which the author moves, the text also contains information about the traveler himself. From the work of Dimitrijević, we learn about her life experience (about numerous travels in the East). The perception of the new occurs by comparing the unknown with the well-known, the «other» with «the own». Experienced traveler Dimitrijević compares the United States not only with her native Serbia, but also with Turkey and Egypt. Paradoxical is her juxtaposition of women's gatherings in New York with Turkish harems.

Keywords: Serbian literature, Jelena Dimitrijević, women's travel, the Self and the Other, gender, race, class.

Reference for citation: Bodrova A.G. «Poor little Serbia»: the first Serbian travelogue about America // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2022. No 1. P. 95–102. DOI: 10.31857/S0869544X0018092-4.

Заглавие статьи частично совпадает с названием одной из глав травелога «Новый Свет, или Год в Америке», созданного сербской писательницей Еленой Дмитриевич (Елена Димитријевић, 1862–1945), совершившей путешествие в Америку в 1919 г. В 1927 г., возвращаясь из Японии, она вновь посетила США. Результатом этих поездок стал исследуемый текст травелога, опубликованный в 1934 г. Однако в нем подробно описывается только первое путешествие, а второе лишь упоминается в предисловии¹. По мнению исследователя Владимира Гвоздена, это первый и на сегодняшний день лучший сербский травелог о США, в котором «словно пророчески описан и наш современный мир»².

В последнее время к произведениям сербской писательницы все чаще обращаются ученые (С. Слапшак, М. Кох, Б. Дойчинович, С. Пекович и др. [6; 3; 9; 4]). В Сербии прошло несколько конференций, посвященных ее жизни и творчеству (в г. Ниш в 2004 г., в Белграде в 2018 г.). Очевидно стремление исследователей по-новому взглянуть на Дмитриевич, а также побудить к дальнейшему изучению произведений писательницы. Недавно ее травелог «Семь морей и три океана» («Седам мора и три океана», 1940)³ решением министерства просвещения Сербии был включен в обязательную школьную программу по литературе [9. S. 13].

В России творчество сербской писательницы остается малоизвестным, хотя примечателен тот факт, что ее роман «Нове» (1912) был переведен на русский язык выдающимся литературоведом Б.И. Ярхо и в 1928 г. опубликован под названием «Новые женщины»⁴.

По словам исследовательницы Аны Стъели [7], в биографии Дмитриевич есть «темные» места, иногда биографические источники содержат противоречивую информацию. Известно, что писательница и поэтесса Елена Дмитриевич⁵ родилась в многодетной, но очень состоятельной семье в городе

¹ «Приехав в Америку снова, через семь лет, я заметила, что ее процветание достигло пика». (Dimitrijević J.J. Novi svet ili u Americi godinu dana. Beograd: Laguna, 2019. S. 44. Здесь и далее перевод выполнен автором статьи).

² См. супер-обложку переиздания этого травелога в 2019 г.

³ Димитријевић Ј.Ј. Седам мора и три океана. Путем око света. Београд: Државна штампарија Краљевине Југославије, 1940.

⁴ Дмитриевич Е. Новые женщины. М.: Недра, 1928.

⁵ Биографию и краткий обзор творчества Дмитриевич см. в работе А. Стъели, а также на портале, посвященном теории и истории женской литературы на сербском языке до 1915 г. [11]

Крушевац в княжестве Сербия. С детства она проявляла страсть к чтению книг, но из-за того, что в возрасте 11 лет она повредила глаз, ей пришлось отказаться от идеи продолжить образование в Высшей женской школе в Белграде. Врачи не рекомендовали ей напрягать зрение и не советовали читать и писать, чтобы совсем не ослепнуть, поэтому Димитриевич приходилось это делать тайно. После того как будущая писательница в 19 лет вышла замуж за военного, ее жизнь изменилась – муж с одобрением относился к увлечению Елены книгами, они много путешествовали. 17 лет супруги прожили в городе Ниш (южная Сербия), а потом переехали в Белград, где Елена, за исключением времени, проведенного в путешествиях, оставалась до конца жизни.

Димитриевич в годы балканских войн работала санитаркой в белградском госпитале (1912–1913). Первая мировая война принесла писательнице тяжелое испытание – в 1915 г. погиб ее супруг.

В литературу Елена Димитриевич вошла как поэтесса. Критика сравнивала ее с Сафо, азербайджанским поэтом Мирзой Шафи Вазехом и чаще всего с сербом Йованом Иличем из-за увлечения темой Востока [4. С. 3].

Елена Димитриевич, по сравнению с современницами, много путешествовала, о некоторых поездках она написала путевые заметки. Травелогги занимают значительное место в ее творчестве: «Письма из Салоник» («Писма из Солуна», 1918), «Письма из Индии» («Писма из Индије», 1928), «Семь морей и три океана» («Седам мора и три океана», 1940) и др.

Еще в молодости, живя в южной Сербии (г. Ниш), она увлеклась Востоком, познакомилась с жизнью турецких гаремов (в 1897 г. было опубликовано произведение «Письма из Ниша о гаремах»). Тема «Востока» будет фигурировать не только в поэзии Димитриевич, но и в прозаических текстах (в романе «Новые женщины», в многочисленных травелогах).

С какой же целью направляется Димитриевич в Америку? В Америку, как писательница сама признается, она едет для того, чтобы забыть об ужасах Первой мировой войны. В первой главе под названием «Бегство от воспоминаний» рассказывается, что, прежде чем сесть на корабль в Англии (г. Плимут), Димитриевич проезжает другие страны разоренной войной Европы «с горами и долами, испещренными снарядами, [...] с морями и реками крови; с деревьями – когда-то белыми – превращенными в черные пепелища»⁶. Мотив бегства из Старого Света в Новый становится доминантой всего ее путешествия.

Сербская писательница представляет США как прогрессивную страну с бурно развивающейся экономикой, с растущими небоскребами, с молниеносно обогащающимся высшим классом, с массовым увлечением кинематографом. Димитриевич упоминает и о запретах: в то время царил сухой закон, запрещены танец шимми, публичный флирт, а женщинам нельзя курить в общественных местах.

Автор знакомит нас и с бытовыми подробностями, детально описывает американские дома и квартиры, еду и напитки, одежду и т.п. В то время многие американки отказываются от слуг, так как им легко, по мнению писательницы, вести хозяйство, ведь их труд облегчает техника. Например, очень подробно Димитриевич рассказывает сербским читателям о том, как функционирует стиральная машина или газовая плита.

⁶ Dimitrijević J.J., 2019. S. 47–48.

Писательница побывала в Нью-Йорке, Гарритауне, Вашингтоне, Бостоне, Броктоне, Филадельфии, посетила и Ниагарский водопад. Помимо общей информации об американских городах сербская путешественница сообщает об опыте общения с американцами и представителями других наций, встретившимися на ее пути. Почти каждая встреча превращается в тексте Димитриевич в развернутую историю так называемого Другого.

Категория Другого присутствует в любом травелоге – в путешествии происходит встреча с Другим. Осмысление Другого происходит в диалоге с Я, на фоне собственного опыта. Травелог можно считать скрытой автобиографией – в нем присутствуют не только описания страны, по которой перемещается автор, в тексте содержатся сведения и о самом путешественнике.

О родстве травелога с автобиографией еще в начале XIX в. (1802) размышлял русский историк и писатель Николай Карамзин: «Ныне путешествуют не для того, чтобы узнать и верно описать другие земли, но чтобы иметь случай поговорить о себе» («Моя исповедь. Письмо к издателю журнала») [2. С. 729]. Димитриевич рассказывает не только об увиденных городах, людях и явлениях, но и о себе, о событиях своей жизни. Так мы узнаем об опыте ее путешествий по Востоку, о ее личной трагедии – гибели мужа, о ее политических взглядах и интересах.

Восприятие нового происходит путем сопоставления Другого со Своим, неизвестного с хорошо знакомым. Нередко Димитриевич в Америке вспоминает о своей родной стране. Текст пронизан гордостью за свою страну и бесконечным сочувствием ко всем сербам, пострадавшим в борьбе за независимость во время Сербских восстаний и в бойне Первой мировой войны. Димитриевич, находясь еще в Европе, познакомилась с несколькими американцами, оказывавшими помощь сербам (майор Фротингам, миссис Морс). Глава «Poor little Serbia» (а этим эпитетом американцы, по словам писательницы, пользуются всегда, когда упоминается Сербия) повествует о посещении Димитриевич нью-йоркского благотворительного общества, собирающего средства для сербских сирот. Входя в помещение этой организации, она видит висящую на стене картину, на ней изображена Сербия в образе погибающего сербского героя⁷. Эта картина вновь пробуждает в сербской путешественнице болезненные воспоминания, от которых она стремилась убежать, отправившись в Новый свет. Писательница живо интересуется и судьбой сербских эмигрантов (глава «Наши в Америке»).

Опытная путешественница Димитриевич сравнивает США не только с родной Сербией, но и с Турцией и Египтом. Нередко она находит много общего у турчанок и американок: американки, как и турчанки, любят слишком яркий макияж, американки жуют жевательную резинку, но не курят, так как это запрещено, а турчанки и курят, и жуют «саказ» (тип жвачки. – А.Б.). «Сколько раз, наблюдая за жеванием таких прогрессивных женщин, я совершенно забываю, что я в Нью-Йорке, у Атлантического океана, и воображаю, что я в Царьграде, на берегах Мраморного моря и Босфора»⁸.

Весьма необычным представляется и сравнение отеля для женщин в Нью-Йорке (Ратлидж) с турецкими гаремами («христианские гаремы»⁹ – пишет Димитриевич). «Большой гарем паши без паши» – так характеризует Димитриевич другой

⁷ *Dimitrijević J.J.*, 2019. S. 282.

⁸ *Dimitrijević J.J.*, 2019. S. 129.

⁹ *Dimitrijević J.J.*, 2019. S. 206.

пансион в Вашингтоне¹⁰. В данном случае проявляется чувствительность Димитриевич к политике разделения. Она замечает, что в Америке для мужчин и женщин даже в публичной жизни отведены разные сферы, у каждого пола своя социальная ниша: днем американки посещают различные собрания, клубы, церкви, библиотеки, слушают или читают лекции, занимаются благотворительностью, а мужчины в это время зарабатывают доллары в нью-йоркском районе Даунтаун. В США существуют специальные отели и пансионы только для женщин — именно в них и селится сербская писательница. В Вашингтоне она испытывает большие трудности, когда пытается найти себе жилье — большинство арендодателей ориентированы только на мужчин.

Куда бы сербская писательница ни отправилась — в турецкие гаремы или американские клубы ее интересует положение женщин. Одна глава травелога так и называется — «Американки», другая — «Нью-Йорк и женщины», две главы («Женщины на выборах» и «В день выборов») посвящены выборам в Америке. Димитриевич одобительно высказывается о получении женщинами избирательного права.

Особое внимание писательница уделяет классовым, расовым и гендерным различиям. Она изучает жизнь разных социальных слоев, наблюдает проявления антисемитизма и расизма. В нескольких местах текста автор передает мнение белых американцев о «черной угрозе». Однако на примере собственного опыта общения с афроамериканцами Димитриевич разбивает стереотип об их «вороватости», бытующий у белокожих американцев. В эпизоде, описывающем посещение афроамериканской церкви, Димитриевич рассказывает о любезности прихожан, о том, что они ничего (ни кожаную сумку, ни золотую цепочку) у нее не украли, а когда она забыла в церкви плащ, то один молодой человек, выбежавший из церкви, вернул ей его¹¹. Писательница, путешествующая железной дорогой, удивлена существованием специальных вагонов для афроамериканцев¹², чем также демонстрирует повышенную чувствительность к дискриминации. Димитриевич указывает на существующий парадокс, отмечая, что в Америке «все негритянское — и музыка, и танцы, и американцы любят и одно и другое, хотя ненавидят негров»¹³.

В гендерной теории женщина воспринимается как Другой. Эта концепция сформировалась в философии экзистенциализма. Для С. де Бовуар [1] женщина — это Другой, существо репрессированное и декларируемое вторичным в обществе. Эта позиция Другого получает отражение и в текстах Димитриевич. Можно говорить о взгляде Другого на Другого, проявившемся в особой эмпатии писательницы. Как уже было сказано выше, Димитриевич с сочувствием относится ко всем дискриминированным слоям населения в Америке. В ее травелоге представлен дифференцированный взгляд на Другого, наблюдается смена оптики: то Димитриевич рассуждает о другой нации, т.е. об американцах вообще, представителях Нового Света (например, о молодости американской нации, об их патриотизме, граничащем с фанатизмом, об их трудолюбии), то переводит внимание на американских женщин, которые являются Другими по отношению к мужчинам, им отведены другие сферы в публичном пространстве. То автор пишет об афроамериканцах, которые являются Другими для белокожих, то — о различиях между средним и высшим классом (например, Димитриевич неоднократно упоминает, что американки среднего класса самостоятельно ведут хозяйство, не пользуются помощью слуг),

¹⁰ Dimitrijević J.J., 2019. S. 347.

¹¹ Dimitrijević J.J., 2019. S. 319.

¹² Dimitrijević J.J., 2019. S. 334–335.

¹³ Dimitrijević J.J., 2019. S. 172.

писательница не забывает и о Своих (сербах), хотя они тоже являются в Америке Другими. Все персонажи данного травелога награждаются Димитриевич «правом голоса». Данное многоголосие не так часто встречается в травелогах (см., например, тексты Иво Андрича, Йована Дучича и др., редким исключением является произведение Растко Петровича «Люди говорят», 1931)¹⁴.

Известная сербская писательница Исидора Секулич, современница Димитриевич, высоко оценила именно ее способность передавать диалоги встретившихся на пути людей: «Текст то поднимается до уровня литературы, то опускается до газетного фельетона. Но все описания весьма информативны, экзотика всегда находит реальное объяснение, а разговоры с людьми такие непосредственные, что, как будто в романе, открывают счастье и несчастья целого народа и эпохи.» [5. С. 398–399].

Примечательно, что Димитриевич обращает внимание на поведенческие особенности американцев — например на манеру задавать вопросы: «Американки имеют привычку вас спрашивать, поэтому напоминают детей»¹⁵. Она вспоминает: «Когда бы я ни приехала в Турцию, турчанки спрашивали меня: “Для чего Вы приехали в Турцию? Есть ли у Вас друг в нашем городе?” В Америке американки меня спрашивают: “Прочитаете ли Вы лекцию о своей стране? Брали ли у Вас интервью американские журналисты? Напечатан ли Ваш портрет в американских газетах?”»¹⁶. Автор говорит и о поведенческой эксцентричности американок: «Американки много в чем эксцентричны: оголяют шею и надевают летнюю шляпу в январе, а в июле носят мех; всю зиму едят мороженое и пьют воду со льдом. Да, пьют воду со льдом, когда замерзают не только реки Чарльз и Гудзон, но и Миссисипи»¹⁷.

Стоит отметить, что Димитриевич проявляет необычайный интерес к эмоциональной составляющей поведения людей. Она анализирует уровень эмоциональности американцев и приводит следующее высказывание: «Это холодный народ...»¹⁸. Или: «Американки холодные»¹⁹. Несколько страницами позже повторяет еще раз: «Американки холодные, у них совсем нет темперамента»²⁰ и сравнивает их лица с греческими статуями. В холодности, по мнению Димитриевич, американки превзошли даже англичанок²¹.

Размышляя о частоте разводов в Америке, автор объясняет это явление эмоциональной холодностью. Встретившаяся Димитриевич американка, которая была четыре раза замужем, утешая одну девушку, приговаривала: «Не печальтесь, не отчаивайтесь, моя дорогая, одни двери закрываются, другие открываются»²².

Димитриевич в своем тексте сравнивает эмоционально-поведенческие реакции женщин разных наций: если американку оставит муж, она найдет себе другого, она не будет страдать от боли как европейка и не умрет от тоски как азиатка, к примеру, турчанка²³.

¹⁴ Петрович Р. Люди говоре. http://www.antologijasrpskeknjizevnosti.rs/ASK_SR_AzbucnikPisaca.aspx (дата обращения: 27.08.2021).

¹⁵ Dimitrijević J.J., 2019. S. 140.

¹⁶ Dimitrijević J.J., 2019. S. 146.

¹⁷ Dimitrijević J.J., 2019. S. 146.

¹⁸ Dimitrijević J.J., 2019. S. 164.

¹⁹ Dimitrijević J.J., 2019. S. 136.

²⁰ Dimitrijević J.J., 2019. S. 141.

²¹ Dimitrijević J.J., 2019. S. 137.

²² Dimitrijević J.J., 2019. S. 140.

²³ Dimitrijević J.J., 2019. S. 164.

«Это страна джаз-бэндов, фокстрота, уанстепа и тустепа, танго (шимми, как я уже раньше говорила, запрещен), женских спичей и пасторских проповедей, а также страна адвертисмента, или как это лучше сказать на чистом “сербском” – рекламы»²⁴ – иронизирует Димитриевиц. Данный отрывок свидетельствует о необычайной языковой восприимчивости писательницы. В этом травелоге присутствуют многочисленные англоязычные вкрапления. Любопытно, что в других травелогах автора наблюдается похожая картина – так «Письма из Ниша о гаремах» («Писма из Ниша о харемима», 1897) изобилуют турцизмами, что иногда затрудняет восприятие. Димитриевиц, говорившая на многих языках (помимо сербского, на турецком, греческом, английском, французском, немецком и русском), вслушивается в каждое слово, отмечает особую, на ее взгляд, певучесть американского английского.

Сквозь текст травелога сквозит восхищение Новым светом, в нем присутствует высокая степень эмпатии и пристальное внимание к деталям, однако Димитриевиц избегает прямых однозначных оценок – очевидно стремление к объективному, безоценочному повествованию.

Если путешественница сталкивается с чем-то непонятным, она часто проясняет возникший вопрос у местного населения. Когда однажды Димитриевиц из газет узнала о расправе полиции с американцами, танцующими запрещенный танец шимми, она, осознав, что запреты властей не являются пустыми словами на бумаге, спросила американок: «И это ваша знаменитая американская свобода?», на что ей было отвечено: «В Америке у свободы есть права, но есть и обязанности»²⁵.

Из травелога Димитриевиц явствует, что при всей прогрессивности Америки по сравнению с Европой, в американском обществе отсутствует полная свобода, чувствуются жесткие рамки, имеют место разные виды дискриминации (расовой, классовой и гендерной). Димитриевиц, пытаясь сохранить позицию наблюдателя, документирует существующие проблемы, задает вопросы. Их теоретическое обоснование будет сделано во второй половине XX в., когда появятся работы о расе, классе и гендере (например, книга Найры Юваль-Дэвис «Gender & Nation», 1997 [10] и др.), а также исследования интерсекциональности [8], посвященные взаимосвязи различных видов дискриминации в культуре под влиянием разных факторов (расы, класса, гендера и прочие). В травелоге в многоголосый хор Других вторгается и голос повествовательницы, задающей вопрос: «Ах, Боже, отец всех людей! До каких пор будут существовать расы, касты, классы; белые, черные и красные?»²⁶.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Димитриевиц Е. Новые женщины. М.: Недра, 1928. 293 с.

Димитријевић Ј. Седам мора и три океана. Путем око света. Београд: Државна штампарија Краљевине Југославије, 1940. 409 с.

Петровић П. Људи говоре. URL: http://www.antologijasrpskeknjizevnosti.rs/ASK_SR_AzbucnikPisaca.aspx (дата обращения: 27.08.2021).

Димитријевић Ј.Ј. Нови свет или у Америци godinu dana. Београд: Laguna, 2019. 455 с.

²⁴ «Ovo je zemlja džez banda, fokstrota, uan steпа i tu steпа, tanga (šimi je, kao što sam rekla zabranjen), ženskih spičeva (speech. – А.Б.) i popovskih pričeva (preach, игра слов. – А.Б.), kao i zemlja advertismana, ili kako bi se reklo “srpski” reklama». *Dimitrijević J.J.*, 2019. S. 147.

²⁵ «Pa zar je to ta čuvena američka sloboda? – upitah ja s vatrom Amerikanke... «U Americi sloboda ima право, ali ima i dužnost». *Dimitrijević J.J.*, 2019. S. 138

²⁶ «Ah, Bože, oče svih ljudi! Dokle će biti rasa, kasta, klasa; belih, crnih i crvenih?». *Dimitrijević J.J.*, 2019. S. 319.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *de Beauvoir С.* Второй пол. Т. 1 и 2. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.
2. *Карамзин Н.В.* Избранные сочинения в двух томах. М.; Ленинград: Художественная литература, 1964. Т. 1. 809 с.
3. *Koch М.* Гендер дискурс у акцији. Наратолошке трансгресије код списатељица на почетку двадесетог века. Случај: Јелена Димитријевић // Научни састанак слависта у Вукове дане (15–18.9.2004; Београд). Београд, 2005. № 34/2. С. 255–268.
4. *Пековић С.* Јеленина писма // Димитријевић Ј. Писма из Ниша о Харемима. Београд; Горњи Милановац, 1986. С. I–XV.
5. *Секулић И.* Јелена Димитријевић: Нови свет или у Америци годину дана // Секулић И. Из домаћих књижевности. (што это?). Београд: Вук Караџић, 1977. Књ. I. С. 398–399.
6. *Слапшак С.* Хареми, номади: Јелена Димитријевић // *Про Фемина*. Београд. 1998. № 15–16 (јесен-зима). С. 137–149.
7. *Стјелја А.* Јелена Ј. Димитријевић – трагом прве признате српске књижевнице // Књижевна историја 44. 2012. № 147. С. 341–354.
8. *Crenshaw К.* Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color // *Identities: race, class, gender, and nationality*. Malden, Mass.: Blackwell, 2003. P. 175–200.
9. *Dojčinović В.* Америка Јелене Ј. Димитријевић // *Dimitrijević J.J. Novi svet ili u Americi godinu dana*. Београд: Laguna, 2019. S. 9–39.
10. *Yuval Davis N.* *Nation and Gender*. London: SAGE Publications, 1997. 168 p.
11. *Jelena J. Dimitrijević* // *Knjiženstvo, teorija i istorija ženske književnosti na srpskom jeziku do 1915. godine* [baza podataka]. URL: <http://knjizenstvo.etf.bg.ac.rs/sr/autorke/jelena-j-dimitrijevic> (дата обращения: 16.11.2021).

REFERENCES

- de Beauvoir S. *Vtoroi pol.* Vol. 1 i 2. Moscow, Progress Publ., St. Petersburg, Aleteia Publ., 1997, 832 p. (In Russ.)
- Karamzin N.V. *Izbrannyje sochineniia v dvukh tomakh*. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1964, t. 1. 809 p. (In Russ.)
- Koch M. Gender diskurs u akciji. Naratološke transgresije kod spisateljica na početku dvadesetog veka. Slučaj: Jelena Dimitrijević. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane* (15–18.9.2004; Beograd). Beograd, 2005, no. 34/2. pp. 255–268. (In Serb.)
- Peković S. Jelenina pisma. *Dimitrijević J. Pisma iz Niša o Haremima*. Beograd, Gornji Milanovac, 1986, pp. I–XV. (In Serb.)
- Sekulić I. Jelena Dimitrijević: Novi svet ili u Americi godinu dana. *Sekulić I. Iz domaćih književnosti I*. Beograd, Vuk Karadžić Publ., 1977, pp. 398–399. (In Serb.)
- Slapšak S. Haremi, nomadi: Jelena Dimitrijević. *ProFemina*. Beograd, 1998, no. 15–16 (jesen-zima), pp. 137–149. (In Serb.)
- Stjelja A. Jelena J. Dimitrijević – tragom prve priznate srpske književnice. *Književna istorija*. Beograd, 2012, no. 147. pp. 341–354. (In Serb.)
- Crenshaw K. Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color. *Identities: race, class, gender, and nationality*. Malden, Mass., Blackwell, 2003, pp. 175–200.
- Dojčinović В. Америка Јелене Ј. Димитријевић. *Dimitrijević J.J. Novi svet ili u Americi godinu dana*. Beograd, Laguna Publ., 2019, pp. 9–39. (In Serb.)
- Jelena J. Dimitrijević // *Knjiženstvo, teorija i istorija ženske književnosti na srpskom jeziku do 1915. godine* [baza podataka]. URL: <http://knjizenstvo.etf.bg.ac.rs/sr/autorke/jelena-j-dimitrijevic> (accessed: 16.11.2021).
- Yuval Davis N. *Nation and Gender*. London, SAGE Publications, 1997, 168 p.

Информация об авторе

Бодрова Анна Геннадьевна,
 Кандидат филологических наук,
 доцент Кафедры славянской филологии,
 Филологический факультет СПбГУ,
 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
 ORCID: 0000-0002-8625-6589
 E-mail: a.bodrova@spbu.ru

Information about the author

Anna G. Bodrova,
 PhD, Associate Professor,
 Department of Slavic Philology,
 Philological Faculty, Saint Petersburg State University,
 St. Petersburg, Russian Federation;
 ORCID: 0000-0002-8625-6589;
 E-mail: a.bodrova@spbu.ru

Библиотека Юлиана Яворского: книжное собрание и его владелец

© 2022 г. И.И. Баринов

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

barinovnoble@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена Юлиану Яворскому, крупнейшей фигуре научной и интеллектуальной жизни галицких русофилов первой трети XX в., а также судьбе его личного книжного собрания. В отличие от архива Яворского, его библиотека в силу ряда причин оставалась вне поля зрения исследователей. После смерти владельца в 1937 г. она попала в научно-исследовательский Институт Восточной Европы в Бреслау, где, вопреки первоначальному намерению, была разделена по тематическому признаку. Поступив вместе с трофейной литературой из Германии в Государственную библиотеку СССР, книги из бывшего собрания Яворского были окончательно расплынены. Предпринятая попытка реконструкции библиотеки ученого призвана, помимо прочего, подробнее раскрыть личность ее обладателя, проследить развитие его научных интересов и выявить личные контакты.

Ключевые слова: Галиция, Карпатская Русь, Восточная Европа, личная библиотека.

Ссылка для цитирования: *Баринов И.И.* Библиотека Юлиана Яворского: книжное собрание и его владелец // *Славяноведение*. 2022. № 1. С. 103–112. DOI: 10.31857/S0869544X0018094-6.

Yulian Yavorski's library: the book collection and its owner

© 2022. I.I. Barinov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

barinovnoble@gmail.com

Abstract. The article is devoted to Yulian Yavorsky, the main figure in the scientific and intellectual life of the Galician Russophiles of the first third of the 20th century, as well as the fate of his personal book collection. Unlike Yavorsky's archive, his library remained out of sight of researchers. After his death in 1937, it was transferred to the Osteuropa-Institut in Breslau and thereafter divided thematically, despite the original intention to preserve it as a whole. After the end of World War II, the rest of the books from the former collection of Yavorski came to the Lenin State Library of USSR in Moscow along with other trophy literature, where it was finally dispersed. The attempt

of reconstruction of the Yavorski's library is aiming to understand his personality, to trace the development of his scientific interests and to identify personal contacts.

Keywords: Galicia, Carpathian Rus, Eastern Europe, personal library.

Reference for citation: *Barinov I.I.* Yulian Yavorski's library: the book collection and its owner // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No 1. P. 103–112. DOI: 10.31857/S0869544X0018094-6.

Изучение исторического персонажа через его библиотеку не относится к распространенным и популярным исследовательским подходам. Если специалисты обращаются к нему, то чаще всего речь идет о крупных фигурах, оставивших заметный след в истории [4]. Тем не менее этот подход представляется релевантным и для личностей меньшего масштаба. Порой не только владельческие знаки и маргиналии, но и состав библиотеки может много сказать о ее обладателе, и наоборот – перипетии жизненного пути обладателя могут повлиять на судьбу его собрания. В данной статье речь пойдет о Юлиане Андреевиче Яворском (1873–1937), ученом-слависте и этнографе, ставшем знаковой фигурой в галицкой и карпаторусской интеллектуальной жизни первой трети XX в.

Несмотря на то что с момента смерти Яворского минуло более 80 лет, за это время не появилось ни одной его научной биографии. По сути, единственным доступным источником сведений о жизни и деятельности Яворского является юбилейная брошюра, написанная карпатоведом Федором Аристовым. Стоит отметить, что она – не биография в строгом смысле слова, поскольку по просьбе автора сам Яворский предоставил для нее краткое жизнеописание [1. С. 3–8]. Как следовало из него, будущий ученый родился 15 (27) ноября 1873 г. в селе Белече Дрогобычского уезда в восточной части Галиции. По словам Яворского, в школьные годы у него постоянно возникали конфликты на политической почве с администрацией учебных заведений, где он обучался. Из-за этого, сменив три гимназии на родине, Яворский получил аттестат в 1892 г. в захолустном городе Ясло в Западной Галиции. Отношения с властями не складывались и в дальнейшем: исключенный из Львовского университета за участие в демонстрации Яворский получил высшее образование в Черновцах.

Стремясь вернуться в галицко-русскую жизнь, Яворский вернулся во Львов, где с 1898 по 1902 г. работал сначала в редакции «Галичанина», главной газеты местных русофилов, а затем в качестве секретаря Галицко-русской матицы. Чтобы обеспечивать семью, Яворский в ноябре 1903 г. защитился в Вене у профессора Ватрослава Ягича, ведущего слависта своего времени, и поступил на службу в Ряшевскую гимназию. Очевидно, оторванность от интеллектуальных центров и репутация политически неблагонадежного тяготили Яворского. Проработав в Ряшеве всего один год, в 1904 г. молодой учитель переехал в Россию, где устроился преподавателем русского языка в привилегированную Александровскую гимназию в Киеве. Там он прожил следующие шестнадцать лет, причем его квартира на улице Караваевской (сейчас – Льва Толстого) находилась через дорогу от места службы. Еще до революции Яворский получил известность как этнограф («К истории галицко-русских колядок». Львов, 1901), археограф («Описание рукописей Александровской Киевской гимназии». Киев, 1913) и фольклорист («Заговоры и апокрифические молитвы по карпато-русским рукописям XVIII-го и начала XIX-го в.» Варшава, 1915). Высокая репутация в академических кругах позволила ему, хотя и не без препятствий, избраться в 1915 г. доцентом Киевского университета Святого Владимира.

Стоит отметить, что ряд сюжетов из российского периода жизни Яворского по-прежнему остаются «белыми пятнами». Прежде всего, это касается его политической деятельности. Так, остается неясным характер взаимоотношений Яворского с Галицко-русским благотворительным обществом (организацией, поддерживавшей русофилов Галиции из России). Непонятна и степень реального участия Яворского в киевском Карпато-русском освободительном комитете в августе-сентябре 1914 г. С последней структурой был связан устойчивый слух, что ученый являлся автором брошюры «Современная Галичина», с помощью которой русские офицеры в Галиции могли бы отделять лояльных русофилов от враждебно настроенных украинофилов. В частности, его воспроизвел в мемуарах, написанных по горячим следам, украинский политик Дмитрий Дорошенко¹. Любопытно, что уже в эмиграции Дорошенко решил прояснить это непосредственно у Яворского и, очевидно, получил отрицательный ответ. В архиве ученого сохранилось письмо Дорошенко от 1 июля 1925 г., в котором тот указал, что получил эту информацию из штабных кругов на Юго-Западном фронте и обещал в следующем издании мемуаров исправить этот момент².

Годы Гражданской войны в России обходятся в брошюре Аристового молчанием. В 1920 г., отказавшись от предложения занять кафедру в недавно открытом Воронежском университете, Яворский вернулся во Львов, где заведовал библиотекой Русского народного дома. В сентябре 1924 г. он переехал в Моравску Тржебову и некоторое время преподавал в местной русской гимназии. С декабря 1926 г. ученый жил в Праге, где работал в Славянском институте. С переездом в Чехословакию Яворский переключился на карпаторусскую тематику. В пражский период им были написаны такие работы, как «Ветхозаветные библейские сказания в карпаторусской церковно-учительной обработке конца XVII-го века» (1927), «К библиографии литературы об А.В. Духновиче» (1928), «Национальное самосознание карпаторуссов на рубеже XVIII–XIX веков» (1929).

Одновременно Яворский вел обширную переписку. Среди его корреспондентов были как местные карпаторусские деятели (Шандор Бонкало, Георгий Геровский, Иван Панкевич), так и ученые-слависты в Советском Союзе (Григорий Ильинский, Евфимий Карский) и эмиграции (Александр Кизеветтер, Евгений Недзельский, Антоний Флоровский, Евгений Шмурло). Не прерывал он связей и с львовянами, общаясь с представителями различных лагерей – Михаилом Возняком, Иваном Кревецким, Григорием Мальцем. Судя по контексту ответов, Яворский постоянно обменивался с ними мнениями, получал новые сведения, консультировался. Пользуясь своим авторитетом, он привлекал их к изданию научных сборников и при необходимости выступал посредником между авторами и чехословацкими академическими учреждениями. Кроме того, Яворский стал своего рода «мостом» между советскими и «буржуазными» учеными, соединяя Прагу, Львов и Ужгород с Москвой и Ленинградом³.

¹ Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле (1914–1920 роки). Київ: Темпора, 2007. С. 22–23.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5966. Оп. 1. Д. 57. Л. 2.

³ Дарственные надписи Яворского сохранились, в частности, на двух экземплярах брошюры «Ветхозаветные библейские сказания в карпаторусской церковно-учительной обработке конца XVII-го века». Первый 8 декабря 1927 г. был направлен Вячеславу Ржиге в Москву (хранится в Российской государственной библиотеке), второй через два дня – Всеволоду Срезневскому в Ленинград (хранится в Государственной публичной исторической библиотеке).

Юлиан Яворский скончался 11 января 1937 г. в Праге, где провел последние десять лет жизни. Вдова передала его бумаги на хранение в Русский заграничный исторический архив. Вместе с ним после окончания Второй мировой войны они попали в Москву, где в конечном итоге образовали отдельный фонд в составе Государственного архива Российской Федерации.

Судьба библиотеки Яворского оказалась куда запутаннее. Несомненно, что еще до революции ученый обладал обширным и во многом уникальным книжным собранием. Видимо, желая сохранить наиболее ценную его часть, в апреле 1917 г. Яворский продал коллекцию рукописных книг, собранную им в ходе экспедиций в Галицию, Публичной библиотеке в Петрограде. Там она составила отдельный фонд в Отделе рукописей⁴.

Покидая советскую Россию, ученый не смог вывезти книги, однако не оставлял надежды эвакуировать их. Среди бумаг Яворского сохранился неподписанный черновик письма в управление пражской Славянской библиотеки от 20 сентября 1928 г. В нем Яворский сообщал, что его собрание находится в Киеве на хранении у частного лица и предлагал отправить туда представителя чехословацкого МИДа, курировавшего библиотеку, чтобы тот принял книги, упаковал их и переправил в Прагу. Общее количество не указывалось, однако, как следовало из письма, Яворский собирался оставить себе по выбору около 250 наименований, а остальное продать библиотеке за внушительную сумму 50–60 тысяч чешских крон. Предполагалось, что все расходы по транспортировке тоже возьмет на себя Славянская библиотека⁵. Примечательно, что Яворский в ту пору жил в престижном районе Праги, на Бастионе Святой Людмилы, а библиотека располагалась недалеко от его дома, в летнем дворце пражского градоначальника.

Насколько можно судить, сделка не состоялась — по крайней мере, ни в ежегодниках Славянского института, ни в архиве чешского МИДа на этот счет нет никаких данных⁶. Тем не менее Яворскому все же удалось каким-то образом переправить свои книги (или по крайней мере их часть) в Прагу. После его смерти библиотека осталась в распоряжении вдовы, которая вскоре продала ее Институту Восточной Европы в Бреслау. Он был образован еще в 1918 г. и считался ведущим исследовательским центром по региональной проблематике. Его гордостью была обширная тематическая библиотека. В годы национал-социализма потенциал полунезависимого Института был сильно ослаблен по политическим соображениям. Помимо прочего, в январе 1937 г. значительная часть библиотечных собраний была изъята — официально в пользу государства, а фактически для передачи более лояльным «мозговым центрам». В это же время новым директором Института стал Ханс Кох, историк и теолог, тесно связанный с нацистскими партийными и военными структурами [3].

В силу происхождения (он был галицийским немцем) и профессиональной специализации Кох, помимо прочего, стремился пополнить библиотеку Института теми изданиями, которые были бы интересны лично ему. Вскоре для этого возникла подходящая возможность. В условиях нарастания напряженности между Германией и Чехословакией, как известно, закончившейся разделом последней, Институт в Бреслау был переориентирован на информационное обеспечение актуальной политики. Вероятно, Кох узнал о смерти

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 893. Собрание Ю.А. Яворского.

⁵ ГАРФ. Ф. Р5966. Оп. 1. Д. 118. Л. 12–12об.

⁶ Об этом автору любезно сообщил директор Славянской библиотеки, доктор Лукаш Бабка.

Яворского от кого-то из украинских эмигрантов и поспешил приобрести его коллекцию. Как следует из институтского отчета, «карпатоукраинская библиотека» (sic!) перешла во владение Института в 1938 г. путем покупки в качестве единого целого, в результате чего «удалось избежать распыления этого уникального собрания». На тот момент в нем насчитывалось около 1000 наименований, главным образом по политической и культурной истории, вопросам языка и литературы, а также краеведения и этнографии [2. С. 23].

Какие именно книги находились в библиотеке – неизвестно. Среди имеющихся бумаг Яворского каталог отсутствует. Нет его и в сохранившихся актах Института Восточной Европы (весной 1945 г. в ходе боев за Бреслау его здание было уничтожено вместе с большей частью архива). Библиотека же еще за год до этого была эвакуирована в силезский замок Грёдицберг и в итоге оказалась в распоряжении Красной армии. Вместе с массой трофейной литературы она поступила в Государственную библиотеку СССР имени В.И. Ленина (ГБЛ) в Москве. Там книжные собрания из Бреслау были разделены между отделом спецхранения и основным фондом. Это коснулось и книг из библиотеки Яворского, причем те наименования, которые оказались в спецхране, были зашифрованы под одной литерой («А») вместе с эмигрантскими изданиями на славянских языках.

Во многом благодаря тому, что в 1990-е годы трофейные фонды были описаны специалистами Российской государственной библиотеки, на сегодняшний день удалось выявить около 70 изданий из первоначального собрания Яворского. Теперь, по прошествии многих лет, мы имеем возможность, исходя из ряда косвенных признаков, отследить, как формировалась библиотека Яворского и как на это влияли личные предпочтения ее владельца. Не менее любопытным представляется вопрос бытования его книг в Институте Восточной Европы.

Изучение выявленных изданий показывает, что собрание Яворского функционировало как полноценная научная библиотека. Оно формировалось за счет дарения, книгообмена (в том числе с Советским Союзом) и покупки. Периодические издания (такие как пражская «Живая мысль» и ужгородская «Молодая Русь»), очевидно, приходили в рамках подписки. Все поступавшие книги обрабатывались владельцем. Так, большинство изданий заштамповано именной овальной печатью зеленого цвета, имеет библиографические пометки, у некоторых оттисков сохранились оригинальные светло-серые и коричневые обложки, на ряде книг – дарственные надписи их авторов Яворскому. Судя по подборке книг, ученый стремился максимально охватить исследовательские подходы к изучению Галиции и Подкарпатья. Помимо идейно близких авторов (Николай Бескид, Иван Панас) в библиотеке присутствовали работы представителей «украинского» лагеря (Михаил Грушевский, Дмитрий Дорошенко) и тех, кто рассматривал эти регионы в более широком контексте (евразийцы Мстислав Шахматов и князь Николай Трубецкой).

В этом смысле характеристика, данная собранию Яворского в Бреслау, соответствует действительности. Вместе с тем немецкий библиотекарь умолчал, что книги были рассортированы по тематическому признаку сразу после приобретения в 1938 г. Более половины книг оказались в разделе «Чехословакия», около четверти попало в разделы «Польша» и «Украина». Меньшая часть была отнесена к разделам «Восточная Европа», «Россия», «Периодика», «Библиография» и другим. В таком виде собрание Яворского находилось в Бреслау вплоть до эвакуации в Грёдицберг.

Каталогизация в библиотеке Института Восточной Европы имела свои особенности. Помимо шифра и инвентарного номера, на каждую книгу ставился штамп и наклеивался ярлык, обозначающий ее место на полке. Именно сочетание этих позиций указывало на то, что книгу использовали (впрочем, в 1943–1944 гг. ярлыки уже клеили далеко не всегда). Если на издании стоял только инвентарный номер, вероятнее всего, оно находилось в обменном фонде. Напротив, когда на книге вообще не было никаких обозначений, это значило, что она по какой-то причине была отбракована и лежала в запасниках.

Исследование собрания Яворского с этой точки зрения подтверждает первоначальную гипотезу. Исходя из указанных критериев, можно видеть, что руководство Института интересовало следующие темы:

- история Подкарпатья и его текущее положение;
- этноязыковые границы и взаимоотношения в крае;
- правомочность претензий Чехословакии и Венгрии на Карпатскую Русь;
- взаимоотношения русинов с чехословацким правительством и вопросы их самоопределения;
- возможность мобилизации местной молодежи;
- влияние германской культуры.

Соотношение «русского» и «украинского» в Подкарпатье, равно как и судьба самого края, как раз не интересовало немцев. Нерелевантными оказались и сугубо академические работы по фольклору, лингвистике, эпиграфике. Вместе с тем некоторые издания из фондов Института Восточной Европы вызывают дополнительные вопросы. Так, именной штамп Яворского на них отсутствует, однако их карпаторусская специфика говорит о том, что, скорее всего, они были в его библиотеке. В этом смысле неясно, относились ли эти книги к обменному фонду Яворского, или он просто не успел их обработать. В любом случае, после поступления в ГБЛ они были повторно зашифрованы (при этом старые штампы и шифры нередко даже не гасились) и с тех пор выпали из поля зрения исследователей.

Стоит отметить, что подобное обоюдное изучение исторического персонажа и его библиотеки способствует решению сразу нескольких исследовательских проблем. Помимо понимания научных интересов и личных связей ученого, оно может показать восприятие предмета его занятий как бы со стороны, в более широком контексте. Помимо этого, таким образом можно проследить, насколько пути человека и его интеллектуального багажа (в данном случае в прямом смысле слова) могут отличаться друг от друга. Подобный комплекс, как представляется, способствует лучшему раскрытию личности, особенно если речь идет о таких малоизученных персонажах, как Юлиан Яворский.

Список изданий, находившихся в библиотеке Юлиана Яворского

Книги из коллекции Яворского вместе с другими изданиями из фондов Института Восточной Европы в Бреслау, как уже указывалось выше, поступили на хранение в Государственную библиотеку СССР имени Ленина (сейчас — Российская государственная библиотека). Практически все издания оказались в отделе спецхранения, некоторые были переданы в общий фонд. Большинство книг обнаружено в картотеке трофейной литературы по библиографическим описаниям, другие выявлены по тематическому признаку.

№	Выходные данные	Примечания
1	Аристов Ф.Ф. И.И. Шараневич. К 100-летию со дня рождения. Ужгород, 1929.	
2	Бескид Н.А. Карпаторусская древность. Ужгород, 1928.	
3	Бескид Н.А. Кириллица и глаголица. Пряшев, 1930.	
4	Ваврик В.Р. Карпатороссы в Корниловском походе и Добровольческой армии. Львов, 1923.	
5	Ваврик В.Р. Справка о русском движении в Галичине. Львов, 1930.	
6	Ваврик В.Р. Талергоф. Львів, 1934.	
7	Вешние воды. Львов, 1932.	
8	Волошин А. О письменном языке подкарпатских русинов. Ужгород, 1921.	
9	Вондрак В. Вопрос о единстве русского языка перед австрийским военным судом в Вене в 1915 году. Львов, 1924.	
10	Вопрос о Народном Доме и Ставропигии в свете правды. Львов, 1922.	
11	Восемь лекций о Подкарпатской Руси. Пер. с чешского Д.Н. Вергуна. Прага, 1925.	Автограф: <i>Дорогому Юлиану Андреевичу Яворскому переводчик Дм. Вергун 1/X [1925?]</i> (край страницы обрезан при переплете)
12	[Годинка А.] Утцюзна, газдуство и прошлость южнокарпатских русинов. [Ужгород, 1922].	
13	Грушевський М.С. Історія української літератури. Тт. 1–3. Львів, 1923.	
14	Дорошенко Д. Гетманство 1918 года на Украине // Голос минувшего на чужой стороне. Т. 5. Париж, 1927.	
15	Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле. Ч. 1. Львів, 1923.	
16	Дорошенко Д. Просвіти на Великій Україні (Зі спогадів) // Календар Просвіти на 1928 р. Львів, 1927.	
17	Дорошенко Д. Угорська Україна. Прага, 1919.	
18	Еган Е. Економічне положене руських селян в Угорщині. Прага, 1922.	
19	Живая мысль (журнал). № 1 (Прага, 1932), № 2–3 (Прага, 1933), № 6 (Прага, 1934), № 7–8 (Прага, 1935), № 14–15 (Прага, 1936).	Штатпы Яворского есть только на № 1, 6, 14–15
20	Зубрицкий Д. Наш А. Духнович. Пряшев, 1923.	
21	Иностранцев М.А. История, истина и тенденция: По поводу книги генерал-лейтенанта К.В. Сахарова «Белая Сибирь». Прага, 1933.	
22	Каминский И. Автономия или обман? Ужгород, 1927.	
23	Каминский И. История Центральной русской народной рады. Ужгород, 1927.	
24	Карпаторусский сборник. Подкарпатская Русь в честь президента Т.Г. Масарика. Ужгород, 1930.	С опознавательными знаками Института Восточной Европы, но без штампа Яворского
25	Колесса Ф. Народні пісні з південного Підкарпаття. Ужгород, 1923.	Автограф: <i>Высокоповажаному пану професорови д-ру Юліянови Яворському на добру пам'ять передал Ф. Колесса</i>
26	Кондратович И. История Подкарпатской Руси. Ужгород, 1925.	

№	Выходные данные	Примечания
27	Кревецький І. Початки преси на Україні: 1776–1850 рр. // ЗНТШ. Т. 144–145. Львів, 1927. С. 185–208.	Автограф: <i>В[ельми] П[оваженому] П[рофес]орови Ю.А. Яворському Ів. Кревецький Львів 11 III 1927</i>
28	Крушельницький А. Школа під російською окупацією. Львів, 1917.	
29	Лессек Ф. Правек Подкарпатское Руси. Ужгород, 1922.	
30	Мазепа І. Україна під червоною Москвою. Львів, 1934.	
31	Маковский С.К. Народное искусство Подкарпатской Руси. Прага, 1925.	С опознавательными знаками Института Восточной Европы, но без штампа Яворского
32	Марков О.О. Из переписки А.И. Добрянского (письма О.А. Маркову). Ужгород, 1930.	
33	Молодая Русь (журнал). №№ 1,2,3/4 (Прага, 1930), 5/6, 7/8, 9/10 (Прага, 1931).	
34	Охримович Ю. Розвиток української національно-політичної думки. Львів, 1922.	
35	Студинський К. П.О. Куліш (Матеріали і розвідки). Ч. 2. Львів, 1930.	
36	Панас И.О. К вопросу о русском национальном имени. Ужгород, 1934.	Автограф: <i>Глубокоуважаемому и дорогому Юлиану Андреевичу Яворскому от преданного сочинителя 5 III 1934</i> С опознавательными знаками Института Восточной Европы, но без штампа Яворского
37	Пачовський В. Історія Подкарпатської Русі. Ч. 1. Ужгород, 1921.	
38	Петров А.Л. Задачи карпаторусской историографии. Прага, 1930.	
39	Петров А.Л. К. Fejérváry «De moribus et ritibus Ruthenorum» и аналогичные сведения М. Бея и Сирмаи. Ужгород, 1938.	Автограф: <i>Многоуважаемому Юлиану Андреевичу проф[ессору] Яворскому. А[лексей] П[етров]. 31/III 1929</i>
40	Петров А.Л. К истории «русских интриг» в Угрии в XVIII в. Ужгород, 1930.	
41	Подкарпатская Русь за годы 1919–1936. Ужгород, 1936.	
42	Поезии Александра Духновича. Сост. Ф. Тихий. Ужгород, 1922.	Автограф: <i>Высоко почтенному панови Юлиану Яворскому с глубоким и щирым почтением. Д[окто]р Фр[антисшек] Тихий Ужгород 30.I.1923</i>
43	Поздравление русинов памяти Духновича 1803–1923. Ужгород, 1923.	С опознавательными знаками Института Восточной Европы, но без штампа Яворского
44	Попов А.В. Ставровский-Попрадов. Мукачево, 1925.	
45	Раковський І. Доісторичні мотиви в українському народному мистецтві. Львів, 1929.	

№	Выходные данные	Примечания
46	Русак Ю. Очерки культурной истории Подкарпатской Руси. Ужгород, 1927.	
47	Саханев В. Новый карпаторусский эпиграфический материал. Ужгород, 1932.	
48	Стрипский Г. Где документы старейшей истории Подкарпатской Руси? Ужгород, 1924.	
49	Студинський К. Епізоди боротьби за українство в 1863 р. // Ювілейний збірник на пошану академіка Михайла Сергієвича Грушевського. К., 1928. Т. 2. С. 498–522.	
50	Тарнович Ю. Ілюстрована історія Лемківщини. Львів, 1936.	С опознавательными знаками Института Восточной Европы, но без штампа Яворского
51	Трубецкой Н. К украинской проблеме // Евразийский временник. Кн. V. Париж, 1927.	Автограф: <i>Юлиану Андреевичу Яворскому от автора 27/X 1927</i>
52	Фенцик С.А. Список книг, рекомендованных в сельские библиотеки на Подкарпатской Руси. Ужгород, 1929.	С опознавательными знаками Института Восточной Европы, но без штампа Яворского
53	Флоровский А. Очерк русско-чешских отношений. Прага, 1930.	
54	Флоровский А. Почитание св. Вячеслава, князя чешского, на Руси // Научные труды Русского народного университета в Праге. Т. II. Прага, 1929.	
55	Францев В.А. М.А. Погодин и Фр. Палацкий. К истории русско-чешских связей в конце XIX ст. Прага, 1928.	
56	Хроника НТШ за роки 1926–1930. Ч. 69/70. Львів, 1930.	
57	Центральная Европа (журнал). №№ 4,6 (Прага, 1931), №№ 1, 5 (Прага, 1932).	С опознавательными знаками Института Восточной Европы, но без штампа Яворского
58	Чижевський Д. Філософічна метода Сквороди. Львів, 1930.	Автограф: <i>Ю.А. Яворскому с искренним почтением автор</i>
59	Шахматов М. Отношение древнерусских книжников к татарам. Белград, 1929.	Автограф: <i>Глубокоуважаемому Юлиану Андреевичу Яворскому на добрую память от автора</i>
60	Шмурло Е.Ф. Сношения России с папским престолом в царствование Петра Великого (1697–1707). Белград, 1929.	
61	Щурат П. Пам'ятка по речникові покривджених. Львов, 1929	
62	Юный друг (журнал). № 4–8 (1-й год издания), № 1–2 (2-й год издания). Ужгород, 1930.	С опознавательными знаками Института Восточной Европы, но без штампа Яворского
63	Яворский Ю. Доктор П.М. Копко (некролог). Львов, 1924.	
64	Яворский Ю. Думы о Родине. Львов, 1923	
65	Яворский Ю. Карпаторусские варианты двух малоизвестных исторических песен. Прага, 1933.	
66	Francev V.A. Prof. A.L. Petrov. Praha, 1932.	
67	Francev V.A. Prof. Tim. Dm. Florinski. Praha, 1923.	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристов Ф.Ф.* Юлиан Яворский: к 40-летию его литературно-научной деятельности. Львов: типография Ставропигийского института, 1932. 15 с.
2. *Adamczyk A.* Die Bibliothek des Osteuropa-Institutes // *Jahrbuch des Osteuropa-Instituts zu Breslau für das Jahr 1940.* Breslau: Schlesien-Verlag, 1941. S. 19–30.
3. *Bömelburg H.-J.* Das Osteuropa-Institut in Breslau 1930–1940. Wissenschaft, Propaganda und nationale Feindbilder in der Arbeit eines interdisziplinären Zentrums der Osteuropaforschung in Deutschland // *Zwischen Konfrontation und Kompromiss.* München: Oldenbourg, 1995. S. 47–72.
4. *Miskolczy A.* *Hitler's Library.* Budapest-New York: Central European University Press, 2003. 164 p.

REFERENCES

- Adamczyk A. Die Bibliothek des Osteuropa-Institutes. *Jahrbuch des Osteuropa-Instituts zu Breslau*, ed. G. Behaghel, Breslau, Schlesien-Verlag, 1941, pp. 19–30. (In German)
- Aristov F. F. *Iulian Iavorskii: k 40-letiiu jego literaturno-nauchnoi deiatel'nosti.* L'vov, tipografiia Stavropigiiskogo instituta, 1932, 15 p. (In Russ.)
- Bömelburg H.-J. Das Osteuropa-Institut in Breslau 1930–1940. Wissenschaft, Propaganda und nationale Feindbilder in der Arbeit eines interdisziplinären Zentrums der Osteuropaforschung in Deutschland. *Zwischen Konfrontation und Kompromiss*, ed. M. Garleff, München, Oldenbourg, 1995, pp. 47–72. (In German)
- Miskolczy A. *Hitler's Library.* Budapest; New York, Central European University Press, 2003, 164 p.

Информация об авторе

Баринов Игорь Игоревич,
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Отдела восточного
славянства, Институт славяноведения РАН,
г. Москва, Российская Федерация; ORCID:
0000-0003-0154-1506.
E-mail: barinovnoble@gmail.com

Information about the author

Igor I. Barinov,
Ph D. (History), Senior Researcher, Department
of the Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: 0000-0003-0154-1506.
E-mail: barinovnoble@gmail.com

DOI: 10.31857/S0869544X0018095-7

Оригинальная статья /
Original Article

«Герои» и «антигерои» в истории Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XX века). Обзор конференции в Институте славяноведения РАН

©2022 г. А.Н. Канарская

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

kanarska.anna@mail.ru

Ссылка для цитирования: *Канарская А.Н.* «Герои» и «антигерои» в истории Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XX века). Обзор конференции в Институте славяноведения РАН // *Славяноведение*. 2022. № 1. С. 113–122. DOI: 10.31857/S0869544X0018095-7.

«Heroes» and «antiheroes» in the history of Central and Southeastern Europe (second half of the 20th century. Overview of the conference at the Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences

© 2022. A.N. Kanarskaya

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

kanarska.anna@mail.ru

Reference for citation: *Kanarskaya A.N.* «Heroes» and «antiheroes» in the history of Central and Southeastern Europe (second half of the 20th century. Overview of the conference at the Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No. 1. С. 113–122. DOI: 10.31857/S0869544X0018095-7.

О роли личности в истории сказано немало. Очевидно, что степень ее влияния на исторические реалии и факты обусловлена как характером, так и «качествами» самой личности, ее возможностью оказывать влияние на общество. Современная наука в целом опровергает идею предопределенности исторического процесса и настаивает, что предопределенность должна доказываться, а не утверждаться голословно. Антиподом предопределенности выступает множество альтернатив будущего, которые способны меняться в результате деятельности групп людей или отдельных личностей. Исторический выбор преломляется через человеческие судьбы, а индивидуальная судьба, в свою очередь, может стать воплощением возможного человеческого выбора. История показывает, что отдельные лица не в состоянии «отменить» закономерности, по которым развивается общество, но в состоянии повлиять на те или иные исторические события, моделируя в своих намерениях и желаниях варианты действия. Именно это влияние делает каждого человека, будь он «героем» или «антигероем»,

ответственным за свои дела. Через призму такого подхода прошло обсуждение проблемы «“Герои” и “антигерои” в истории Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XX века)» в Институте славяноведения РАН. Открывая конференцию, *Т.В. Волокитина* подчеркнула несомненную актуальность обсуждаемой темы, поскольку в наши дни активно дискутируются проблемы исторической памяти, исторической политики, исторической интерпретации. Их осмысление, вполне понятно, связано с оценками отдельных личностей. Способны ли они были изменить ход истории? По каким причинам происходит трансформация бывшего «героя» в его антипода и наоборот? Каковы механизмы этого процесса? Наконец, как сегодня формируется пантеон национальной истории в изучаемых нами странах, какие личности прочно закреплены в памяти народов региона, как они влияют на формирование исторической политики?

На некоторые поставленные вопросы *Т.В. Волокитина* попыталась ответить в докладе «Вылко Червенков: современные оценки жизни и деятельности “болгарского Сталина”». С именем этого болгарского политического и партийного деятеля (1900–1980) связаны утверждение и функционирование в стране советской (сталинской) модели общественного развития на рубеже 1940–1950-х годов. В современной болгарской историографии этот период именуется «чистым сталинизмом».

Хотя, по мнению некоторых болгарских исследователей, в политической карьере Червенкова немалую роль сыграли его родственные связи (гражданский брак с сестрой Георгия Димитрова Еленой), к нему вполне подходит популярное ныне определение *self-made man* – человек, сделавший себя сам. В пользу этого вывода говорит деятельность Червенкова в межвоенный период и в годы Второй мировой войны.

Решающее значение для формирования Червенкова как коммунистического деятеля сталинского типа имели его пребывание с ноября 1925 г. в СССР и пройденная им школа Коминтерна. Ко времени возвращения в Болгарию в сентябре 1944 г. за плечами Червенкова – членство в ВКП(б), окончание аспирантуры Международной ленинской школы и защита кандидатской диссертации, активная преподавательская деятельность, руководство МЛШ и затем партшколой Коминтерна, работа в аппарате Загранбюро ЦК БКП, Балканском секретариате ИККИ и на радиостанции «Христо Ботев», вещавшей на Болгарию. На родине восхождение Червенкова по партийной карьерной лестнице продолжилось: он – секретарь ЦК партии, а затем член Политбюро, руководитель партийного органа – журнала «Съвременник» (позднее переименованного в «Ново време»), но его звездный час пробил в 1950 г.: после смерти Василя Коларова он стал главой правительства, одновременно руководил Национальным советом Отечественного фронта, Оргбюро ЦК БКП и парламентской группой коммунистов. Наконец, 8 ноября 1950 г. ЦК избрал Червенкова генеральным секретарем ЦК как «самого испытанного и достойного продолжателя дела товарища Георгия Димитрова, верного ученика великого Сталина».

В современной болгарской историографии отмечается большой авторитет Червенкова в партийных кругах как активного, работоспособного, высокообразованного и дисциплинированного функционера, не боявшегося ответственности и бравшего на себя реализацию многих задач. При этом он являлся убежденным последовательным сталинистом, в практической деятельности которого воплотились все негативы советской модели. С Червенковым связаны массовые чистки в партии и стране под лозунгами разоблачения «пятой колонны», борьбы с «буржуазными националистами», «титовскими агентами-provокаторами», разоблачения «врага с партийным билетом». При нем больших масштабов достигли «шпиономания» и проявления культа личности.

Особое внимание в болгарской историографии уделено деятельности Червенкова как главы правительства по внедрению советской экономической модели. Это был горячий сторонник форсированной индустриализации в крестьянской стране, причем со всем известным набором позитивов и негативов этого процесса. В его адрес традиционно звучат обвинения в развале болгарского сельского хозяйства, связанном с проведением массового кооперирования в его наиболее неприглядном виде (административное давление, экономическое принуждение, поспешные законы, грубые извращения, прямое насилие). Обратной стороной ускоренной индустриализации и массового кооперирования, как констатируют болгарские ученые, явились усиление миграционных процессов в стране, отток турецкого сельского населения, занятого, в первую очередь, в табаководстве, рост безработицы в городах. Ответом крестьянства стали сельские бунты в Кульской области в начале 1950-х годов.

После смерти Сталина Червенков с энтузиазмом следовал новому советскому «продовольственному» курсу в экономике и на волне начавшейся критики культа личности Сталина в СССР пытался незаметно избавиться от имиджа «маленького болгарского Сталина» и стать «болгарским Маленковым».

А в это время уже готовилось его смещение с руководящих постов. «Закат» Червенкова как политической личности отнюдь не резкий и одномоментный акт. Кипучую деятельность по компрометации

своего «соратника» в глазах Москвы развил Тодор Живков, устанавливая с этой целью доверительные отношения не только с советскими дипломатами, работавшими в Софии, но и с самим Н.С. Хрущёвым. Червенкова постепенно, ступенька за ступенькой, спускали вниз по иерархической лестнице. Живков использовал для этого пересмотр дела Трайчо Костова летом 1956 г. и новый виток разоблачения культа личности Сталина после XXII съезда КПСС (октябрь 1961 г.). Все эти действия, безусловно, согласовывались с Москвой, для которой фигура Червенкова была несовместима с объявленным курсом на «десталинизацию». Последним политическим ударом явились вывод Червенкова из состава ЦК и исключение из партии на VIII съезде БКП 4 ноября 1962 г.

Отметив характерно для историографии критически-разоблачительную тональность оценок деятельности Червенкова, Т.В. Волокитина подчеркнула, что предпринятые в годы его руководства страной такие меры в сфере социальной политики, как заключение коллективных трудовых договоров, общественная поддержка социально слабых слоев, стимулирование жилищного строительства, бесплатное медицинское обслуживание, отмена карточной системы, переход к свободной торговле промышленными и продовольственными товарами, неоднократное снижение цен, повышение зарплат, пенсий и стипендий и прочие заслуживают объективной оценки. Обвиняя Червенкова в «сталинском» деспотизме в бытность его председателем Комитета по науке и культуре, в насаждении принципов социалистического реализма в литературе и т.п., исследователи крайне редко вспоминают о положительной роли Червенкова в судьбе ныне широко известного романа Димитра Димова «Табак». Речь идет об ослаблении, пусть небольшим, партийного контроля в сфере культуры, причем еще при жизни Сталина.

Как видел Червенков пути преодоления экономического отставания Болгарии? Осознавал ли он слабые стороны и пороки советской модели? Считал ли необходимым и возможным реформировать систему? По мнению Волокитиной, он считал возможным использовать разные практики в интересах ускоренной модернизации страны. Характерен его интерес к китайскому опыту. Статьи Червенкова в партийной печати с пропагандой «китайской модели», опубликованные после поездки в Китай в конце 1957 г., наделали много шума, вызвали беспокойство Живкова, опасавшегося роста популярности бывшего лидера. Более того, проводившаяся в Болгарии с конца 1958 г. экономическая политика получила официальное название «большого скачка».

«Восход» и «закат» Червенкова не выходят за привычные и хорошо знакомые по судьбам других политических лидеров рамки. Его политическая судьба отразила борьбу за власть внутри болгарского руководства на этапе ранней десталинизации в Болгарии. Червенков стал жертвой интриг и даже сговора Живкова с советскими руководителями. Но, по большому счету, будучи убежденным сталинистом, он не имел шансов удержаться на партийном Олимпе. Как личности, Червенкову были присущи и положительные качества, но его деятельность на высоких постах отмечена существенными чертами тоталитаризма в сталинском варианте. Понятны практически однозначно негативные оценки Червенкова в работах современных болгарских историков, особенно относящихся к неолиберальному мейнстриму национальной историографии. «Герой» прошлой, отринутый обществом, эпохи, он не стал личностью, по которой ностальгируют ныне болгары, но вместе с тем не превратился и в «антигероя» национальной истории.

Если Червенкову поражение в междоусобном противостоянии с товарищами по партии стоило карьеры, то венгерский коммунист Ласло Райк (1909–1949) заплатил жизнью. А.С. *Стыкалин* рассказал о главной жертве шумевшего будапештского показательного судебного процесса сентября 1949 г., давшего новый толчок антиюгославской кампании, развязанной Сталиным годом ранее. На восприятии фигуры Райка сказывалась та эволюция, которая происходила с венгерским коммунистическим режимом на протяжении десятилетий его существования. Райк в разные годы и героизировался, и выступал в качестве антигероя, а иногда попросту замалчивался. При этом его реальная роль (независимо от того, с каким знаком — положительным или отрицательным — она трактовалась) зачастую преувеличивалась и мифологизировалась — те пропагандисты, которые в 1949 г. создавали миф о Райке как о югославском шпионе и руководителе заговора, в конце концов невольно породили и антимиф 1956 г., в основе которого лежали представления о нем как о стороннике якобы более безболезненного и не пренебрегающего национальными ценностями пути к социализму, а это тоже не соответствовало действительности. В сознании тех коммунистов-реформаторов, которые готовили торжественное перезахоронение останков казненного в 1949 г. Райка, в наэлектризованной атмосфере начала октября 1956 г. (за 2–3 недели до мощнейшего восстания) икона, культовый образ заслуживали реальную историческую фигуру: в реальности Райк был человеком жестким, амбициозным и неразборчивым в методах, пытавшимся в бытность главой венгерского МВД сосредоточить в своих руках непомерные полномочия.

В биографии Райка было немало темных страниц, давших основания подозревать его в двойной игре, а потом предоставивших богатый материал устроителям судебного процесса, — связи с троцкистами со времен гражданской войны в Испании, в которой Райк участвовал; пребывание в близком родстве с некоторыми венгерскими крайне правыми. При этом Райк не обладал особыми связями в Москве и вообще до 1948 г. ни разу не был в СССР, более того, вступал в конфликты с советниками из СССР, пытавшимися влиять на деятельность МВД. Зная об этом, в Москве тем не менее долго терпели Райка как человека, проявившего большую активность в устранении с политической сцены оппонентов венгерской компартии. Из хранящихся в РГАСПИ составленных в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) характеристик венгерских деятелей следует, что Райк никак не выделялся на их фоне «в худшую сторону», на него имелось в Москве не больше, а иной раз и меньше компромата, чем на М. Ракоши и его ближайших соратников. Сама инициатива избрать именно Райка жертвой показательного процесса исходила не от советских советников, а именно от Ракоши, решившего таким способом заявить о своей преданности избранной линии на борьбу с титовской Югославией и снять с себя подозрения в тайных проюгославских симпатиях. Стержнем сфабрикованного дела Райка были обвинения против КПЮ, поэтому в 1955 г., с советско-югославским примирением, становится очевидным не только скорый пересмотр этого дела, но и то, насколько сильно он скажется на будущей судьбе его инициатора. Нежелание Тито идти на восстановление отношений с Ракоши только способствовало тому, что в Москве летом 1956 г. отказались от поддержки этого полностью скомпрометированного венгерского деятеля.

В поворотном 1989 г., когда Венгрия отказалась от коммунистической диктатуры, появились первые значительные архивные публикации, раскрывающие дело Райка на основе первоисточников. С течением времени все становится на свои места. Мифы о Райке уже мало кого волнуют в сегодняшней Венгрии. Никакой идеализации образа Ласло Райка нет и в среде социалистов, не говоря уже о венгерских правых, среди которых само дело Райка трактуется как кровавая разборка между коммунистами, в ходе которой одни преступники уничтожили других, хотя все могло бы закончиться иначе. При этом продолжают вводиться в научный оборот новые документы, а исследователи на материале процесса по делу Райка продолжают заниматься осмыслением механизмов конструирования показательных судебных процессов, в том числе пытаясь ответить на вопрос: что заставляло ветеранов партии, имевших за плечами годы подполья и тюремного заключения, публично себя оговаривать, принимая ответственность за деяния, которые они не совершали.

Вспоминая именно «(анти)героев» «отринутой обществом эпохи», трудно обойтись без Николае Чаушеску (1918–1989). Штрихом к портрету румынского диктатора можно считать предпринятое *Т.А. Покивайловой* на материалах АВП РФ описание поведения Чаушеску, его манеры держать себя, проявившейся, например, в ходе бесед с болгарским лидером Т. Живковым, в частности в 1967 г., в период осложнения на Ближнем Востоке («Шестидневная война»). При том что болгары стремились уклониться от полемики, беспепелационность суждений румынского лидера затрудняла нахождение с ним общих позиций по обсуждаемым вопросам. Болгарские собеседники отмечали в его выступлениях прежде всего явно выраженный националистический оттенок (в том числе во взглядах на проблемы интеграции в рамках СЭВ) и антисоветские настроения: теряя контроль над собой и возбуждаясь, он то и дело переходил к теме советского давления на Румынию. А за подчеркнуто радушным приемом, устроенным Живкову в Бухаресте, болгары видели стремление пустить пыль в глаза, создав у них образ благополучной страны, способной к проведению независимой внешней политики, которая в конкретных условиях его правления сопровождалась на самом деле антинародными реформами, огромной внешней задолженностью, нарастанием тенденций тоталитаризма в идеологии и общественной жизни и привела режим Чаушеску и самого «гения Карпат» к бесславному концу.

Названные выше представители стран народной демократии свое восхождение на политический Олимп начали в 1920–1930-е годы. Несколько докладов были посвящены тем их товарищам, партийная карьера которых, по разным причинам, не получила продолжения после Второй мировой войны. Как и Червенков, в межвоенное время в Советском Союзе оказался хорватский революционер, публицист, историк и мемуарист Анте Цилига (1898–1992), которому посвятил свой доклад *С.А. Романенко* (РГГУ, Москва). Личность сложная и противоречивая, за долгую жизнь он испытал на себе преследования сначала австрийских, потом королевских югославских, а затем и большевистских властей, принимал активное участие в деятельности Коминтерна и испытал разочарование в осуществлении провозглашенных идеалов. В 1929 г. он был арестован за причастность к антисталинской оппозиции в ВКП(б), а в 1936 г. чудом выехал из СССР, описав потом свои впечатления в книге «10 лет в стране великой лжи», изданной в Париже. Он участвовал в троцкистских изданиях, ряд изданий на английском языке выдержала его книга «The Russian Enigma» («Русская загадка»). Можно упомянуть и его работы по новейшей истории России — «Кронштадтский мятеж» (1942 г.) и «Ленин и революция»

(1948 г.). Во время Второй мировой войны Цилика оказался в печально известном концлагере Ясеновац, в 1943 г. неожиданно освобожден. Сотрудничество с усташеским режимом и пребывание в Берлине в 1943–1945 гг. остались несмываемым пятном на его биографии. После войны продолжал выступать как публицист и политический аналитик в хорватских эмигрантских изданиях, осмыслял корни балканского национализма в контексте международных отношений и советской политики. На родину, уже в независимую Хорватию, вернулся незадолго до кончины.

Тему иностранных коммунистов в СССР в 1920–1930-е годы продолжила А.Н. Канарская в докладе «Взлеты и падения» польского революционера Юзефа Стшельчика (1901–1941): современные оценки». В 1931 г. член польской компартии, согласно решению ЦК, был направлен в СССР, дабы избежать преследований со стороны властей. В Москве он поступил на учебу в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, в котором во второй половине 1920-х годов преподавал и А. Цилика. Дальнейшая судьба Стшельчика типична с точки зрения того, как находившиеся в Советском Союзе политэмигранты всеми средствами пытались сначала вписаться в политическую жизнь страны Советов, а позднее не стать жертвами сталинского террора. В 1936 г. Стшельчика исключили из ВКП(б). Ему инкриминировалась связь с соотечественниками, к этому времени арестованными НКВД, а также сокрытие от партии того факта, что он был офицером польской армии. Однако Стшельчику сопутствовала удача. В том же году ему вернули партбилет, а затем отправили в Испанию. С 1937 г. Стшельчик под псевдонимом «Ян Барвинский» командовал прославленной интербригадой им. Домбровского. В 1938 г. комбрига отозвали в Москву и в 1940 г. повторно исключили из партии. Его обвинили в связях с троцкистами, «бытовом разложении» и самосуде. Тем не менее, «комбригу Янеку» вновь удалось избежать «карающего меча революции». В начале войны Стшельчик ходатайствовал о зачислении в Красную армию. Пройдя специальное обучение в разведывательно-диверсионной школе, в августе 1941 г. он в качестве руководителя диверсионной группы был заброшен на оккупированную территорию близ Лодзи. После этого группа «Янека» бесследно исчезла. Что стало с ее членами — неизвестно: ответа нет ни в доступных советских источниках, ни в документах немецкой оккупационной администрации.

«Взлеты и падения» Стшельчика/Барвинского продолжились и после его вероятной гибели. Решение о его партийной реабилитации в СССР было принято лишь в марте 1956 г. В послевоенный период, когда в ПНР формировался пантеон героев-антифашистов, Стшельчика прославляли как деятеля Коммунистической партии Польши, участника гражданской войны в Испании, а также защитника родины от фашизма. В его честь называли школы, предприятия, трудовые коллективы и пионерские отряды, проводили конференции и публиковали книги, а в местах, где прошла его юность, устанавливали памятные доски.

Однако, как это и бывает, вместе с политическими режимами рушатся его символы, а на смену одной идеологии приходит другая. И хотя личность Стшельчика в современной Польше не ассоциируется однозначно с просоветским послевоенным режимом, героический статус «комбрига Янека» оказался невостребованным новой властью. В рамках закона о декоммунизации страны и принятых к нему поправок «о запрете пропаганды коммунизма и других тоталитарных режимов» его роль в польской истории была пересмотрена, превратившись в «неоднозначную», а мемориальная доска, установленная в 1962 г. в Лодзи, демонтирована в феврале 2020 г. Сегодня, по воле власти предрежащей, из исторической памяти польских масс вычищаются имена Стшельчика/Барвинского и ему подобных. Освободившееся место на страницах учебников и мемориальных досках занимают их жизненные политические противники.

Польские сюжеты получили хронологическое продолжение в выступлении А.Ф. Носковой, которая рассмотрела судьбу 2-й Речи Посполитой в 1939–1945 гг. через призму дипломатической деятельности Станислава Миколайчика, «политика, обреченного на поражение». С. Миколайчик был политиком демократических убеждений, это был один из лидеров людовской (крестьянской) партии (СЛ), к 1939 г. авторитетный среди демократической оппозиции режиму «санации» вице-председатель СЛ, в годы войны его глава. Для сосредоточенных в Лондоне представителей довоенной правящей группировки «санаторов», национал-демократов (эндеков), выходцев из аристократии и шляхты, генералов и офицеров — соратников Пилсудского, высших слоев интеллигенции, лидеров других партий Миколайчик был «чужим», самоучкой, политическим выскочкой, оппозиционером, вскоре стал политическим противником. Встреча с Вл. Сикорским осенью 1939 г. во многом определила судьбу будущего министра, вице-преьера в правительстве Сикорского, и премьер-министра после гибели генерала в июле 1943 г. Понятная тогда перспектива вступления Красной армии в Польшу диктовала премьеру главную задачу, а именно продолжить то, к чему склонялся генерал: восстанавливать отношения с Москвой, пытаясь с помощью «близкого» союзника Черчилля сохранить границу 1921 г.

Великобритания 25 августа 1939 г. обязалась отстаивать независимость Польши, но не границу с СССР. Соглашение было составлено столь «виртуозно», что из него вытекала лишь одна возможность для Миколайчика: самостоятельно решать эту проблему. Ставка премьера на содействие Великобритании, на якобы совпадающие интересы двух стран на советском направлении оказывалась ложной. Это был первый крупный просчет Миколайчика, как и всего руководившего страной польского политического класса. Они не учитывали отдельных от польских, особых английских интересов, которые с середины 1943 г. становились определяющими. Черчилль интересовал не столько судьба Польши, сколько ограничение геополитических претензий Сталина на участие в разделе сфер влияния в регионе. Когда и как решать проблему урегулирования отношений, принуждая Польшу к уступкам Сталину, подсказывал тот факт, что Красная армия будет первой в Польше (отсюда «Тегеран» и достигнутые там договоренности). Кроме того, обозначившаяся перспектива появления польской власти, альтернативной лондонскому правительству, «подталкивала» Черчилля (не поссорившись со Сталиным!) стать посредником, «дружественным» и Миколайчику, и Сталину. Это превращало польского премьера в объект политики, согласуемой для Черчилля и Миколайчика со Сталиным, с одной стороны, и независимой для Сталина – с другой. Летом 1944 г. ситуация для польского премьера была критически сложной. Переговоры в августе 1944 г. с Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) о границе, а фактически о разделе власти показали непримиримые позиции сторон. Расчет на восстание в Варшаве и планы победного возвращения в страну провалились. Премьер «просчитался» вторично и тем усилил свою изоляцию в правительстве.

В условиях присутствия Красной армии в Польше и существования признанного Москвой ПКНО для Черчилля было уже несущественно, где пройдет «линия Керзона». Главным было сохранить Миколайчика на посту премьера, ибо геополитическая ситуация в регионе грозила развиваться без английского участия. По польским «делам» следовало договариваться со Сталиным. Отсюда предложение о встрече в октябре 1944 г. в Москве при участии премьера правительства и ПКНО. Черчилль, следуя документу от 25.08.1939 г., «отдал» обсуждение границы Сталину и Миколайчику. Сам же его «корректировал», максимально понуждая Миколайчика признать «линию Керзона» в обмен на все больше и жестче обусловленный допуск Сталиным поляка к власти. Последнее диктовало Черчиллю бороться не за границу, а за Миколайчика как премьера будущего правительства, и одновременно сдавать его, ставя его судьбу в зависимость от воли Сталина. В итоге польский премьер, находясь под чудовишным давлением союзника, спасавшего английское влияние в Польше, и понимая, что границу 1921 г. ему не сохранить, был готов на признание «линии Керзона» и свое возвращение премьером в страну.

Однако этого шага Миколайчик не сделал. Это факт, что он, как и Сикорский, получил власть и решение проблемы тогда, когда определенная географическая линия на карте Польши двадцать с лишним лет оставалась ее законной восточной границей. Усилиями власти имущей и посредством мощной пропаганды она стала национально-политическим символом государства, гордостью поляков, одолевших в 1920 г. «Советы». В массовом сознании закрепилось восприятие ее как единственной гарантии независимости и безопасности Польши от угрозы с Востока. Сохранить границу считалось главным, если не единственным, государственным интересом многонациональной страны. Это была ошибка, в том числе и Миколайчика, ибо безопасность извне ставилась в зависимость от «величины», установленной силой, а потому неустойчивой, но нужной правящим слоям в качестве общенациональной идеи как основы их власти, воспринятой рядовыми поляками. Ложная аксиома национально-государственной солидарности позволяла управлять обществом, связывая само существование власти с незабываемостью границы. Миколайчик понял, что настало время ее изменять, но не воспользовался предложением Сталина и коммунистов возглавить объединенное правительство Польши. Почти согласие премьера на отказ от границы 1921 г. привело его к политической «казни» «своими», не желавшими потери доверия, а значит, подчинения поляков их власти. Ближайшее будущее показало, что граница уже переставала быть той национальной ценностью, за которую ее выдавали и принимало население. В польском народе появилась нужда в иных ценностях.

Вторая мировая война, послевоенное проведение границ между государствами Центральной и Восточной Европы, обусловленные ими миграционные процессы, а также установление тоталитарного режима сталинского типа – все это трагические страницы истории Польши, повлиявшие на участь миллионов ее жителей. Судьбам польских женщин в 1940–1950-е годы посвятила доклад *А. Р. Лагно*. Его источниковой базой послужила коллекция 35 аудиозаписей архива устной истории, которая называется «В очереди за равенством. Польша 1945–1956 гг. в рассказах женщин». Интервью были записаны в 2012 г. и отразили воспоминания жительниц бывших польских Восточных Кресов, а также гражданок Польши. Главные действующие лица записей – женщины, родившиеся в 1920–1930-е годы в разных регионах страны: работницы фабрик, воспитательницы, ученые,

начальницы различных учреждений, домохозяйки. Все они вступили в новую послевоенную действительность с багажом тяжелых воспоминаний о войне.

Примечательно, что послевоенный период занимает в рассказах интервьюируемых отнюдь не главное место. Основное внимание они уделяли своим детским впечатлениям, а также военному времени. Первое послевоенное десятилетие большинство женщин вспоминали как ничем не примечательную рутину. История мужчин – отцов, братьев и мужей – в их свидетельствах занимает весьма значимое место.

Наиболее популярный и любопытный сюжет записей – восприятие «других»: немцев, австрийцев, евреев, украинцев, белорусов и, конечно же, русских. И образы этих «других» отнюдь не героические. Анализируя имеющийся материал, следует учитывать, что информантки переосмысливали прошлое с временной дистанции, поэтому непросто вычленить, что в их интервью соответствует подлинным переживаниям и восприятию событий в прошлом, а что стало наслоением официального польского исторического нарратива 1990-х и 2000-х годов. Тем не менее сохраняемые в архиве устной истории записи пополняют источниковую базу, важную для изучения первого послевоенного десятилетия через призму феминологии, что пока еще остается достаточно редким явлением в национальных историографиях.

Вынужденное переселение, эмиграция – меньшее из зол, выпавших на долю многих поляков в эпоху мировых войн. О сильной личности, не сломавшейся под давлением обстоятельств, рассказала *Е.Б. Лопатина* в докладе «Владислав Турович – польский герой Пакистана». Этнический поляк, профессиональный пилот и авиационный инженер Владислав Турович родился в 1908 г. в Забайкалье в семье инженера, участвовавшего в строительстве Транссиба. Во время Гражданской войны семья перебралась в добившуюся независимости Польшу, поселилась в Познани, затем в Варшаве. Будучи студентом Варшавского политехнического института, Владислав заинтересовался авиацией и вступил в аэроклуб. Во время Второй мировой войны Турович служил в британских ВВС, после войны работал инженером на британском авиазаводе в Фарнборо. В Новую Польшу Турович возвращаться не хотел, но не остался и в Великобритании. После обретения Пакистаном независимости в 1947 г. перед этой страной встала задача набора обученных пилотов и техников для замены уехавших британцев. Владислав и его супруга София, тоже служившая в авиации, подписали (среди других польских специалистов) контракт с пакистанскими ВВС. Большинство поляков по истечении трехлетнего контракта уехали из Пакистана, но Турович решил именно здесь продолжить свою профессиональную деятельность, получив с женой гражданство, проявив себя в войне с Индией, был удостоен государственных наград. Демобилизовавшись в звании бригадного генерала, стал исполнительным директором Комиссии по исследованию космоса и верхних слоев атмосферы (SUPARCO), внося огромный вклад в разработку и реализацию национальной космической программы, а также освоение ракетной техники. Входил он и в специальную комиссию по исследованию урана и разработкам в Пакистане ядерного оружия. Он скончался в 1980 г. и был с воинскими почестями похоронен на католическом кладбище в Карачи. В Пакистане действует сегодня аэрокосмический центр имени Туровича, поставлен и памятник польскому герою Пакистана.

Отправиться в эмиграцию пришлось и герою доклада *Б.С. Новосельцева* сербскому политику из Хорватии Саве Косановичу (1894–1956). Его деятельность пришлась на период существования как первой, межвоенной, так и второй, коммунистической, «титовской» Югославии. Докладчик особо подчеркнул важную роль Косановича в годы Второй мировой войны как члена правительства в эмиграции, выступившего с открытой критикой великосербской линии сторонников короля Петра, поддерживавшего югославских партизан-коммунистов и сделавшего многое для того, чтобы добиться создания на Западе позитивного имиджа партизанского движения и его лидера – Йосипа Броза Тито.

Венцом биографии Савы Косановича стала его деятельность на посту министра коалиционного правительства Тито – Шубашича в 1944–1945 гг. Судя по всему, до переговоров на острове Вис (лето 1944 г.), завершившихся соглашением между Тито и главой югославского правительства в эмиграции Шубашичем об организации помощи Народно-освободительной армии Югославии и создании в будущем коалиционного правительства, именно Косанович играл роль связующего звена между бывшим хорватским баном и руководителем партизан. Б.С. Новосельцев рассмотрел также деятельность Косановича на посту посла Югославии в США (1946–1949 гг.), в результате которой ему удалось немного поправить изрядно испорченные после войны отношения двух стран и начать диалог с американцами после советско-югославского конфликта 1948 г., направленный на оказание Белграду помощи со стороны западных государств.

Саве Косановичу, подытожил докладчик, судьба предначертала всегда быть «своим среди чужих и чужим среди своих». По этой причине его политическая карьера не стала долгосрочной, ему не удалось на протяжении многих лет подряд занимать важные государственные посты. Но следует

признать, что он как уважаемый политик с довоенным стажем и связями в США сыграл очень важную позитивную роль в качестве не только посредника между коммунистами и эмиграцией в военное время, но и активного участника в политике наведения мостов между Белградом и Вашингтоном в трудные годы разрыва с «социалистическим лагерем».

Представителю русинского национального меньшинства, оказавшегося после 1918 г. в границах Королевства сербов, хорватов и словенцев, — Юлиану Колесару (1927–1992), посвятил доклад *М. Ю. Дронов*. История бачско-сремских русинов (самоназвание — руснаци) как особой восточнославянской группы (ориентируясь на их самосознание) насчитывает уже более 270 лет. В качестве точки отсчета, принятой в историографии и русинской народной традиции, выступает 1746 г., когда началось массовое переселение русинских крестьян из разных северных комитатов тогдашней Венгрии (прежде всего, из Шариша и Земплина, в меньшей степени из других регионов) на опустошенные войнами с османами земли Бачки на юге королевства. Русины традиционно симпатизировали населению далекой России, порой отождествляя себя с русскими. В XX в. у значительной части русинской интеллигенции получило популярность этнонациональное украинофильство. Однако некоторые бачско-сремские русины активно выступали против отождествления их с украинцами. Одним из таких «бунтарей» был художник, публицист, этнограф и историк-любитель Юлиан Колесар. Он родился в селе Джурджево в исторической области Бачка, образование получил в Школе практического искусства в Нови Саде, некоторое время учился и на педагогическом факультете. В 1966 г. он оставил Югославию и стал зарабатывать на хлеб как художник сначала во Франции, а затем в США — в Филадельфии и Нью-Йорке. По мнению специалистов, Колесару присуще стилистическое разнообразие: от подражания средневековым иконам до экспрессионизма и абстракции. Конечно же, он уделял должное и фольклорным сюжетам, связанным со своей малой родиной. В 1973 г. Колесар переехал в Монреаль. И уже здесь, параллельно с творчеством, развил активную национально-просветительскую деятельность. На канадской земле Колесар основал так называемый Русский институт Колесара в Америке (Руски институт Ю. Колесарового у Америки). Свои произведения он писал на специфическом языке, отличающемся от литературного стандарта бачско-сремских русинов. Переводил на свой язык с «язычия» и русского языка произведения общерусской (общевосточнославянской) направленности, посвященные Карпатской Руси (например, Александра Духновича, Федора Аристового). Поддерживал отношения с редакцией известного эмигрантского журнала «Свободное слово Карпатской Руси». Рукописи Колесара хранятся в Национальном архиве Канады в Оттаве. Однако главным местом памяти о нем является музей в его родном селе, который находится в ведении греко-католического прихода. В 1996 г. в Нови Саде была переиздана крупным тиражом «История русского народного мена» («История русского/русинского национального имени») Колесара — произведение, принадлежащее сразу двум национально-языковым ориентациям — русофильской и русинофильской.

Тема национальных меньшинств и их лидеров получила развитие в докладе *С. М. Слоистова* «Пастор Юзеф Бергер и положение поляков-лютеран в Чехословакии (1945–1952 гг.)». Свое повествование докладчик предварил наблюдениями, что тема «герой — антигерой» всегда разворачивается в пространстве различных противоречий. Фигура пастора Юзефа Бергера в этом плане представляет двойной интерес, так как его судьба — интересный пример активной позиции в условиях одновременно этнонациональных, конфессиональных и общественно-политических столкновений.

Юзеф Бергер (1901–1962) по окончании Второй мировой войны был не только известным лютеранским пастором, руководителем (до 1952 г.) ориентированной на поляков-лютеран церкви и ученым-теологом, но и активным политиком, одним из ведущих представителей польского меньшинства в Чехословацкой Республике. Противоречивость личности Ю. Бергера нашло отражение в оценках его деятельности, которая плохо согласуется с доминирующими стереотипами (например, поляк — обязательно католик; искренний священник должен придерживаться правых взглядов и т. д.). С одной стороны, для поляков он — «герой», успешно противостоявший ассимиляции польского национального меньшинства, с другой — протестантский пастор, сотрудничавший с левыми силами, в том числе и с коммунистами. С точки зрения церковной он ориентировался на развитие в большей степени польского начала внутри церкви, однако в то же время стоял за чистоту лютеранской доктрины. Сам факт целостности личности, когда в ней гармонично уживаются «несовместимые» ценности, свидетельствует о возможности более широкого взгляда на различные явления общественной жизни, что наиболее полно проявляется в ситуации культурного пограничия.

Восприятие обществом деятелей прошлого как «(анти)героев» во многом обусловлено исторической политикой или «политикой памяти», которую проводят власти предрешающие и политическая элита того или иного государства. Отталкиваясь от данной констатации, *И. В. Грибков* (НИТУ «МИСиС») проанализировал содержание экспозиций военных музеев стран бывшего

«социалистического лагеря». Объектом изучения стали военные музеи Болгарии (Национальный военно-исторический музей, София, и его филиал Военноморский музей, Варна), Венгрии (Hadtörténeti Intézet és Múzeum, Будапешт), Республики Сербия (Војни музеј, Белград), Румынии (Muzeul militar național, Бухарест), Чехии (Armádnímuzeum Žižkov, Прага). Все исследованные военные музеи являются носителями традиционных ведомственных музейных практик, как правило, с небольшим применением современных технологий и методик, оставаясь во многом «внутренними» музеями для военнослужащих и специалистов. Возможно, с этим, по предположению докладчика, связана сохранность большей части содержательного наполнения экспозиций, изучение которых позволило выявить объединяющий идеологический концепт — стремление дистанцироваться как от нацистской Германии (и участия в ее военных действиях в ходе Второй мировой войны), так и от СССР (в контексте межблокового противостояния). Советский период занимает маргинальное место в концепциях экспозиций. Это особенно заметно при сопоставлении с реконструкцией «золотого века», который связывается со становлением в разных странах национальной государственности — в XIX в. либо в межвоенный период. Принципиальное значение придается подчеркиванию искусственности встраивания советских практик в историю, навязанности извне всего советского — от геополитического выбора до униформы военнослужащих.

Исключением из общей картины является музей в Белграде, в котором «титовский этап» предстает как важная составляющая имперской концепции истории Сербии/Югославии и наследник побед Второй мировой войны. Именно такой подход определил позитивный в целом взгляд на историю 1945–1991 гг. и отсутствие альтернативности. Неосуществленный разрыв с «балканской империей» предопределил сумбурность описания в экспозиции военного строительства последних трех десятилетий.

Как своеобразное искупление «греха» верной службы советскому режиму подается в экспозициях музеев участие военнослужащих в сопротивлении советской интервенции в 1956 г. и 1968 г. (Венгрия и Чехия), в свержении диктатуры Чаушеску в 1989 г. (Румыния). «Советский» период, таким образом, делегитимизируется в экспозиционном дискурсе, и параллельно с демонстрацией участия современных армий стран бывшего «социалистического лагеря» в региональных оборонных проектах и военных операциях НАТО акцентируются состояние вооруженных сил и события «золотого века», у всех, кроме Венгрии, межвоенного.

Королю Александру Карагеоргиевичу (1888–1934) посвятил выступление А.А. Силкин. Обратившись к личности «короля-рыцаря», докладчик остановился на идеологических и пропагандистских средствах, с помощью которых югославский монарх выстраивал собственный имидж крупного военачальника, выполнившего замысел основателя династии Карагеоргия. После гибели Александра его приближенные рассчитывали подтвердить легитимность своих властных притязаний посредством многократно повторяемых клятв выполнять «завещание» убиенного, якобы, прошептавшего перед смертью: «Храните мою Югославию». Однако усилия эти оказались безуспешными. В ситуации обострения внутренних социальных и межэтнических противоречий посмертный культ Александра ожидаемо оказался неспособным обеспечить политическую мобилизацию масс. В современной Сербии фигура Александра Карагеоргиевича не идеализируется и не демонизируется. Отношение к нему общества и историографии во многом определяется тем обстоятельством, что в период его правления были «растрacены» завоевания, кровью и потом доставшиеся сербскому народу во время Первой мировой войны. Отрицательно оценивается роль Александра в постановочном политическом Салоникском процессе (1917) против тайной офицерской заговорщической организации «Черная рука». Показательно, что в Белграде отсутствует памятник монарху.

В ходе конференции отмечалось, что в философских и социологических исследованиях фиксируется довольно четкая грань между влиянием отдельной личности, «героя», и состоянием общества с точки зрения его стабильности. Вступает в свои права формула, согласно которой роль «героя» обратно пропорциональна стабильности и прочности общества, а значение сопутствующих популярным личностям мифов особенно возрастает в трудные для страны времена. В точке бифуркации, «на развилках» истории (войны, революции, кризисы, перестройки) развитие общества может повернуть в ту или иную сторону под влиянием различных факторов и причин, среди которых важное место принадлежит личностям. Появление «героя» и «антигероя», как правило, связано с наиболее сложными, драматическими периодами национальной истории. Не все «герои» выдерживают испытание временем, переживают забвение или трансформируются в «антигерои». Обратный процесс также имеет место. Национальные пантеоны оказываются величиной непостоянной, меняющейся, подчас полярно, под влиянием, прежде всего, политических факторов, а механизмы их кардинальных изменений, напротив, практически постоянны, так как первичными и доминирующими в них являются идеологическая и пропагандистская составляющие.

Подводя итоги конференции, *Т. В. Волокитина* выразила мнение, что состоявшееся обсуждение приблизило участников к решению важной и по-прежнему актуальной для исторической науки задачи — способствовать ее персонификации. Реконструкция мотивов исторических персонажей невозможна без изучения ментальности конкретной эпохи. При этом исследователю надлежит избегать «суда над прошлым». Необходимо внимательнее взглянуть в лица «героев», оставивших свой след в национальной истории, и попытаться выявить причины и обстоятельства, вызвавшие пересмотр их оценок обществом. Последние во многом зависят от субъективной позиции исследователей, однако можно и нужно постигать истину, не осуждая, но и не расточая неумеренную похвалу, спокойно, но не равнодушно, пылливо, но, как советовали древние, «без гнева и пристрастия».

Информация об авторе

Канарская Анна Николаевна,
младший научный сотрудник Отдела
Восточной Европы после
Второй мировой войны
Института славяноведения РАН,
г. Москва, Российская федерация;
ORCID: 0000-0002-9900-0005
E-mail: kanarska.anna@mail.ru

Information about the author

Anna N. Kanarskaya,
junior research fellow
Department of Eastern European History
after World War II
Institute of Slavic Studies
of Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0002-9900-0005
E-mail: kanarska.anna@mail.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0018096-8

Рецензия / Book Review

Н.А. Раевский. Русский гарнизон в Болгарии.
Орхание – София – Прага. М.: Вече, 2021. 528 с., илл.

© 2022 г. Э.Г. Задорожнюк

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

elzador46@mail.ru

Ссылка для цитирования: *Задорожнюк Э.Г.* Раевский Н.А. Русский гарнизон в Болгарии. Орхание – София – Прага. М.: Вече, 2021. 528 с., илл. // *Славяноведение*. 2022. № 1. С. 123–125. DOI: 10.31857/S0869544X0018096-8.

N.A. Raevsky. Russian garrison in Bulgaria. Orchania – Sofia – Prague.
Moscow: Veche, 2021. Pp. 528.

© 2022. E.G. Zadorozhnyuk

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

elzador46@mail.ru

Reference for citation: *Zadorozhnyuk E.G.* Russian garrison in Bulgaria. Orchania – Sofia – Prague. M.: Veche, 2021. Pp. 528 // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No 1. S. 123–125. DOI: 10.31857/S0869544X0018096-8.

Болгарии и частично Чехословакии – важным этапом исхода белой армии, в частности одной из ударных ее частей – Дроздовской дивизии, посвящена книга Н.А. Раевского, выпущенная издательством «Вече» в серии «Военные мемуары». Но война в основном осталась в прошлом – и ровно сто лет тому назад некоторым ее участникам пришлось искать место под солнцем в стране «братушек», бывших противников Антанты.

Болгария за это время переживала свои кризисы, включая восстания и госперевороты, и автору книги – талантливому наблюдателю и вольному или невольному участнику событий капитану Раевскому – удалось очень ярко передать сложности проживания и даже выживания там прибывших с Галлиполи врангелевцев. Николай Алексеевич, в то время – недоучившийся студент

и затем офицер, естествоиспытатель (в будущем доктор биологических наук) и политический активист, мемуарист и видный пушкинист не только по указанной причине – интересный автор для славистов, в первую очередь болгаристов и богемистов. Книга полна фактов о повседневной жизни той поры, богата меткими наблюдениями психологического характера, живыми зарисовками портретов как эмигрантов, так и тех, кто их принимал. В чем-то уникальная фактура в ней дополнена, во-первых, документами, во-вторых, лапидарными и релевантными примечаниями автора и редактора, в-третьих, фотографиями заседаний «начальствующих» и работающих в полях и рудниках рядовых белогвардейцев (в том числе и офицеров).

Меткость наблюдений и взвешенность оценок — несомненное достоинство авторского изложения, книга поэтому полна интересными для историка суждениями. Вот некоторые из них: «Борис — счастливый царь. Гуляет без охраны, не боится коммунистов» (с. 67), заходит запросто в кафе, а на встрече с жителями городка Орхание, где и были размещены дроздовцы, допускает в свои автомобили местных детей. (Добавлю от себя: музыка марша дроздовцев в это время звучала не только в Болгарии, но и на противоположном конце Евразии — но слова были о том, чтобы «с боя взять Приморье / Белой армии оплот».) В 1923 г. в стране произошли восстание и государственный переворот, а также убийство премьер-министра А. Стамболийского. Раевский четко фиксировал факты, скорее, неучастия (против ожиданий самых различных сил) галлополийцев в этих судьбоносных для страны событиях и внятно объяснял, почему так происходило. Ведь попробуй разберись в такой картине: в самом конце 1921 г. в Варне прошло некое собрание. «С трех сторон белые, посредине красные играют “Интернационал”, и в то же время нет драки» (с. 128).

Драк избежать не удалось, но, оценивая события бурного для Болгарии 1923 года, этот последовательный белогвардеец написал: «Что если большевики еще не самое страшное, что может быть с Россией?» (с. 258). В то же время уничтожительные характеристики «сменовеховцев», по-своему ставящих этот же вопрос, наполнили всю книгу. А ее автор с личным мужеством переносил невзгоды в стране «братушек», многие из которых хотели бы видеть в войнах-эмигрантах своих помощников — как в деле восстания, так и в деле его подавления. Причем без особого рвения в реальной поддержке эмигрантов: зачастую высокоинтеллектуальные люди, способные поднять уровень образования и культуры в стране, шли в батраки на поля или спустились в рудники.

Неудивительно поэтому стремление Раевского покинуть столь негостеприимную страну, тем более, что вожделенная для него Прага — город, в котором ему как носителю незаурядных способностей, причем в самых разных направлениях, было гораздо комфортнее. Это и то место на его длинном жизненном пути, где он начал свои славистические разработки, в частности, оригинальные пушкиноведческие исследования. Повторю еще раз: описание мытарств дроздовцев, включая анализ элементов выживаемости в условиях взаимонепонимания русских и болгар, — несомненное, а в каких-то моментах уникальное достоинство труда; книга в этом ракурсе — бесценный исторический источник.

Проблемы уже одного дроздовца в чешской и русской Праге — относительно небольшая

часть книги. Но этот фрагмент столь насыщен интересными фактами и их интерпретациями, что ее следует читать с особым вниманием. Ибо, пожалуй, ни один из русских и иноязычных авторов не описал с такой дотошностью деятельность Объединения русских эмигрантских студенческих организаций, а ведь сам Раевский далеко не сразу стал студентом. С редким тактом автором выписаны чехи — в основном более деликатные, чем болгары, не раз выручавшие интеллигентного эмигранта в полувоенной одежде (правда, иногда устраивая ему приводы в полицию).

Русская акция в Чехословакии тогда проходила пик активности, и ее благотворное воздействие оценивалось Раевским по достоинству, при этом он корректно описал ее осуществление в первую очередь в студенческой среде — с недопущением уклонения и вправо (сам Раевский придерживался в то время умеренно правых взглядов), и влево (левых он скорее корректно характеризовал, чем злостно обличал).

По достоинству же оценили его те, кто непосредственно участвовал в Русской акции. Особенно примечательны в этом плане эскизные портреты П. Струве и К. Крамаржа: сухо встретив его «по одежке» (поношенной гимнастерке), они проводили его «по уму». Так, после одной из речей Раевского первый подозвал его и сказал: «Мы с Карелом Петровичем обсуждали, как бы вам помочь» (с. 473). И помогли: Раевский стал уже не только студенческим активистом, но и получил стипендию.

Но в заключение он отметил: все же жить приходится в стране, совершенно не похожей на Россию. Не такой, как Болгария, и непохожей по-своему. За рамками книги осталось многое, в частности, становление Раевского-пушкиниста (хочется надеяться, что публикация дневников и воспоминаний Николая Алексеевича, которые он вел большую часть жизни, продолжится). Ведь Чехословакия стала местом, где он сделал немало научных открытий. В частности, в 1937 г. он представил доклад о великом русском поэте как военном писателе, а впоследствии подготовил на эту же тему двухтомник «Пушкин в Эрзерумском походе». Рукопись монографии была спрятана у чешского друга и — пропала. Может, не навсегда, и ее поиски в отечественных и зарубежных архивах увенчаются успехом. Нелишним был бы и научно-биографический очерк о Раевском-слависте, особо характеризовавшим процессы рецепции творчества Пушкина западными и южными славянами.

Остается поблагодарить составителей и редакторов издания, в котором описана не только служба капитана Раевского в болгарском русском гарнизоне, но и его служение науке и образованию в этой и других славянских странах.

Информация об авторе

Задорожнюк Элла Григорьевна,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
заведующая Отделом современной
истории стран Центральной
и Юго-Восточной Европы.
Институт славяноведения РАН,
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2328-810X>;
E-mail: elzador46@mail.ru

Information about the author

Ella G. Zadorozhnyuk,
DSc. (History), Leading
Researcher, Head of the Department
of the Contemporary History of Central and South-
East European countries,
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2328-810X>;
E-mail: elzador46@mail.ru

Славяноведение, 2022, № 1, с. 126–128

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 1, pp. 126–128

DOI: 10.31857/S0869544X0018099-1

Рецензия / Book Review

В.Ф. Солдатенко. Винниченко и Петлюра:
соратники или соперники? М., 2020. 792 с.

© 2022 г. Е.В. Байдалова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

kbaydalova@yandex.ru

Ссылка для цитирования: Байдалова Е.В. В.Ф. Солдатенко. Винниченко и Петлюра: соратники или соперники? М., 2020. 792 с. // Славяноведение. 2021. № 1. С. 126–128. DOI: 10.31857/S0869544X0018099-1.

V.F. Soldatienko. Vynnychenko and Petlura:
associates or rivals. Moscow, 2020. 792 p.

© 2022 E.V. Baydalova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

kbaydalova@yandex.ru

Reference for citation: Baydalova E.V. V.F. Soldatienko. Vynnychenko and Petlura: associates or rivals. Moscow, 2020. 792 p. // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie, 2022. № 1. S. 126–128. DOI: 10.31857/S0869544X0018099-1.

В 2020 г. издательство «Научно-политическая книга» (РОССПЭН) в серии «Неизвестная революция» выпустило монографию «Винниченко и Петлюра: соратники или соперники?». Ее автор – известный украинский историк, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, лауреат премии НАН Украины имени Н. Костомарова и Международной премии имени В. Винниченко Валерий Федорович Солдатенко. Украинский ученый является одним из крупнейших специалистов, изучающих историю революционных событий на Украине 1917–1920 гг. В область его научных интересов входят исследования украинских

общественно-политических, национально-освободительных, социалистических движений первой трети XX в.

Рецензируемая монография представляет собой сравнительное жизнеописание двух выдающихся политических деятелей периода национального возрождения 1917–1920 гг. Владимира Винниченко (1880–1951) и Симона Петлюры (1879–1926). Они, практически ровесники, одно время были соратниками по партии (РУП, позже УСДРП), общественно-политической борьбе, руководителями Директории, однако впоследствии стали идейными противниками, противоречия между которыми имели влияние как на непростые личные взаимоотношения, так и на общую ситуацию на Украине.

В.Ф. Солдатенко предложил подробное описание их характеров и личностей, рассмотрел вклад каждого в строительство украинской государственности и национальную общественно-культурную жизнь.

Данное издание – это незначительно переработанная, дополненная и переведенная на русский язык монография автора «Винниченко і Петлюра: політичні портрети революційної доби» (Київ: Світогляд, 2007). Книга состоит из восьми глав, предисловия к русскому изданию, заключения и именного указателя. Каждая глава делится на два раздела, в которых речь идет в одном о первом герое, в другом – о втором. Первые четыре начинаются с повествования о Винниченко, с четвертой по восьмую – о Петлюре в соответствии с их более или менее активным участием в описываемых исторических событиях. Такая композиция книги, в которой предлагается сравнительная биография общественно-политических деятелей, представляется, пожалуй, единственно возможной, хотя и влечет за собой неизбежные повторы, поскольку оба политика участвовали в одних и тех же событиях. Не удалось воздержаться от повторов и автору монографии, особенно в главах, посвященных периодам УНР и Директории.

В современной Украине оба политика нередко находятся в центре общественного внимания, однако преимущественно, как верно указал автор исследования, превалирует конъюнктурный, а иногда и спекулятивный подход к освещению их деятельности (с. 6), при котором в угоду политических позиций могут искажаться или однобоко интерпретироваться исторические факты и источники. Та же ситуация наблюдается и в украинской историографии, где истолкование мотивации поведения и поступков Петлюры и Винниченко по большей части недостаточно всесторонне детерминированы (с. 7). Солдатенко предложил, насколько это возможно, максимально объективный научный подход, основанный на вдумчивом анализе не только многочисленных источников, но и в целом истории развития революционных и общественных процессов рассматриваемого периода.

От первой главы – «Начало политических карьер» – до последней – «Эмигрантские скитания. Финалы» – автор проследил жизненный путь своих героев и их мировоззренческие и политические позиции, которые у Винниченко были созвучны демократическому направлению социально-политических доктрин его времени, а у Петлюры, по выводам исследователя, многократно менялись в течение жизни, в результате чего политик, постепенно смещаясь в ходе революции от радикальных социал-демократических позиций к правому флангу, разочаровался

в любой идеологии и склонялся к надпартийным концепциям.

Главы «Революционный взлет», «Испытания поражениями» и «Звездный час» можно считать центральными в данной монографии, поскольку события, описываемые в них – период УНР, свержение режима П. Скоропадского, образование Директории, начало ее деятельности, – являются наиболее значимыми как для самих героев книги, так и для всей украинской революции. В. Солдатенко высоко оценил политические позиции Винниченко, его стремление совместить социальное и национальное освобождение украинской нации, причастность к большинству важнейших, судьбоносных решений, направленных на национальное возрождение. Впрочем, исследователь указал на многие его ошибки и просчеты в практической деятельности и революционной стратегии в целом, что не помешало ему поместить фигуру писателя и политика в первый ряд политической элиты первых десятилетий XX в. Деятельность Петлюры получила более критические оценки: по мысли автора монографии, этот политик оказался у власти не в силу своих выдающихся лидерских качеств, а, скорее, в силу стечения обстоятельств, его собственных амбиций, принадлежности к масонскому движению.

Главы «От соперничества к противоборству», «На разных фронтах», «На разных полюсах политики» демонстрируют, как взгляды и позиции героев расходились все дальше, как они из соратников превращались не только в соперников, но и в противников. Винниченко, стремясь сохранить принципиальность и последовательность в борьбе за идеалы социального и национального прогресса, был вынужден отойти от активной политической деятельности, хотя это решение и далось ему довольно тяжело (о чем свидетельствуют многочисленные записи в дневниках). Петлюра, напротив, постепенно отказывался от проектов социального устройства, видя свою задачу в возрождении национальной государственности под своим личным руководством. Солдатенко подчеркнул: политическим действиям Петлюры не хватало как теоретического обоснования, так и трезвого реализма, расчета, практической дальновидности; вполне справедливо он написал, что все значимые проекты, кампании, за которые брался главный атаман – украинизация армии, военное строительство, непосредственное руководство вооруженной борьбой, атаманщина, выбор внешнеполитических приоритетов (союз с Антантой, Варшавский договор с Ю. Пилсудским), организация антисоветской борьбы из-за рубежа, попытки консолидации эмигрантской

среды – демонстрируют его неспособность быть безусловным национальным лидером.

Шаг за шагом исследуя политическую и общественную деятельность своих героев, сосредоточившись, однако, главным образом на их ведущей роли в революционные годы, автор книги, нисколько не маскируя своей позиции, отдал предпочтение Винниченко. Он ставит его и по личностным качествам, и по политической дальновидности, и по значению творческого наследия значительно выше соратника/соперника, а написанный писателем и политиком труд «Возрождение нации» считает образцовым вкладом в историческое и научно-философское осмысление украинской революции. В заключении автор подчеркнул: в его рассуждениях, основанных на реальных фактах и документах, отсутствуют какие-либо субъективные расчеты и мотивации, однако признал, что несколько повышенное внимание отведено нравственной составляющей. Этим как раз данная

работа и привлекает читателя: четко выраженной позицией исследователя, лично окрашенным отношением к героям, – ее интересно читать не только специалистам по данному историческому периоду, но и всем, интересующимся вышеозначенными историческими периодами и политиками. Однако есть и сожаление, которое хочется высказать: по непонятной причине в этом довольно объемном труде, содержащем богатый фактический материал, отсутствуют свидетельства о реакции Винниченко на убийство Петлюры.

В российской историографии, к сожалению, недостаточно внимания уделяется фигурам Петлюры и Винниченко, несмотря на то что их деятельность в свое время оказала влияние в том числе и на характер российско-украинских взаимоотношений. Монография В.Ф. Солдатенко во многом восполняет для русскоязычного читателя этот образовавшийся пробел.

Информация об авторе

Байдалова Екатерина Викторовна,
младший научный сотрудник Отдела
современных литератур Центральной
и Юго-Восточной Европы, Институт
славяноведения РАН г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6263-8358
E-mail: kbaydalova@yandex.ru

Information about the author

Ekaterina V. Baydalova,
junior research fellow, Department of Modern
Literature of Central and South-East Europe,
Institute of Slavic Studies of Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6263-8358
E-mail: kbaydalova@yandex.ru

Славяноведение, 2022, № 1, с. 129–131

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 1, pp. 129–131

DOI: 10.31857/S0869544X0018100-3

Рецензия / Book Review

Lingvistika – korpus – empirie / eds. J. Bílková, I. Kolářová, M. Vondráček.
Praha: Ústav pro jazyk český, 2020. 244 s.

Лингвистика – корпус – эмпирия

© 2022 г. А.И. Изотов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

a.i.izotov@mail.ru

Ссылка для цитирования: Изотов А.И. Lingvistika – korpus – empirie / eds. J. Bílková, I. Kolářová, M. Vondráček. Praha: Ústav pro jazyk český, 2020. 244 s. // Славяноведение. 2022. № 1. С. 129–131. DOI: 10.31857/S0869544X0018100-3.

Linguistics – Corpora – Empeiria. Prague

© 2022. А.И. Изотов

Department of the Slavic Philology, School of Philology, Lomonosov
Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

a.i.izotov@mail.ru

Reference for citation: A.I. Izotov. *Lingvistika – korpus – empirie* / eds. J. Bílková, I. Kolářová, M. Vondráček. Praha: Ústav pro jazyk český, 2020. 244 // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie*. 2022. No 1. P. 129–131. DOI: 10.31857/S0869544X0018100-3.

Рецензируемая коллективная монография посвящена 70-летию юбилею Франтишека Штихи, много лет успешно руководившего отделом грамматики Института чешского языка Академии наук Чешской республики. Горячий сторонник использования корпусного материала в лингвистическом исследовании, Фр. Штиха буквально зажигал (и продолжает зажигать) своим энтузиазмом коллег. Фр. Штиха был основным организатором первой (2005), второй (2007) и четвертой (2012) международной конференции Grammar & Corpora, ставшей в результате традиционной (в прошлом году прошла в режиме онлайн уже восьмая

конференция этой серии – в Кракове). Усилиями Фр. Штихи в 2010 г. был основан новый академический журнал «*Korpus – gramatika – axiologie*» с международной редакционной коллегией и международным же составом авторов. Фр. Штиха – вдохновитель и основной редактор новой «Академической грамматики литературного чешского языка» [7], подготовленной на корпусном материале. Он же автор концепции «Большой академической грамматики чешского языка» в четырех частях, также корпусно-ориентированной (первая часть в двух томах вышла в 2018 г. [8], вторая часть

находится в печати, третья часть в настоящее время проходит редакторскую обработку).

Поэтому неудивительно, что в написании настоящей коллективной монографии охотно приняли участие многочисленные коллеги Фр. Штихи не только из его «родной» академии наук, но из самых разных университетов Чехии, а также из-за рубежа.

Открывающая первую часть монографии статья М. Гигера о действительных причастиях настоящего времени в русском и чешском языках затрагивает интереснейшую проблему, связанную с ярко выраженной асимметрией партиципальных систем сопоставляемых языков, см. [1]. Как и в работе [2], опубликованной в названном выше, основанном Фр. Штихой и его коллегами журнале, автору удалось существеннейшим образом уточнить функционирование рассматриваемого типа причастий. Во второй статье первой части один из редакторов классической «Настольной грамматики чешского языка» [3] П. Карлик проанализировал чешское деепричастие в контексте номинализации в связи с разрабатываемой Фр. Штихой теорией грамматичности, ср. [6]. К. Осолсобе рассмотрела синонимичные формы чешского инфинитива как проблему consistenteм лемматизации. Был представлен полный список подобных синонимичных форм, составленный на основе существующих грамматик, словарей и крупных корпусов. Л. Йилкова, исходя из опубликованного ровно двадцать лет назад исследования Фр. Штихи [5], выяснила, как за это время изменилось употребление кратких и полных партиципальных форм страдательного залога в предикате.

Вторая часть монографии содержит интереснейший материал Э. Гайичовой, Й. Мировского и Б. Штепанковой о порядке слов в связи с актуальным членением в свете англо-чешского параллельного корпуса, Я. Паневовай, М. Лопатковой и В. Кеттнеровой о реципроке в словаре и в синтаксисе, В. Петкевича о проблемах дисамбигуации конструкций с предлогом «о» при автоматической разметке чешского текста, Й. Штепана о сложных синтаксических конструкциях, включающих в себя более одного главного предложения.

В третьей части М. Вондрачек рассмотрел частеречную принадлежность выражений типа *běda*, А.А. Черна – функционирование лексемы *zdraví* в древнечешских текстах, А. Изотов – абсолютную и относительную употребительность на материале серии SYN современных письменных текстов Чешского национального корпуса 1074 лексем из предложенного еще в «докорпусную эпоху» П. Сгаллом и Й. Гронекком словаря обиходно-разговорного чешского языка [4],

В. Веселы – модальные значения глагола *muset* в конструкциях с безагентными глаголами.

Четвертая часть посвящена словообразованию. Б. Беднаржикова проанализировала деривационный потенциал 10 глаголов чешского языка, а также их соответствий в русском и украинском, И. Боздохова – возможности чешского словообразования в сфере названий людей, П. Миттер – понимание мутации и транспозиции в современном чешском словообразовании, В. Коларжова и М. Шевчикова – девербативы с корнем *klad/lož*, И. Коларжова – десубстантивные глаголы со значением времени, а также их префиксальные дериваты.

В пятой части Я. Билкова и Й. Земан представили функционирование дискурсивного маркера *no a* в устном чешском дискурсе, М. Хебаль-Ежерская – особенности польско-чешской межкультурной коммуникации, Я. Гоффманнова – проблемы анализа устных спонтанных диалогов из популярных телепередач, П. Мареш – метатекстовые маркеры в корреспонденции и публицистике Карла Гавличека.

Шестая часть монографии содержит небольшой очерк М. Вондрачека о Фр. Штихе как о лингвисте и как о человеке, а также избранную библиографию Фр. Штихи на десяти страницах.

Тем самым рецензируемая монография вводит в научный обиход огромную порцию нового и ценнейшего материала, самым добротным способом обработанного. Поэтому мы горячо рекомендуем данное издание всем богемистам, а также всем специалистам по корпусной лингвистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Изотов А. И.* Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. М.: Филологический факультет МГУ, 1993. 100 с.
2. *Giger M.* Příčestí minulé činné na -(v)ší v dnešních českých publicistických textech // *Korpus – gramatika – axiologie*. 2010. № 1–2. S. 3–23.
3. *Příruční mluvnice češtiny / eds. P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová.* Brno: Lidové Noviny, 1996. 800 s.
4. *Sgall P., Hronek J.* Čeština bez příkras. Praha: H&H, 1992. 182 s.
5. *Štícha Fr.* Konkurence krátkých a dlouhých variant participiálních tvarů v přísudku // *Naše řeč*. 1980. № 1. S. 1–14.
6. *Štícha Fr.* Uzuálnost, funkčnost a systematické jako kritéria gramatičnosti. K jednomu typu morfológické derivace (udělavíc – udělavající) // *Slovo a slovesnost*. 2008. № 3. S. 176–191.

7. Štícha Fr. et al. *Akademická gramatika spisovné češtiny* / Fr. Štícha, M. Vondráček, I. Kolářová, J. Hoffmannová, J. Bílková, I. Svobodová. Praha: Academia, 2013. 972 s.
8. Štícha Fr. et al. *Velká akademická gramatika spisovné češtiny. 2 svazky*. Praha: Academia, 2018. 1148 s.
- Karlík P., Nekula M., Rusínová Z. (Eds.). *Příruční mluvnice češtiny*. Brno, Lidové Noviny Publ., 1996, 800 p. (In Czech.)
- Sgall P., Hronek J. *Čeština bez příkras*. Praha, H&H Publ., 1992, 182 p. (In Cz.)
- Štícha Fr. *Konkurence krátkých a dlouhých variant participiálních tvarů v přísudku, Naše řeč*, 1980, no 1, pp. 1–14. (In Czech.)
- Štícha Fr. *Uzuálnost, funkčnost a systémovost jako kritéria gramatičnosti. K jednomu typu morfolo- gické derivace (udělajíc – udělající), Slovo a slovesnost*, 2008, no 3, pp. 176–191. (In Czech.)
- Štícha Fr. Vondráček M., Kolářová I., Hoffmannová J., Bílková J., Svobodová I. *Akademická gramatika spisovné češtiny*. Praha, Academia Publ., 2013, 972 p. (In Czech.)
- Štícha Fr. et al. *Velká akademická gramatika spisovné češtiny. 2 svazky*. Praha, Academia Publ., 2018, 1148 pp. (In Czech.)

REFERENCES

- Giger M. *Přičestí minulé činné na -(v)ší v dnešních českých publicistických textech, Korpus – gramatika – axiologie*, 2010, no 1–2, pp. 3–23. (In Czech.)
- Izotov A.I. *Cheshskie atributivnye prichastiia na fone russkikh*. Moscow, St. Univ. Philol. Faculty Publ., 1993, 100 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Изотов Андрей Иванович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры славянской филологии
филологического факультета,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0001-6985-7000
E-mail: a.i.izotov@mail.ru

Information about the author

Andrey I. Izotov,
DSc. (Philology), professor,
Department of the Slavic Philology,
School of Philology,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
ORID: 0000-0001-6985-7000
E-mail: a.i.izotov@mail.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0018101-4

Оригинальная статья /
Original Article

Четвертая международная конференция «Еврейское поле: опыт и концептуализация»

© 2022 г. С.Н. Амосова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

sveta.amosova@gmail.com

Ссылка для цитирования: *Амосова С.Н.* Четвертая международная конференция «Еврейское поле: опыт и концептуализация» // *Славяноведение*. 2022. № 1. С. 132–134. DOI: 10.31857/S0869544X0018101-4.

Fourth International Conference «Jewish Field: Experience and Conceptualization»

© 2022. S.N. Amosova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

sveta.amosova@gmail.com

Reference for citation: *Amosova S.N.* Fourth International Conference “Jewish Field: Experience and Conceptualization” // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No. 1. P. 132–134. DOI: 10.31857/S0869544X0018101-4.

9–11 ноября 2021 г. состоялась международная конференция «Еврейское поле: опыт и концептуализация». Это была уже четвертая встреча, организованная центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН, Исследовательским центром «Еврейского музея и центра толерантности» и центром «Сэфер». Основной целью этих конференций является подведение итогов полевых сезонов в исследованиях, связанных с иудаикой, осмысление этих материалов, обсуждение новых методов и подходов в области полевых исследований. Конференция является многопрофильной, к участию приглашаются этнографы, фольклористы, социологи, антропологи, лингвисты, археологи – все исследователи, которые так или иначе ведут исследования в «поле», т.е. выезжают в экспедиции.

Конференция длилась три дня, каждый из дней открывался пленарным докладом. Первый день начался с доклада декана факультета социологии и антропологии университета Бар-Илана *Л. Ременник*. Она рассказала о результатах многолетнего исследования так называемого полуторного поколения эмигрантов из стран бывшего Советского Союза, т.е. тех, кто переехал в Израиль в 1990-е годы в детском или подростковом возрасте, об особенностях адаптации и взросления в новой стране этих детей.

Первая секция была посвящена цифровому полю, исследованиям в интернет-сообществах. В докладе *А. Агабабян* рассказывалось об этнологическом исследовании горских евреев в цифровых условиях, в частности, речь шла о разного рода онлайн мероприятиях и платформах, целью

которых является «спасение» языка джуури, который считается родным вернакуляром для горских евреев Кавказа, Израиля и диаспоры. *М. Шишигина* представила результаты исследования, посвященного изучению цифровых практик в общинах прогрессивного иудаизма в России во время пандемии COVID-19. Трансформация социальной жизни во время карантина способствовала активному включению интернета и цифровых площадок (таких как Zoom, Facebook, YouTube, Instagram) в повседневную жизнь религиозных общин. Опыт проведенного исследования позволил сделать предварительные выводы о том, что изменилось понятие общины и ее границ. В докладе «В поисках потерянного еврейства: между группой и границей» *А. Андриушин* рассмотрел многосоставной подход к пониманию этнической идентичности: с точки зрения исследователя и с точки зрения информанта. В качестве эмпирического объекта он выбрал еврейскую общину Тулы.

Вторая секция была посвящена межэтническим отношениям и стереотипам о евреях. *М. Вятчина* продолжила свое исследование о чопе — локальной целительской практике, распространенной среди разных этнических групп Дагестана, в том числе среди горских евреев. В этом докладе она сфокусировалась на методологической стороне исследования чопы, провела наблюдение и фиксировала способы обсуждения этиологии чопы среди пользователей социальных сетей (преимущественно социальных сетей Instagram и ВКонтакте). *Ф. Райгородская* и *Л. Чиркина* посвятили свое сообщение межэтническим взаимоотношениям внутри еврейских общин Тулы. В городе существуют две еврейские общины, которые особым образом выстраивают отношения не только друг с другом, но и с представителями других конфессий. Главный принцип отношений с нееврейским сообществом — открытость, о которой не говорится напрямую, но которая становится очевидна при близком знакомстве с устройством организаций. *К. Задоя* и *Е. Будовская* рассказали о результатах полевой работы, которая началась в 1987 г. Это были фольклорные экспедиции в Карпатскую Украину (Львовская, Ивано-Франковская, Закарпатская области), где среди прочих материалов они записали мифологическую и немифологическую прозу о евреях. В докладе было показано неоднозначное отношение славянского населения к евреям. Доклад *А. Архиповой* «Еврейский дом», «еврейский чай», «еврейский ум» и другие *ethnic slurs* в повседневной речи информантов» был основан на материалах экспедиций на Северный Кавказ в Ростовскую и Ставропольскую области в 2020–2021 гг. Она показала, что устойчивые паремические высказывания «еврейский дом», «еврейский ум», «еврейская погода», «еврейская заварка» и другие являются разновидностью *ethnic slurs* — этнофолизмов, с помощью которых в пейоративном ключе описывается чужая для говорящего этническая группа.

Последняя секция первого дня «Архивы и устная история» была посвящена соотношению письменных и устных источников. *С. Белянин* в докладе «Память о Холокосте: коммеморативные протесты в 1981–1987 гг.» обратился к анализу документов из архива Ваада о митингах памяти жертв Холокоста, проходивших в Москве и Ленинграде в 1980-е годы и сравнил их с современными материалами митингов. *Елизавета Заболотных* рассказала о сборе материалов для выставки «Еврейский Екатеринбург», а также поделилась проблемой сохранения личных архивов и их доступности для исследователей.

Второй день начался с пленарного доклада *В. Дымищица* «Тридцать лет и три года. Полевая работа как зеркало идеологических и институциональных изменений в жизни российской иудаики», в котором он проанализировал этапы становления и развития полевой работы в области иудаики в России, а также круг основных тем, которые становились предметом рассмотрения этнографов, фольклористов и антропологов, а также то, что осталось за пределами этих исследований.

Секция «Фольклорные сюжеты и мотивы в современных записях» состояла из четырех докладов. *М. Каспина* проанализировала фрагменты воспоминаний о поездках на могилу Веледниковского цадика в советское время, записанных во время экспедиций и опубликованных в мемуарах. Доклад *Е. Сидоровой* «Милостивый государь: встреча еврейской девочки с Николаем II» был посвящен историческому и фольклористическому анализу сюжета о встрече еврейской девочки с Николаем II в Петрограде. История была записана во время экспедиции в Тулу летом 2021 г. *Никита Морозов* рассмотрел кухню евреев Тулы с советского времени до наших дней на материале интервью, собранных в ходе полевой школы-экспедиции по этнографии центра «Сэфер». *Е. Закревская* посвятила свой доклад сюжетам и мотивам в устных текстах о войне и Холокосте, собранных в экспедиции в Брянскую область. Она рассмотрела способы комбинации мотивов в длинных историях и на основании полученных сочетаний выделила сценарии нарративизации, которые обозначила как обличительные и примирительные.

Тема Холокоста и Второй мировой войны была продолжена в следующей секции «Коммеморативные практики и фольклорные сюжеты о Холокосте». *А. Кирзюк* проанализировала нарративы, записанные в Калмыкии и Ставропольском крае весной 2021 г. и описывающие спасение еврейского мальчика во время нацистской оккупации. Она показала конфликт двух разных групп рассказчиков, каждой из них важно доказать, что именно их предки, а не предки семьи-конкурента прятали ребенка после расстрела еврейских беженцев в с. Зунда-Толга. Доклад *С. Амосовой* «Горские

евреи vs таты: нарративы о Холокосте и спасении евреев Нальчика» был посвящен анализу текстов о спасении еврейской общины Нальчика и окрестностей, докладчица показала сюжеты, которые являются ключевыми в этих нарративах, а также рассказала о спорах ученых, связанных с идентичностью горских евреев, которая помогла спастись евреям из Нальчика во время Второй мировой войны. *Е. Закревская* и *С. Белянин* обратились к теме фольклоризации исторических текстов. Корпус фольклорных текстов о недавних исторических событиях, например о войне и Холокосте, в наше время только складывается. На материале интервью, посвященных памяти об оккупации и собранных в экспедициях в Ростове-на-Дону, Брянской области и на Северном Кавказе, они описали три механизма, с помощью которых рассказы о реальных событиях превращаются в квазиисторические фольклорные нарративы. *И. Козлова* продолжила исследование о современных коммеморативных практиках евреев Ставропольского края и Ростова-на-Дону. Она сравнила индивидуальные и коллективные практики поминовения в нескольких городах.

Третий день конференции открыл пленарный доклад *С. Лёзова* и *К. Кашиной* о русской экспедиции в Тур-Абдине (Турция) летом 2021 г. Доклад был посвящен изучению семитского языка туркой в современных полевых исследованиях.

А. Лявданский рассказал об образе еврея в фольклоре ассирийцев на материалах экспедиций последних нескольких лет в Иран, также он привел несколько текстов сказок, где появляется герой-еврей. *И. Никитина* посвятила свой доклад еврейской жизни Тулы через призму семейных нарративов. Доклад был основан на двух интервью — двоюродных брата и сестры, коренных жителей Тулы, но несмотря на такой ограниченный материал, репрезентативно была раскрыта частная семейная история, которая вписывается в более крупную картину советской еврейской истории. *А. Юджина* проанализировала обитную жизнь тульской еврейской общины в советский период.

С. Погодина в докладе «(Не)еврейский текст Екабпилса» рассказала о результатах экспедиции, прошедшей летом 2021 г. в латвийском городе Екабпилсе (бывший Якобштадт и Крейцбург/Крустпилс). В ходе экспедиции были записаны этнографические интервью на русском и латышском языках с представителями местной еврейской общины, а также нееврейскими информантами города — старообрядцами и католиками. Записанные сюжеты и нарративы отражают как этнографическую и культурную специфику региона, так и общие представления о евреях, известные по полевым исследованиям других областей бывшей черты оседлости. *Е. Берман* представила интересное сравнение двух еврейских и субботнических обшин и кладбищ в Сибири: Амурского еврейского некрополя Иркутска и субботнического некрополя г. Зима. Исследовательница показала, что захоронения на общих кладбищах несут большое количество важнейшей этнокультурной информации о взаимоотношениях евреев и субботников. Тексты и изображения на надгробиях являются важной дополнительной информацией о еврейских и субботнических общинах Иркутской губернии, недоступной из других исторических источников. *Н. Огорельшева* и *В. Кириллова* рассказали о продолжении проекта «Еврейское наследие Гомельщины: образы и смыслы».

Последняя секция была посвящена исследованиям еврейских кладбищ. *Ю. Орешина* и *А. Фишель* рассказали об исследовании еврейских кладбищ в Грузии. В 2021 г. в рамках проекта ESJF исследовательницы впервые попытались нанести на карту все еврейские кладбища Грузии, в том числе те, которые уже разрушены. Задача оказалась сложнее, чем они предполагали на начальном этапе исследования, поскольку некоторые методы поиска локаций не работают в Грузии так, как ожидалось по опыту работы в других странах. Кроме того, исследовательницы представили пособие «Исследуем еврейское кладбище» с фокусом на грузинском опыте, подготовленное по результатам исследования в Грузии. *М. Васильев* и *Г. Мороз* в докладе «Цифровые методы в еврейской некрополистике: визуализация и количественный анализ полевых данных» показали, как можно анализировать большое количество данных, собранных в ходе экспедиций по эпиграфике (анализ имен, времени захоронения и пр.).

По итогам конференции планируется выпуск тематических подборок статей в профильных журналах.

Информация об авторе

Амосова Светлана Николаевна,
Младший научный сотрудник
Центра славяно-иудаики
Института славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0001-7614-6549,
E-mail: sveta.amosova@gmail.com

Information about the author

Svetlana N. Amosova,
Junior research fellow of Judaic-Slavic Centre
Institute of Slavic studies
of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: 0000-0001-7614-6549,
E-mail: sveta.amosova@gmail.com

ЮБИЛЕИ

Славяноведение, 2022, № 1, с. 135–136

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 1, pp. 135–136

К юбилею Сергея Михайловича Каштанова

© 2022 г. Д.А. Боровков

Независимый исследователь
(Москва, Российская Федерация)

brancalone85@mail.ru

Ссылка для цитирования. *Боровков Д.А.* К юбилею Сергея Михайловича Каштанова // *Славяноведение*. 2022. № 1. С. 135–136.

For the anniversary of Sergei Mikhailovich Kashtanov

© 2022. D.A. Borovkov

Independent researcher
(Moscow, Russian Federation)

brancalone85@mail.ru

Reference for citation: *Borovkov D.A.* For the anniversary of Sergei Mikhailovich Kashtanov // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No 1. P. 135–136.

29 января 2022 г. исполняется 90 лет доктору исторических наук, профессору, члену-корреспонденту РАН Сергею Михайловичу Каштанову.

С.М. Каштанов родился 29 января 1932 г. в Ленинграде в семье военного инженера. Окончил общеобразовательную школу в Казани с серебряной медалью, в 1949 г. без экзаменов был принят в Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ), где в числе его преподавателей были В.Т. Пашуто, С.О. Шмидт и А.А. Зимин. Под руководством последнего С.М. Каштанов занялся изучением жалованных грамот XVI в., подготовив на кафедре вспомогательных исторических дисциплин дипломную работу по этому виду источников, защищенную в 1954 г. Работа оказалась столь новаторской, что официальные оппоненты, С.О. Шмидт и А.Т. Николаева, рекомендовали Ученому совету МГИАИ принять ее в качестве кандидатской диссертации.

В 1954–1958 гг. С.М. Каштанов обучался в аспирантуре МГИАИ, а с 1956 г. работал научным сотрудником в Институте истории АН СССР (с 1968 г. – в Институте истории СССР, с 1991 г. – в Институте российской истории РАН). В 1958 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Жалованные и указные грамоты на Руси как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI века». Этой теме, раскрытой в более широком контексте, была посвящена первая монография С.М. Каштанова – «Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в.» (М., 1967). В 1968 г. он защитил докторскую диссертацию «Очерки русской дипломатики», позже опубликованную в качестве одноименной монографии (М., 1970), где была сформулирована методика источниковедческого анализа грамот XV–XVI вв. Почти два десятилетия спустя эти аспекты научной деятельности С.М. Каштанова получили продолжение в книге «Русская дипломатика» (М., 1988). Тогда же было опубликовано исследование социально-экономической истории XIV–XVI вв. – «Финансы Средневековой Руси» (М., 1988). По совокупности этих монографий

С.М. Каштанов в 1994 г. был удостоен премии им. В.О. Ключевского (в 1997 г. он стал председателем комиссии РАН по присуждению премий им. В.О. Ключевского).

В числе исследований, изданных С.М. Каштановым в последующие годы, монографии «Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв.» (М., 1996), «Актовая археография» (М., 1998), «Книга в России (XI–XVI вв.)» (совм. с Л.В. Столяровой. М., 2010), «Исследование о молдавской грамоте XV века» (М., 2012), «Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси» (М., 2014), «Московское царство и Запад. Историографические очерки» (М., 2015), «Очерки региональной истории и исторической географии Русского государства в XVI–XVII веках. Т. 1. Северо-Восточная Русь» (М., 2018).

С.М. Каштанов является автором многочисленных статей, в том числе в энциклопедических изданиях, среди которых третье издание «Большой советской энциклопедии» и «Большая российская энциклопедия».

С.М. Каштанов принимал участие в подготовке многочисленных публикаций источников по истории русского средневековья, в том числе 27-й том «Полного собрания русских летописей», «Памятники русского права», «Акты Российского государства 1505–1526 гг.», «Акты, относящиеся к истории Западной России» и другие издания.

С 1972 по 1975 гг. С.М. Каштанов преподавал в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской. В 1977 г. избран членом Международной комиссии по дипломатике. В 1987 г. стал профессором кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ (с 1991 г. – ИАИ РГГУ) и руководителем кружка по источниковедению отечественной истории периода феодализма. В 1995–2000 гг. С.М. Каштанов руководил Центром истории России в средние века и раннее новое время в Институте российской истории РАН, в 2001 г. стал руководителем Центра специальных исторических дисциплин, сравнительного и теоретического источниковедения в Институте всеобщей истории РАН, а в 2008 г. также научным руководителем Отдела специальных исторических дисциплин в том же институте. 30 мая 1997 г. С.М. Каштанов избран членом-корреспондентом РАН по Отделению истории, а в 2002 г. – действительным членом Национальной академии наук и искусств Чувашской республики. С 2002 г. – председатель Археографической комиссии РАН. В 2010 г. С.М. Каштанов получил звание заслуженного профессора РГГУ, а в 2011 г. назначен руководителем Высшей школы источниковедения, специальных и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ.

С.М. Каштанов продолжает активную научную деятельность: недавно вышла в свет его книга «Иван Грозный и его время» (М., Берлин, 2020), написанная в соавторстве с Л.В. Столяровой, а также подготовленный им в качестве ответственного редактора (совместно с Л.В. Столяровой) сборник документов «“Брату нашему Лудвигу”: Переписка русских царей с королями Франции в конце XVI – начале XVIII вв.» (М., Берлин, 2021).

Желаем юбиляру здоровья и дальнейших успехов в научных изысканиях!

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Сергею Михайловичу здоровья и творческих успехов.

Сведения об авторе

Боровков Дмитрий Александрович,
кандидат исторических наук.
E-mail: brancalone85@mail.ru

Information about the author

Dmitry A. Borovkov,
Ph D. (History).
E-mail: brancalone85@mail.ru

К юбилею Наталии Витальевны Злыдневой

Ссылка для цитирования. К юбилею Наталии Витальевны Злыдневой // *Славяноведение*. 2022. № 1. С. 137–138.

For the anniversary of Natalia Vitalievna Zlydneva

Reference for citation: For the anniversary of Natalia Vitalievna Zlydneva // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No 1. P. 137–138.

2 января 2022 г. — знаменательная дата в жизни Наталии Витальевны Злыдневой, доктора искусствоведения, руководителя Отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН.

Наталия Витальевна — потомственный славист, на ее путь в науке во многом оказали влияние профессиональные интересы родителей. Мама, Т.П. Попова (1924–2018), много лет преподавала сербохорватский язык на филфаке МГУ, она вырастила не одно поколение сербохорватистов. Отец — В.И. Злыднев (1919–1999), доктор филологических наук, болгарист, проработавший в Институте славяноведения несколько десятилетий. Становление и формирование Н.В. Злыдневой как ученого-слависта происходило в стенах Института славяноведения (ранее Института славяноведения и балканистики РАН). Здесь она прошла путь от младшего научного сотрудника (с 1981 г.) до заведующего Отделом истории культуры славянских народов (с 2008 г. по настоящее время). Примечательно, что в 1970–1980-е годы Отдел (он тогда назывался сектором историко-культурных проблем) возглавлял В.И. Злыднев.

Начало научной биографии Н.В. Злыдневой связано с изучением культуры южных славян. Искусствовед по образованию, она в 1980 г. защитила кандидатскую диссертацию «Проблема мемориала в творчестве архитектора В. Богдановича» в Государственном институте искусствознания. Там же в 1999 г. ею была защищена докторская диссертация на тему «Балканский менталитет и изобразительное искусство». Впоследствии главным направлением научных интересов Н.В. Злыдневой стало русское искусство XX в. — как изобразительное (авангард), так и литература (обэриуты, А. Платонов). Наталия Витальевна — автор четырех монографий: «Художественная традиция в пространстве балканской культуры» (М., Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991); «Мотивика прозы Андрея Платонова» (М., Институт славяноведения РАН, 2006); «Изображение и слово в риторике русской культуры XX века» (М., Индик, 2008); «Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения» (М., Индик, 2013). В каждой из них Н.В. Злыднева показала себя как глубокий, оригинальный исследователь, который идет собственным, непроторенным путем, используя новаторские методы и понятийный аппарат, при этом в центре ее внимания постоянно находится семиотика культуры.

Судьбоносным в научном отношении оказалось участие Н.В. Злыдневой в 1970–1980-е годы в семинарах крупнейшего хорватского слависта Александра Флакера (1924–2010), посвященных искусству авангарда, которые регулярно проходили в Загребском университете. Она стала постоянным участником его многолетнего проекта «Понятийник русского авангарда». Отличительной особенностью проекта было обращение к авангарду как художественной формации с точки зрения его поэтики, опора на опыт европейской компаративистики, русской формальной школы и советского структурализма. Там завязались контакты Н.В. Злыдневой с учениками Флакера — хорватскими учеными Й. Ужаревичем, Ж. Бенчич, Я. Войводич, которые и сейчас продолжают исследование культуры XX в. под эгидой Загребского университета. Знаменательно, что именно Н.В. Злыднева

предприняла усилия, чтобы в качестве научного редактора и составителя издать на русском языке сборник работ А. Флакера. (*А. Флакер. Живописная литература и литературная живопись. М., Индрик, 2008*).

Отдел истории культуры славянских народов Н. В. Злыднева приняла из рук выдающегося историка культуры Л. А. Софроновой, сохранив заложенные ею традиции изучения категорий и механизмов славянской культуры. Проблематику исследований Отдела Н. В. Злыднева обогатила акцентом на XX век, искусством авангарда и структуралистским подходом к изучению истории культуры. Кроме того, в работу Отдела она привнесла значительную ориентированность на международное сотрудничество. Так, представители загребской школы литературоведения постоянно участвуют в семинарах, конференциях и коллективных трудах Института славяноведения. Сотрудничали и продолжают сотрудничать с Отделом, руководимым Н. В. Злыдневой, и другие последователи А. Флакера – известные европейские слависты Е. Фарыно (а ныне и его ученики), О. Ханзен-Лёве, Х. Гюнтер, а также такие крупнейшие польские ученые, как В. Шукин, Г. Бобилевич. Под редакцией Н. В. Злыдневой Отдел истории культуры опубликовал ряд коллективных трудов: «Телесный код в славянских культурах» (М., 2005); «Концепты повседневности в славянских культурах: еда и одежда» (СПб., Алетейя, 2011); «Концепт вещи в славянских культурах» (М., 2012); «Гибридные формы в славянских культурах» (М., Институт славяноведения, 2014); «Категория взрыва и текст славянской культуры» (М., Институт славяноведения, 2016); «Категории *воля* и *принуждение* в славянской культуре» (М., Институт славяноведения, 2019). Примером плодотворного международного сотрудничества стал российско-венгерский междисциплинарный исследовательский проект, поддержанный РФФИ, под руководством Н. В. Злыдневой и Ж. Хетени (Венгрия). Его результат – изданный в 2021 г. коллективный труд «На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в русской и центральноевропейских культурах».

Расширению научных направлений Отдела истории культуры способствовала и искусствоведческая специализация самой Наталии Витальевны, позволившая активнее вводить в круг разрабатываемой проблематики материалы изобразительного искусства, музыки, кинематографии. С 2009 г. по настоящее время Н. В. Злыднева по совместительству является ведущим научным сотрудником Государственного института искусствознания МК РФ. Важнейшими достижениями последних лет стали сборники статей под ее редакцией: «Искусство Сербии, Хорватии и Словении в XX веке» (М., Индрик, 2019), а также «Проблемы синестезии и поэтика авангарда» (М., ГИИ, 2020).

Наталия Витальевна – глубоко преданный своей специальности человек, ученый европейского масштаба, владеющий самыми современными методологическими достижениями гуманитарной науки. Без преувеличения можно сказать, что наука и искусство – главные стихии ее жизни. В то же время она с успехом занимается и преподавательской деятельностью. Н. В. Злыднева преподавала в МГУ, в Университете Вашингтона и Ли в США (1995–1996), в Таллинском (2002) и Ягеллонском (2019) университетах. С 2010 по 2018 г. она вела спецкурсы в Московской государственной консерватории.

Мы, сотрудники Отдела истории культуры славянских народов, высоко ценим уважительное и тактичное отношение, сдержанность и демократичность Наталии Витальевны как руководителя, ее умение вовремя оказать поддержку своим коллегам, а главное ту высокую планку в научных исследованиях, которую она никогда не снижает сама и задает своим сотрудникам. От души поздравляем Наталию Витальевну Злыдневу с юбилеем и желаем крепкого здоровья, творческих успехов, воплощения новых научных замыслов.

Коллеги и друзья

НЕКРОЛОГИ

Славяноведение, 2022, № 1, с. 139–142

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 1, pp. 139–142

DOI: S0869544X0018103-6-1

Памяти Григория Куприяновича Венедиктова (1929–2021)

© 2022 г. О.В. Трефилова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

Ссылка для цитирования: *Трефилова О.В.* Памяти Григория Куприяновича Венедиктова (1929–2021) // *Славяноведение*. 2022. № 1. С. 139–142.

In memory of Grigory Kupriyanovich Venediktov (1929–2021)

© 2022. O.V. Trefilova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Reference for citation: *Trefilova O. V.* In memory of Grigory Kupriyanovich Venediktov (1929–2021) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No 1. P. 139–142.

11 сентября 2021 г. на 92-м году жизни скончался выдающийся российский болгарист, доктор филологических наук, иностранный член Болгарской академии наук Григорий Куприянович Венедиктов.

Г.К. Венедиктов родился 13 ноября 1929 г. в семье русских крестьян-старообрядцев в д. Улителе (Ulytélé) Обяльской волости Рокишского уезда Литвы на границе с юго-западной Латгалией (Латвия) (после вхождения Литвы в СССР с 1950 по 1953 г. деревня относилась к Обяльскому району Шяуляйской области Литовской ССР, затем – к Рокишскому району (с 1994 г.) Паневежского уезда Литвы, ныне не существует). В 1937 г. пошел в школу. В 1940 г. после присоединения Литвы к СССР семья переехала в г. Рокишкис, а в первый день Великой Отечественной войны отправилась в эвакуацию, где Григорий проживал до ноября 1943 г. вместе с родственниками в с. Сакмара Чкаловской (Оренбургской) области, а затем в с. Красный Холм той же области в детском доме, куда был принят ввиду тяжелого материального положения семьи (помимо Григория в семье было еще трое детей). В январе 1945 г. детский дом был переведен в Вильнюс, где Григорий Куприянович поступил в IV мужскую гимназию им. И.Д. Черняховского, которую окончил в 1947 г. В том же году поступил на отделение психологии философского факультета Ленинградского государственного университета, а в 1948 г. перевелся на филологический факультет и выбрал в качестве специализации болгарскую филологию. С января по сентябрь 1953 г. проходил учебную практику в Болгарии при Софийском университете. В октябре 1953 г. Григорий Куприянович окончил филфак ЛГУ, получив квалификацию филолога-слависта, и по рекомендации ученого совета факультета поступил в аспирантуру филологического факультета по кафедре славянской филологии, где под научным руководством крупнейшего отечественного болгариста-языковеда Ю.С. Маслова продолжил работать в области болгарского языкознания.

В марте 1956 г., будучи аспирантом ЛГУ, он был принят на работу в Институт славяноведения АН СССР (с 1991 г. – РАН), в котором проработал почти 60 лет (до ноября 2014 г.)

в качестве младшего, старшего, ведущего и главного научного сотрудника (позже – отдела) славянского языкознания. С середины XX в. в секторе славянского языкознания под руководством выдающегося слависта С.Б. Бернштейна велись широкие исследования болгарского языка, в том числе его истории, грамматики и диалектологии. Этот период характеризует и плодотворное сотрудничество болгаристов Института славяноведения с болгарскими славистами. В 1950–1960-е годы Григорий Куприянович много работает в области болгарской грамматики и диалектологии, принимает участие в диалектологических экспедициях в Болгарии вместе с другими сотрудниками сектора. В этот период в работах Григория Куприяновича затрагиваются вопросы болгарской и русской аспектологии, глагольного словообразования и морфологии. В 1963 г. в Институте славяноведения АН СССР Г.К. Венедиктов защищает кандидатскую диссертацию «Глаголы движения в болгарском языке», написанную на материале не только литературного языка, но и памятников письменности XVII–XVIII вв., а также болгарских диалектов. В 1964 г. в Софии выходит первый том, «Юго-Восточная Болгария», «Болгарского диалектного атласа», созданного под руководством Стойко Стойкова и С.Б. Бернштейна, 41 карта которого и комментарии к ним составлены Г.К. Венедиктовым. Работа над атласом позволила ему выполнить ряд интересных исследований в области исторической морфологии и состояния современных болгарских диалектов.

С конца 1950-х годов Григорий Куприянович увлекается вопросами новоболгарской письменности и истории болгарского литературного языка, которые с середины XX в. начали успешно разрабатываться в Болгарии проф. Любомиром Андрейчиным и его учениками. С 1962 г. Г.К. Венедиктов приступает к исследованию болгарского литературного языка эпохи национального возрождения. В 1970–1980-е годы он публикует статьи, посвященные как вопросам грамматики современного болгарского языка, так и проблемам формирования болгарского литературного языка, его орфоэпических норм, его диалектной основе, лексике; выступает в качестве автора статей и разделов в сборниках, подготовленных Институтом славяноведения и балканистики АН СССР: «Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков» (М.: Наука, 1978, также член редколлегии), «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII–XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО» (М.: Наука, 1978), «Формирование наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Исторический и историко-культурный аспект» (М.: Наука, 1981), «У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания» (М.: Наука, 1984), участвует в институтских сборниках серии «Славянское и балканское языкознание»: «Проблемы морфологии славянских и балканских языков» (М.: Наука, 1976), «История литературных языков и письменность» (М.: Наука, 1979), «Проблемы морфонологии» (М.: Наука, 1981), «Проблемы лексикологии» (М.: Наука, 1983) и др. Изучение Григорием Куприяновичем истории болгарского литературного языка эпохи национального возрождения сопровождалось исследованием развития книгопечатания у болгар и болгарской орфографической нормы. В 1981 г. в Софии в издательстве Болгарской академии наук выходит сборник статей Г.К. Венедиктова «Из истории современного болгарского литературного языка», в которых рассматриваются формирование и нормализация болгарского литературного языка в эпоху болгарского возрождения, диалектная основа болгарского литературного языка, начало болгарского книгопечатания, становление болгарской орфографической и орфоэпической нормы. В начале 1990-х годов в Болгарии и России издаются одновременно две книги ученого: сборник статей «Българистични студии» («Исследования по българистике») (София: Наука и изкуство, 1990) и монография «Болгарский литературный язык эпохи Возрождения. Проблемы нормализации и выбора диалектной основы» (М.: Наука, 1990). Обладая уже непререкаемым авторитетом в области изучения истории литературного болгарского языка, Г.К. Венедиктов в 1992 г. защищает в Институте славяноведения и балканистики РАН докторскую диссертацию на тему «Современный болгарский литературный язык на стадии формирования: проблемы нормализации и выбора диалектной основы».

В 1990-е годы – первое десятилетие XXI в. Григорий Куприянович активно публикует работы по грамматике и истории кодификации болгарского языка, новоболгарским переводам Библии, истории болгарских слов, участвует в проектах и коллективных монографиях отдела славянского языкознания, сборниках института: «Болгарский литературный язык предвозрожденческого периода» (М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992; отв. ред. Е.И. Дёмина), «Тенденция интернационализации в современных славянских литературных

языках» (М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997; отв. ред. Л.Н. Смирнов; Г.К. Венедиктов – член редколлегии), «Славянские литературные языки эпохи национального возрождения» (М.: Институт славяноведения РАН, 1998; отв. ред. Г.К. Венедиктов), «Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. Т. 1» (М.: Индик, 1998), «Проблемы славянской диахронической социолингвистики: Динамика литературно-языковой нормы» (М.: Институт славяноведения РАН, 1999; руководитель проекта и отв. ред. Е.И. Дёмина), «Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков» (М.: Институт славяноведения РАН, 2002; руководитель проекта и отв. ред. Л.Н. Смирнов; Г.К. Венедиктов – член редколлегии), «Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века» (СПб.: Алетейя, 2002; отв. ред. Г.Г. Литаврин и Р.П. Гришина), «Пуристические тенденции в истории славянских литературных языков» (М.: Институт славяноведения РАН, 2005; ред. кол.: Г.К. Венедиктов, Ф.Б. Людоговский) и др.

В сферу научных интересов Григория Куприяновича входили также вопросы русско-болгарских литературных и научных связей, славянской библиографии, истории лингвистической болгаристики и литуанистики в России. Он обнаружил несколько не известных ранее болгарских возрожденческих изданий, а также место хранения ряда книг, известных только по библиографическим ссылкам, ввел в научный оборот труды по болгаристике в России в XIX в.: П.И. Кеппена, П.А. Бессонова, И.И. Срезневского, Ю.И. Венелина и др. Личности и трудам Ю.И. Венелина посвящены две отдельные книги, подготовленные Г.К. Венедиктовым: *Венелин Ю.И.* «Грамматика нынешнего болгарского наречия» (М.: Институт славяноведения РАН, 1997; опубликована также в Софии в болгарском переводе в 2002 г.) и «Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831)» (М.: Институт славяноведения РАН, 2005). Григорий Куприянович активно участвовал и в подготовке к публикации наследия своего современника С.Б. Бернштейна, см. его вступительные статьи к сборнику статей С.Б. Бернштейна «Из проблематики диалектологии и лингвогеографии» (М.: Индик, 2000), к воспоминаниям С.Б. Бернштейна «Зигзаги памяти» (М., 2002; совместно с В.П. Гудковым), в которых он со свойственной ему академичностью, простотой, ясностью и четкостью изложения представляет читателю взгляды своего старшего коллеги в историко-лингвистическом контексте.

В 2009 г., к 80-летию ученого, Институтом славяноведения РАН был издан сборник статей Г.К. Венедиктова «Исследования по лингвистической болгаристике», заглавия разделов которого – «История современного болгарского литературного языка», «Грамматика современного литературного языка», «Болгарская диалектология», «История лингвистической болгаристики», «История болгарского книгопечатания» – отражают основные интересы ученого.

Научное наследие Г.К. Венедиктова насчитывает около 300 публикаций, включая переводы и членство в редколлегиях различных научных сборников. Исследования ученого основаны на анализе обширных языковых, культурологических и исторических (архивных) материалов и находятся на стыке таких дисциплин, как лингвистика, социолингвистика, история славянской науки и культуры.

На протяжении многих лет Григорий Куприянович вел большую научно-организационную работу: в разное время был ученым секретарем сектора (отдела) славянского языкознания, членом Диссертационного совета института, ученым секретарем Специализированного совета института по защите докторских диссертаций, членом Ученого совета института, членом Экспертной комиссии по филологии института, заместителем председателя по культуре Советско-болгарской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук, членом правления Межреспубликанской научной ассоциации болгаристов, почетным членом Общества филологов-болгаристов (Болгария). С 1961 г. был членом редколлегии «Кратких сообщений» Института славяноведения АН СССР, которые выходили со времени создания института по 1965 г., когда началось издание журнала «Советское славяноведение». С момента основания журнала «Советское славяноведение» заведовал в нем отделом языкознания до 1974 г., когда его по личной просьбе освободили от этой должности, затем на протяжении двух десятилетий (с 1994 г.) являлся членом редколлегии журнала «Славяноведение», также входил в редакционный совет ведущих болгарских филологических журналов «Български език» (с 1998 г.) и «Език и литература» (с 2007 г.).

За свою научную деятельность Григорий Куприянович был отмечен почетными грамотами и медалями, среди которых Почетная грамота Президиума АН СССР (1974), Почетная

грамота Президиума РАН (1999), медаль «За доблестный труд» (1970) и др. 13 ноября 2019 г. он был удостоен Золотой медали Института славяноведения РАН им. И.И. Срезневского за выдающиеся заслуги перед отечественной славистикой. Заслуги ученого неоднократно отмечались болгарской стороной: почетными грамотами (в 1994, 1996 и 2002 гг.) и Настольной медалью (в 2002 г.) Министерства культуры Болгарии, Орденом Кирилла и Мефодия II степени и др. В 1998 г. Г.К. Венедиктов был награжден Почетным знаком Софийского университета им. Климента Охридского с синей лентой и избран почетным доктором (*doctor honoris causa*) Софийского университета, 4 июля 2006 г. — иностранным членом Болгарской академии наук. В 2002 г. Г.К. Венедиктов удостоился одной из высших государственных наград Болгарии — ордена «Мадарски конник» («Мадарский всадник») I степени с формулировкой «за особенно большой научный вклад в болгарскую славистическую науку».

Григория Куприяновича отличали, с одной стороны, научная принципиальность, с другой — доброта, участие, отзывчивость, деликатность и при этом веселый нрав. Научные труды Григория Куприяновича вошли в золотой фонд лингвистической болгаристики, а его личность, человеческий образ навсегда останутся в нашей памяти.

Информация об авторе

Трефилова Ольга Владимировна,
младший научный сотрудник
Отдела этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН.
Москва, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3105-2535>.
E-mail: trefolium@gmail.com

Information about the author

Olga V. Trefilova,
Junior Researcher of the Department for Slavic
Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic
Studies of Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3105-2535>.
E-mail: trefolium@gmail.com

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

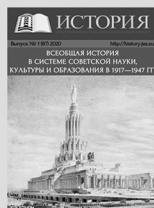
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
  - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).